

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2011 – 1 (223)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2011**

*Центр гуманитарных
научно-информационных исследований*

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *Д.Е. Фурман* – д-р ист. наук, *В.Н. Сченникович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. Науч.-информ. исслед. – М., 2011. – № 1 (223). – 192 с.

СОДЕРЖАНИЕ

O. Савченко. Россия в меняющемся мире. (Анализ геополитических процессов).....	4
Марина Павликова. Самый большой в мире карлик. (Какой видят современную Россию зарубежные СМИ)	13
Владимир Семёнов. Тенденции развития этнического сознания народов России: Политологический анализ.....	20
Л. Бирчанская. Иммиграция в Москву: Новая реальность	36
Сергей Слуцкий. Террористическое подполье в Ингушетии	43
Н. Федулова. Борьба за влияние в зоне Большого Кавказа	59
Эльсевер Самедов, Ирада Зарганаева. Исламское образование в Азербайджане	72
Станислав Чернявский. Кровавые уроки очередного переворота в Киргизии	78
O. Хушкадамова. Женщины в системе политической власти и управления Таджикистана	91
P. Рахимов. Своеобразие ислама в Центральной Азии.....	97
С. Лузянин, Е. Сафронова. Гидротехническое «наступление» Китая в Средней Азии: Последствия для Казахстана и России	114
Жак Левек. Почему Тегеран уверен в собственном успехе.....	118
Анна Кашина. Демократия по-тунисски или «Королевство Бен Али»?.....	130
E. Савичева. Ливан и его диаспора: Прямая и обратная связь. 138	
Эльдар Касаев. Модернизация через фундаментализм. (Эволюция политизации ислама на национальном и региональном уровнях)	156
Виктор Волконский. Возвращение в сферу смыслов	175

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

О. Савченко,

кандидат экономических наук

РОССИЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

(Анализ geopolитических процессов)

Одним из ключевых вопросов современного исторического процесса является вопрос о соотношении тенденций к распаду и интеграции различных государственных образований. В самом деле, на наших глазах на территории евразийского континента разворачивается захватывающее историческое действие – одномоментное, по историческим меркам, разрушение многонациональных государств и образование на их обломках наднациональной государственности нового вида – Европейского сообщества.

Распад СССР недолго оставался единичным феноменом. Вслед за ним в сопровождении кровавых всполохов рассыпалась Югославия, потом с достоинством интеллигентных супружеских разошлись Чехия со Словакией. Странно было бы думать, что на этом все закончится. Очень скоро мы увидим на политической карте Балкан одинокую Сербию, покинутую Черногорией и Республикой Косово. Исчерпан ли на этом потенциал распада?

Многие эксперты, как в нашей стране, так и за рубежом, считают, что некроз политической ткани Российской Федерации продолжается и после распада советской империи. Северный Кавказ лишь частично контролируется центром, все большую политическую и экономическую самостоятельность приобретает мусульманский Татарстан, Дальневосточный регион ориентирован на Японию и Китай в большей степени, чем на Москву, Калининградская область ускоренно интегрируется в западноевропейское пространство. Грузия теряет Абхазию и Южную Осетию.

На фоне этого процесса распада государственных образований мы наблюдаем совершенно противоположную тенденцию –

набирающий обороты процесс развития Евросоюза и НАТО. Выросший из незатейливого послевоенного таможенного Союза угля и стали Евросоюз постепенно превратился в наднациональную организацию со всеми атрибутами государственности: конституцией (Лиссабонский договор), президентом (председатель Европейского совета), парламентом (Европарламент), правительством (Еврокомиссия), судебной властью (Суд ЕС), единой денежной системой (евро) и в недалеком будущем – вооруженными силами. Причем процесс развивается не только вглубь, но и вширь. Збигнев Бжезинский замечает, что только в постсоветский период этот процесс вступает уже в третью фазу. Первая – варшавская фаза – была связана с непосредственными геостратегическими последствиями «холодной войны» и предусматривала быстрое принятие в НАТО Польши, Чехии и Венгрии; вторая – вильнюсская фаза – была связана с почти одновременным и географически совпадающим решением о расширении НАТО и Евросоюза за счет, соответственно, семи и десяти новых государств; следующий (киевский?) раунд может быть обращен дальше на восток, на Украину и, возможно, на Кавказ, а вероятно даже, в конечном счете, и на принятие в НАТО России.

Как же объяснить это одновременное развитие, казалось бы, взаимоисключающих тенденций к распаду и интеграции?

Для ответа на этот вопрос нам придется совершить небольшой экскурс в теорию цивилизаций. Среди мировых имен, разивших в своих работах эту теорию, можно назвать Макса Вебера, Фернана Броделя, Освальда Шпенглера и, конечно, Арнольда Тойнби, а из современных авторов – Самуэля Хантингтона, автора острой работы «Столкновение цивилизаций». Общий ход исторического процесса, согласно этим представлениям, выглядит как цепь, отдельные звенья которой представляют собой локальные образования – цивилизации, объединенные общим культурным ядром. Таким образом, цивилизации являются культурными единствами. Ценности, нормы, менталитет, религия, общее миропонимание – вот их основа. Они могут содержать одно или несколько государственных или политических образований. Они могут обладать территориальной общностью или располагаться одновременно на нескольких континентах. Более того, в процессе своей жизни они могут мигрировать вместе с носителями их общей культуры, как это произошло в случае с Северной и Латинской Америкой. Цивилизационные общности являются долгоживущими системами и гораздо более устойчивыми по сравнению с любыми другими

социально-политическими образованиями, например национальными государствами и уж тем более империями, особенно если последние включают в свой состав этнические элементы, принадлежащие к разным цивилизациям. Самюэль Хантингтон на основе анализа множества работ, посвященных этой теме, выделяет семь современных цивилизаций: китайскую, японскую, индуистскую, латиноамериканскую, исламскую, западную и православную. В рамках такого подхода многие современные геополитические процессы резко проясняются.

С позиции теории цивилизаций любая империя, включающая в свой состав элементы различных цивилизаций, рано или поздно рухнет. Очевидно, что разрыв имперских скрепов должен проходить по линиям цивилизационных границ. Именно это мы и наблюдаем на примере крушения Римской империи в Древнем мире, Османской и Австро-Венгерской империй в истории Нового времени и, наконец, развала СССР и Югославии в новейший период.

Ход распада СССР как исторического наследника Российской империи в этом смысле можно рассматривать в качестве хрестоматийного примера. В самом деле, вначале от СССР отходят прибалтийские народы – носители западной цивилизации, затем народы, относящиеся к цивилизации ислама, – Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизия, Казахстан. Сложнее с Украиной и Беларусью. Уже после отделения они долго продолжают оставаться сателлитами метрополии. Однако постепенно в Украине западная доминанта побеждает, происходит мучительная и болезненная самоидентификация страны как части Западной цивилизации. Вслед за чем последует и ее политическая переориентация. Что же касается Беларуси, то она демонстрирует яркий пример православной ментальности и, видимо, обречена неопределенно долго оставаться в зоне российского притяжения. Болезненный распад Югославии демонстрирует те же тенденции. От имперской православной Сербии последовательно отделяются католические Хорватия и Словения, затем исламские Босния и Косово. Черногория же, подобно Беларуси, продолжает оставаться в особых отношениях с прежней метрополией.

Практически одномоментное крушение многонациональных государств в конце XX столетия, разумеется, имеет свои конкретные социально-исторические причины. Российская империя начала складываться на рубеже XV–XVI вв., когда молодое московское централизованное государство направило свою экспансию на Вос-

ток, присоединив Казанское и Астраханское ханства и приступив к колонизации Сибири. Позже, в XVIII в., при великих государях Петре и Екатерине в состав империи были включены территории на северо-западе до Балтики и на юго-западе до Черного моря, в XIX в. был завоеван Северный Кавказ. При этом в составе империи оказались территории, принадлежащие западной и исламской цивилизациям. Основной питающей силой этой экспансии было быстрорастущее население. По уровню темпов роста населения Россия на протяжении веков опережала любую страну Западной Европы, за 200 лет (1750–1950) численность населения в границах нынешней РФ выросла в 9,7 раза, в Великобритании – в 7 раз, в Германии – в 5 раз, во Франции – в 3 раза. Именно это обстоятельство предопределяло на протяжении столетий возможность осуществления непрерывного миграционного потока из Европейской части страны на восток и юг. Постоянная экспансия как способ выброса вовне накапливающейся внутренней энергии – вот способ существования любой, в том числе и Российской империи.

Положение дел стало меняться в начале 70-х годов XX в., когда впервые произошел качественный перелом в направлении межреспубликанских миграционных потоков, в результате которого Россия из республики, отдающей население, превратилась в принимающую его. Наибольший вклад в «копилку» вносили Казахстан, Азербайджан, Узбекистан, другие республики Средней Азии. Этот миграционный поток носил характер возвратного движения русских. Уже тогда внимательный наблюдатель мог констатировать начало конца Российской империи.

Почему изменилось направление миграционных потоков? Можно назвать как минимум две причины. Одна связана с внутренними изменениями в центре империи, другая – с изменениями на колониальной периферии. В результате индустриализации 30–50-х годов и связанной с ней урбанизации большая часть населения Российской Федерации оказалась сосредоточенной в городах (в 1993 г. городское население составило 73%). Причем этот процесс в основном охватил наиболее экономически развитые регионы, где сосредоточена основная масса населения православной культуры. Хорошо известно, что для города характерны коренные отличия демографического воспроизводства по сравнению с селом. Рождаемость урбанизированного населения резко падает, так что на повестку дня ставится задача простого воспроизводства. Если же на эти процессы накладывается системный кризис, выражающийся в деградации экономических и социальных институтов

государства, который разразился в СССР в 80-е годы, демографические проблемы резко обостряются. Начинает расти смертность, сокращается средняя продолжительность жизни. Впервые отрицательные темпы прироста населения в Российской Федерации были зафиксированы в 1992 г., после чего продолжали быстро нарастиать. Сокращение населения метрополии делает невозможным не только поддержание его постоянного притока в колонии, но и осуществление над ними эффективного военного контроля, поскольку снижение рождаемости влечет за собой неизбежное сокращение численности армии, ухудшение ее качественного состава.

Другая причина обратной миграции связана с развитием колониальных окраин. Рост экономики и образования приводит к формированию национальных элит и осознанию ими своей цивилизационной идентичности. Начинается процесс постепенного выдавливания «пришельцев из метрополии» с ключевых позиций в управлении, образовании, экономике. Мифу о формировании новой социальной общности «советский народ» приходит конец. Распад империи становится неизбежным. Разрушение Советского Союза произошло по линиям административных межреспубликанских границ. Можно ли считать этот процесс завершенным? Если последовательно придерживаться ранее изложенной логики, то ответ может быть скорее отрицательным, чем положительным. Во всяком случае, в отношении Российской Федерации и Украины.

На 1 января 2010 г. в Российской Федерации проживали 142,2 млн. человек. В 2007 г. был предан гласности ошеломляющий доклад, в котором говорилось, что численность населения России сокращается на 0,7–1,0 млн. ежегодно и через 50 лет может уменьшиться вдвое. При этом сокращение численности происходит в основном за счет русского этноса, тогда как население менее урбанизированных мусульманских регионов продолжает расти. В Центральном экономическом районе рождаемость составляет 1,5 ребенка на одну женщину, а в Дагестане – 2,9. Для простого воспроизводства этот показатель не должен быть меньше, чем 2,3 ребенка на одну женщину. Может ли это не сказаться на сохранении целостности государства?

Стремясь идеологически обосновать единство страны, власти делают попытку введения в политический обиход понятия «российская нация». Но может ли в принципе существовать такая нация, или это такая же мифологема, как «советский народ»? Попробуем ответить на этот вопрос, отвлекаясь от сиюминутной по-

литической конъюнктуры, с позиций современной этнологии (культурной и социальной антропологии). Нас в первую очередь должен интересовать вопрос о связи понятий нации и этноса. Ведь совершенно очевидно, что мы живем в полиэтнической стране. Но может ли на основе многих этносов сформироваться единая нация, а на ее основе – устойчивое национальное государство? В принципе да, и история знает ряд подобных примеров. В Европе такими государствами являются Франция и, конечно же, Швейцария.

На стадии формирования французской нации в ее состав кроме французского этноса входили италоязычные корсиканцы, немецкоязычные эльзас-лотарингцы, бретонцы, баски. Но самый яркий образец полиэтнической нации – швейцарская. В ее состав входят члены по меньшей мере четырех этносов: германо-швейцарского, франко-швейцарского, итalo-швейцарского и ретороманского. В процессе длительного развития эти этносы интегрировались в так называемые соционации, в основе которых лежит не принадлежность к единому этносу, как, например, в случае с Германией, а осознание их населением общих социально-экономических целей и морально-этических ценностей.

Однако тот же европейский и североамериканский исторический опыт дает нам и другие примеры, когда, казалось бы, состоявшиеся полиэтнические нации вдруг начинают разрушаться. Самый свежий пример – Бельгия. Раньше в Бельгии существовала только одна нация – бельгийская. Валлоны и фламандцы были лишь этносами. Сейчас они стали этнонационациями. Идет процесс, который профессор Юрий Семенов удачно назвал «нацизацией этносов», что в конечном итоге может привести к национальному «разводу» и расщеплению полиэтнической страны. Во всяком случае, в течение двух последних лет Бельгия переживает острейший национально-политический кризис. Похожие проблемы испытывают Великобритания, столкнувшаяся с шотландским сепаратизмом; Испания, ведущая многолетнюю войну с басками; Канада, едва не проигравшая референдум по вопросу отделения провинции Квебек. Этот ряд можно закончить самым близким для нас примером, связанным с отделением от Грузии Абхазии и Южной Осетии.

Видимо, мы являемся свидетелями развития нового исторического процесса – ускорения нацизации этносов и образования на этой основе новых национальных государств. Фундаментальной причиной этого процесса, с нашей точки зрения, является глобализация, позволяющая отдельным этносам опираться в своем стрем-

лении к национальному самоопределению на экономическую, информационную и политическую инфраструктуру современного мира. Стоит заметить, что все приведенные выше примеры нациализации этносов относятся к странам, включающим в свой состав этносы, принадлежащие к общей, в данном случае западной, цивилизации. Что же тогда говорить об устойчивости полиэтнических государств, объединяющих этносы «конфликтующих» цивилизаций?

Посмотрим теперь с этих позиций на перспективы выращивания «российской нации». Наиболее красноречивым показателем степени интеграции этносов в единую нацию является признание государственного языка, в данной ситуации русского, родным. По результатам переписи 1989 г. из 534 тыс. евреев 90,5% считают русский родным языком, из 5,5 млн. татар – только 14,2, из 1,4 млн. башкир – 22,3, из 1 млн. чеченцев – 1,1, из 600 тыс. аварцев – 1,6%. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, где в ближайшие годы будет происходить наиболее активное «строительство» новой российской нации. Чеченская война служит ярким подтверждением слабости нового мифа. Видимо, в среднесрочной исторической перспективе Россия с большой степенью вероятности потеряет Северный Кавказ, как она фактически потеряла Чечню, которую полностью покинуло русское население, а контроль за внутренними социально-экономическими процессами отдан на откуп одному из местных кланов. Менее очевидной выглядит перспектива выхода из состава России Татарстана как с учетом его географического положения, так и степени интегрированности его населения. Достаточно сказать, что 68% татар живут за пределами своей республики. Здесь дело, скорее всего, ограничится дальнейшим расширением ее автономных прав.

Теперь о европейской интеграции. Действительно, происходящее на наших глазах объединение европейских стран захватывает своей новизной, особенно на фоне крушения советской империи. Происходит переход от отраслевого союза нескольких государств к полновесной протогосударственной структуре, имеющей фактически форму европейской конфедерации, включающей в свой состав 27 государств. Это несомненный результат экономической глобализации, требующей увеличения емкости рынков и их скоординированного регулирования. Противоречит ли это цивилизационному подходу к анализу geopolитических процессов? Нисколько.

Во-первых, большинство европейцев убеждено, что строительство Союза должно основываться на общем христианском наследии. Вот почему так долго оттягивается момент четкого обязательства открыть двери Евросоюза для мусульманской Турции.

Во-вторых, создание ЕС не отменяет национальных особенностей и противоречий между входящими в него государствами, в силу чего он может оказаться либо слабоинтегрированным, либо вообще недолговечным образованием.

Если говорить о конкретных тенденциях нарастания кризисных явлений в рамках Евросоюза, то в их основе, как это ни парадоксально, обнаруживаются все те же демографические причины. Урбанизация привела к абсолютному сокращению численности титульных наций в большинстве европейских стран. Это в свою очередь привело к нехватке рабочей силы для стабильно растущей экономики. Дефицит рабочей силы Старая Европа может компенсировать за счет двух источников – афро-азиатского окружения и новых «волонтеров» Евросоюза из Восточной Европы. Очевидно, что расширение Евросоюза на Восток во многом обусловлено интересом к рабочей силе постсоветских стран. Однако это краткосрочный источник. В течение ближайших десяти лет возможности миграционных потоков с востока на запад Европы исчерпают себя, поскольку демография Восточной Европы имеет те же тенденции, что и на Западе, а разница в уровне жизни нивелируется.

Остаются страны Северной Африки и Турция. Здесь уже сложились устойчивые антропотоки: из стран Магриба – во Францию и Италию, из Турции – на Балканы, в Германию и Голландию. Вся проблема в том, что мигранты из этих стран – носители иной цивилизационной культуры. События последних лет во Франции, связанные с острыми конфликтами между арабским иммигрантским меньшинством и коренным населением, со всей очевидностью показали, что дальнейшее увеличение мусульманской составляющей может не только привести к обострению межцивилизационных конфликтов, но поставить под угрозу сохранение национальной идентичности этой страны. Похожие проблемы возникают и в других странах Западной Европы, например, в Германии с ее обширной диаспорой выходцев из Турции. В Старой Европе становятся все слышнее голоса тех, кто выдвигает эту проблему на первый план. Наиболее ярким манифестом защитников национальной идентичности стала книга известной итальянской журналистки Орианы Фаллачи «Ярость и гордость». Предельно обостряя проблему столкновения культурных ценностей

ислама и христианства, Фаллахи пишет: «Вопрос останется в силе, даже если Усама бен Ладен умрет или обратится в католичество. Ибо я не перестану повторять, что Усама бен Ладен и его последователи – это всего лишь современное выражение тенденции, на которую Запад по глупости или циничности закрывает глаза. Да придите в себя! В 1982 году я видела, как они разрушали католические храмы, сжигали распятия, марали образа, мочились на алтари, превращали часовни в отхожие места. Я видела их в Бейруте. Бейрут до их появления был таким счастливым, таким богатым, таким изысканным. Сегодня Бейрут – жалкая копия Дамаска или Исламабада». По мнению многих экспертов, все перечисленные тенденции неизбежно приведут к усилению разногласий между странами Евросоюза по вопросам миграционной политики и подрыву одного из ключевых оснований Евросоюза – общего рынка труда. Провал принятия Конституции Евросоюза и замена ее Лиссабонским договором являются очевидными примерами объективных ограничений интеграционных процессов в Европе. По мнению российского политолога С. Переслегина, являющегося выразителем крайнего евроскептицизма, превращение мусульман в голосующее большинство может заставить Францию покинуть Евросоюз к 2020 г., после чего из его состава выйдут Великобритания и Германия.

Все перечисленные противоречия создают объективные ограничения в области европейской интеграции. В основе этих ограничений лежат потребности в сохранении национальных идентичностей. Каковы же выводы?

1. На протяжении последних десятилетий происходит ускорение нацизации этносов и нарастание на этой основе неустойчивости полигэтнических государств.

2. Государственные структуры, включающие в свой состав крупные этносы, принадлежащие к разным цивилизациям, являются нежизнеспособными в масштабах значимых исторических периодов и неизбежно разрушаются.

3. Конкретными причинами распада СССР являются депопуляция коренного населения метрополии и стремление к цивилизационной и национальной самоидентификации населения союзных республик, происходящие на фоне крушения советской социально-экономической модели.

4. Глобализация современной экономики создает условия и потребность в развитии наднациональных координирующих орга-

низаций, вплоть до передачи им части суверенных прав входящих в них государств.

5. Наибольшей степени наднациональная интеграция достигает в рамках отдельных цивилизаций. Интеграционные процессы в рамках западной цивилизации привели к образованию достаточно устойчивого надгосударственного образования конфедеративного типа – Евросоюза, однако попытка включения в него Турции, принадлежащей к цивилизации ислама, может резко обострить его внутренние противоречия.

6. Наднациональная интеграция даже в рамках общей цивилизации имеет жесткие ограничения, задаваемые требованиями сохранения национальной идентичности как одной из ключевых социальных ценностей современного мира. Эти ограничения приводят к нарастанию внутренних конфликтов в процессе европейской интеграции и усилению евроскептицизма.

*«Политика и бизнес в меняющемся мире»,
Обнинск, 2010, с. 6–14.*

Марина Павликова,
доцент факультета журналистики
МГУ им. М.В. Ломоносова
САМЫЙ БОЛЬШОЙ В МИРЕ КАРЛИК
**(Какой видят современную Россию
зарубежные СМИ)**

Цельная картина того, какой Россию видят в мире, может складываться, к примеру, из совокупности изученного, с тем чтобы в дальнейшем выявить характерные для журналистики, скажем, западного образца, особенности создания и тиражирования различных образов/стереотипов, медиаконтента разных стран. Так, например, на протяжении последних нескольких лет группа медиаисследователей факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова занимается прицельным изучением содержания зарубежных СМИ. В 2005 г. увидела свет книга «В мире других: Образы русских и европейцев в СМИ», в которой представлены варианты кросс-культурных исследований, посвященных проблеме формирования медиаобразов в Северной Европе и в России. Годом позже российские специалисты предприняли попытку выявить различия и общие черты в освещении российской действительности качественными газетами крупнейших и/или экономиче-

ски развитых стран мира – США, Канады, Японии, Норвегии, Финляндии, Германии, Франции, Италии, Испании – в период 2006–2007 гг.

Полученные в итоге данные подтверждают выводы о том, что в сегодняшней журналистской практике, позволяющей конструировать глобальное и/или национальное медиапространство, широкое применение находит концепция «других» (бинарная оппозиция «мы – они» / «свои – чужие») в качестве модели для создания медиаобразов и информационных картин, а также имеется определенный набор дискурсивных практик. В основе этих практик лежит так называемый ориентализм журналистских репортажей, связанный с нехваткой соответствующего знания «контекста» и воспроизведением взглядов прошлых эпох. Если попытаться понять, следуя какой логике происходит тиражирование стереотипов о России в зарубежных СМИ, то мы увидим, что эта логика как раз и обусловлена журналистскими представлениями, которые выделяет шведский профессор Я. Экекранц:

1) «застывание» журналистских дискурсов: например, «холодная война», проблема ухода России с демократического пути развития, отсутствие свободы слова – лейтмотив, проходящий через многие материалы западных изданий;

2) наличие коллективной журналистской памяти: настоящее привязано к прошлому и будущему; постцизм или посткоммунизм: говорят ли они об одном и том же; репортажи о России и из России такие же, как 70 лет назад;

3) постоянство геополитических интересов и интересов национальной безопасности как основа для журналистских текстов; журналистика близка интересам политических элит.

Практически образ России (как, впрочем, и образ любого другого «чужого» государства) в СМИ создается в первую очередь за счет отбора фактов, использования терминов, выбора темы для материала (причем у каждого журналиста в арсенале есть определенный список тем, которые он обычно освещает в отсутствие громких политических или экономических событий в России; эта тематическая выборка – грабеж, пьянство, нищета – в большинстве случаев не оставляет возможности для формирования положительного образа России за рубежом), а также способов построения фраз и заголовков. На настоящий момент в журналистской практике имеет место самая настоящая война терминов. Яркий тому пример: в российской и немецкой прессе мы имеем дело с чеченскими боевиками (*bojewiki*), в то время как во французской или

американской – с чеченскими повстанцами (Chechen rebels) или чеченскими борцами за свободу (Chechen freedom fighters). Мир, как уже указывалось выше, также часто определяется в терминах противоположностей: частное – общественное, реалия – иллюзия, союзники – враги. Так, например, в британской прессе мы наблюдаем принципиальную разницу в подходе к освещению событий, в которых участвует российское правительство и частные российские компании.

Если речь идет о действиях российского правительства в вопросах поставки нефти, газа, энергоресурсов, то мы имеем «нефтегазовую руку на изголодавшемся энергетическом горле Европы», «бандитскую экономику», «авторитарные замашки», в то время как действия определенных российских предпринимателей, особенно тех, кто имеет активный бизнес на территории Великобритании, оцениваются, как правило, позитивно. Стоит также отметить, что российское правительство и российская власть так же, как и частный российский бизнес, сильно персонифицируются: например, в статье в норвежской «Дагбладет» «Путин угрожает Европе ракетами»; мы находим отождествление Путина с царем в финских периодических изданиях, к примеру, в популярном общественно-политическом еженедельнике «*Suomen kuvalehti*»; очень позитивный образ канадского миллиардера российского происхождения Алекса Шнайдера в канадских СМИ, который привел к тому, что положительное отношение СМИ распространяется и на других российских бизнесменов. Правда, последнее явление наблюдается далеко не везде – зачастую персонифицированный образ окрашен негативно.

О том, как иллюзии выдаются за рамки реалий и наоборот, могут свидетельствовать материалы западных СМИ о кризисе российско-грузинских отношений (2006) и действиях России в условиях грузино-осетинского вооруженного конфликта (2008). Чего стоит, к примеру, одно только уточнение «по непроверенным (!) сведениям, предоставленным грузинской стороной...», сделанное в материалах зарубежных изданий спустя неделю после начала боевых действий в Южной Осетии (такую вот информацию, не имеющую ничего общего с реальностью, не задумываясь, «глотал» обычный западный/ восточный читатель/зритель).

Комбинация «союзники – враги» зачастую видна в журналистском подходе при освещении событий, связанных с отношениями России с бывшими странами Варшавского договора (жесткие дискуссии о размещении элементов системы ПРО США на терри-

тории Польши и Чехии) и ближайшими соседями (особенно трения с бывшими советскими республиками – демонтаж памятника Советскому Солдату в Эстонии, «оранжевая революция» на Украине). Российская позиция (в первую очередь по защите своей государственности и в том числе границ) воспринимается ведущими западными изданиями, например, американской «Washington Post» и английской «Guardian», как противостояние политике США и Евросоюза.

Ярким примером застывания журналистского дискурса, а также влияния так называемой коллективной журналистской памяти, можно считать описание иностранными СМИ внешней политики России как империалистически настроенной державы: тиражирование этого стереотипа наблюдается в большинстве печатных изданий англосаксонского мира. Впрочем, не только там. Обратимся к цитате из интервью «Guardian» с главой российской дипломатической миссии в Лондоне Ю. Федотовым: «Такое впечатление, что практически из тех, кто пишет на эту тему (шантажирование Россией других стран доступом к энергоресурсам. – М. П.), никто не может удержаться от искушения взглянуть на нее через призму “холодной войны”. В результате одни говорят, что между нашими странами подул ледяной ветер, другие – что наступил ледниковый период».

Проанализируем также и недавние материалы, например, венгерскую «Magyar Nemzet», где журналисты ставят вопрос: «Почему Москва защищает Сталина?» (ответ: возможно, потому, что сталинизм продолжает существовать) или «Действительно ли закончилась “холодная война”?» Кстати, если перевести с венгерского на русский язык словосочетание «холодная война» (hideg haboru), используя другое, но равнозначное значение прилагательного «hideg – холодный, морозный», то получится «морозная война», что придает особый колорит публикациям, способствующим распространению русофобских настроений в обществе.

Стоит процитировать выступление журналиста и аналитика Пала Э. Фехера из Братиславы, который делает вывод о том, что редакционная политика многих центральноевропейских СМИ по отношению к России укладывается в формулу устрашения, предложенную самими же СМИ центральноевропейских стран: «Русский карлик самый большой карлик в мире, даже больше американского гиганта».

На основе примеров, приведенных выше, нетрудно сделать вывод, что мнения западных авторитетных изданий о «путинской

угрозе», «суворенной демократии», «ревизионистской России» зачастую являются определяющими в позициях журналистов стран Восточной Европы, о чём свидетельствует, например, анти-российский (до недавнего времени) курс упомянутой выше «Magyar Nemzet». Журналисты не только повторяют сами себя, на протяжении долгих лет они обыгрывают старый как мир образ «большого русского медведя» и демонстрируют свое видение мира глазами самых настоящих жертв коллективной памяти, наполненной в наше время различными штампами (например, статья «Путинизм с человеческим лицом» в общенациональной венгерской газете «Nepszabadság» от 4 марта 2008 г.). В большинстве случаев в прессе отсутствуют сбалансированные материалы о России из России, что приводит к нивелированию важной роли собкоров центральных и восточноевропейских СМИ, чья компетентность в идеале должна способствовать формированию в сознании обычного гражданина наиболее объективной картины происходящего и в соседней стране, и в мире в целом.

Несмотря на то что образ России в прессе разных стран представлен в различных ракурсах и появляется в разное время, можно выделить общий для большинства европейских государств период, когда Россия стала регулярно упоминаться в печати: конец XIX в. – 1930-е годы. Именно тогда стало возможным говорить о формировании образа России при помощи средств массовой информации. В позитивном плане полное единодушие по отношению к России, точнее – к Советскому Союзу, зарубежная печать выразила лишь один раз: положительный образ СССР в странах антифашистской коалиции наблюдался во время Второй мировой войны и победы СССР над фашистской Германией.

Говоря о центральноевропейском акценте в образе России за рубежом, мы, конечно же, должны отметить, что такой акцент существует. И понятно, что многое зависит как от социальной, так и от профессиональной позиции журналиста, стремящегося показать «не замыленную» Россию. Возьмем, к примеру, серию репортажей венгерского тележурналиста Я. Молнара на первом канале общенационального телевидения Венгрии в программе «Панorama» (осень 2009 г.). Нестандартный подход к выбору тем (жизнь сельского священника и жизнь подмосковной глубинки, политическая активность российской молодежи и военно-патриотические клубы, современная жизнь и быт ветеранов трех войн – Великой Отечественной, Афганской, чеченских кампаний) позволил в некоторой степени избежать того, чтобы в репортаже отразились сте-

реотипное мышление и тот страх, которым окутано большинство обычных граждан разных стран: «Раньше мы путешествовали и по дальним регионам Советского Союза. Теперь боимся ездить куда-либо, поскольку наслышаны о преступности, нас беспокоит российская нестабильность, отсутствие законодательной базы...».

Понятно также, что СМИ так или иначе зависят от крупного монополистического капитала и/или от государства, хотя дискуссии о свободе слова и о роли журналистики не прекращаются в ходе любых международных конференций и круглых столов, в научных работах, публицистике и т.д. Принимая во внимание то, что мы теоретически можем иметь дело с независимыми СМИ, мы не можем, однако, не принять во внимание тот факт, что средства массовой информации сегодня зависят от предпочтений аудитории. Большинство СМИ вынуждено создавать тот образ, который будет прежде всего «продаваться». Будет востребованным на разных уровнях.

Складывая воедино все «зависимости», российские медиаисследователи приходят к мысли, что Россию в Европе и США (исходя из разного рода предпочтений: социального или другого заказа), пока видят так:

1. *Washington Post, USA Today*: образ России в целом вписывается в ту модель, которая сформировалась на рубеже XIX–XX вв. и с незначительными изменениями просуществовала в советскую эпоху, а сама Россия чаще воспринимается как «усеченный» вариант Российской империи или Советского Союза; Россия не является частью западного мира и не вписывается в задуманную США модель, она становится ближе к Западу, лишь решая стратегические задачи, которые соответствуют его интересам (переговоры по атомной проблеме с руководством Ирана и Северной Кореи). Материалы о России – сочетание новостной информации и стереотипов прошлого.

2. *Times, Guardian*: в формировании образа сыграла роль оппозиционная российская интеллигенция начала XX в., русских антимонархистов поддерживали английские писатели, публицисты. Россия сегодня – полноправный участник мировой политики и экономики, регулярно обсуждаются отношения с ближайшими соседями; принципиальная разница в подходе к освещению событий, в которых участвует российское правительство и частные российские компании; положительную оценку британских СМИ в основном заслуживают культурные и спортивные достижения отдельных россиян.

3. Die Welt, WAZ: шаблонный характер образов России – стереотипы переходят из номера в номер, проявляются в подборе тем, в содержании публикаций и фотографий. Хотя при этом журналисты сумели отказаться от «замыленного» стереотипа Путина и КГБ и перешли к понятиям «суверенная демократия» и «усиление государственной власти»; негативный образ русской женщины (*sterwa, egoistka*) в присутствии воспоминаний о СССР и загадочной русской душе; национальная особенность русских – пристрастие к алкоголю, при этом нигде не указывается, что сами немцы, по данным ВОЗ, в среднем употребляют больше спиртных напитков.

4. Le Mond, Le Figaro: агрессивность французской прессы по отношению к позиции России во время чеченской войны обсуждалась в России на государственном уровне. Газеты также подчеркивают возрастание ксенофобских настроений в отношении Грузии при попустительстве властей (2006); отмечается неуживчивость России с соседями: активно освещались российско-польские отношения (непризнание Россией вины за Катынь, запрет на импорт польского мяса, проблема Калининграда) (2006); сближение России с Востоком (Индия) – проявление русского упрямства и не-предсказуемости. Французские газеты пользуются одними и теми же сообщениями из информагентств, не наблюдается желания изучить ту или иную проблему, вникнуть в ее суть. Россия для Франции, контакты с которой насчитывают уже не одно столетие, – тэrra инкогнита, чувствуются отголоски мемуаров маркиза де Кюстина, полные презрения к дикой и далекой от цивилизации России; потомки «новых русских» похоронили память о великой русской культуре.

5. La Vanguardia, El Mundo (молодое поколение прессы после падения режима Ф. Франко): Россия столь же антизападная, как и в советские времена, образ России, постепенно формирующийся у мировой общественности, может быть омрачен конфликтами со странами бывшего СССР и Западной Европы; интерес к «звездам» российского спорта.

6. Helsingin Sanomat: background: «В то время, когда русские студенты организовывали покушения на царей, финские студенты встречали их песнями и цветами». В России наблюдается «общеприятие олигархии»; пресса с удовольствием подхватывает разгоревшиеся по всей Европе дискуссии об отсутствии свободы слова в России; выбор тем, затрагивающих общественные вопросы, ог-

раничен. При этом пресса демонстрирует настоящий интерес к русской культуре и литературе.

«Негативности» в негативный образ России за рубежом добавляет и опубликованное польской газетой «*Gazeta Wyborcza*» (июль 2009) растиражированное разными европейскими изданиями открытое письмо экс-лидеров стран Центральной и Восточной Европы Бараку Обаме. Основная мысль письма заключается в том, что надо быть строже с «ревизионистской» Россией и не делать ей «неправильных уступок» (перевод на русский предоставлен РИА «Новости»). Более 20 политиков и бывших лидеров стран Центральной и Восточной Европы призвали США внести коррективы в свою внешнюю политику и повторно «инвестировать в трансатлантические отношения», поскольку существует опасность, что «ползучее запутывание и лоббизм со стороны России приведут к фактической нейтрализации региона (Восточно- и Центрально-Европейского. – М. П.)». Вот такой вот застывший дискурс.

«Стратегия России», М., 2010, № 7, с. 37–42.

Владимир Семёнов,
кандидат политических наук
(ПАГС им. П.А. Столыпина, г. Саратов)
**ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭТНИЧЕСКОГО
СОЗНАНИЯ НАРОДОВ РОССИИ:
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

В постсоветский период начинается этап активизации этнических чувств и развития этнического сознания народов России. Заметным показателем направленности этих процессов (во многом характерным и для представителей других этнических групп) является изменение массового сознания тюркских народов, проживающих в России. Саму перестройку многие представители тюркских этнических групп восприняли как «национальное освобождение», возможность приобретения государственного суверенитета. Под этим лозунгом национальные элиты развернули массовое движение за повышение статуса своих национальных республик и образований, за решение проблем с обязательным учетом «национального вопроса».

Представители тюркских народов, проживающих в России, констатируют, что внутри их этнических групп нарастают тревожные тенденции:

- уменьшение удельного веса людей, считающих родным язык своей нации, резкое ограничение сферы применения родного языка;
- низкие возможности для получения среднего специального и высшего образования на родном языке, серьезное сужение возможностей для национального воспитания на родном языке;
- значительное сокращение количества лиц, потребляющих ценности национальной культуры;
- снижение уровня развития национальных культур и количества национальных художественных произведений;
- существенное уменьшение удельного веса лиц, знающих и соблюдающих национальные обряды, обычаи и традиции;
- появление внутри этносов значительного количества лиц с национально-нигилизированным сознанием и др.

Сравнивая эти выводы идеологов тюркских национальных элит с процессами, происходящими в современном этническом сознании русских, можно отметить, что и славянские, и тюркские народы вовлечены в процессы этнического распада. При этом главной причиной самораспада наций объявляется не какой-нибудь внутренний фактор, а внешний – виноватыми во всех бедах считаются «чужие» нации: для русских это «южные» («кавказцы», «турки», др.) и «западные» (американцы, евреи, др.) этнические группы; для тюркских народов (особенно для этнических элит) часто это сами русские. Характерно, что нерусские народы в своем большинстве не испытывают комплекса «поражения от Запада» и не рассматривают «Запад» как врага. Для них разрушение Советского Союза стало поражением России и русских (все время стоявших как бы «над ними») и возможностью строить самостоятельно новую жизнь своей нации. Если что-то не получается в строительстве национального государства, то срабатывает стереотип массового сознания – «виноваты русские».

В отличие от русских многие «малые народы» увлеклись этнической историей, заинтересовались своим культурно-историческим наследием. Созданы мощные идеинные течения, получившие в работах некоторых западных исследователей название «мирасизм» (от «мирас» – наследие). Новая, «подлинная» история своего народа часто открывается как «столетия борьбы за свободу» против русского государства (у официальных идеологов) или против «русских в целом» (у националистов). Характерными являются слова современного татарского философа Рафаэля Хакима: «За более чем четыре столетия угнетения, направленного не про-

сто на эксплуатацию нации, но и на ее ассимиляцию и даже на физическое уничтожение, татары выстояли, выжили и полны сил стать составной частью мировой цивилизации». Он же задает вопрос: «Чего татары ждут от России, от той России, которая вызывала страх, была источником унижения, угнетения нации? Татарам не нужно преимуществ, не нужно привилегий. Достаточно свободы и равноправия...» Понимают ли такую постановку вопроса русские? Вряд ли. Многие русские уверены в том, что русский народ «вывел» из «доисторической тьмы» многие народы, проживающие в России, на «свет цивилизации», «подарил» им свои технические достижения и благодеяние, язык, культуру и многое другое. Попытки «пересмотреть историю народов России», сделать систему образования, культуры, СМИ, весь государственный аппарат «многогнациональными», изменить статус русского языка как единственного государствообразующего языка и многое другое (инициаторами чего настойчиво выступают, например, татарские общественные организации) у русских вызывают устойчивое чувство неприятия и отторжения. Вокруг этих маркеров в постсоветское время происходит этническая консолидация как тюркских, с одной стороны, так и славянских народов – с другой.

Большинство представителей нерусских народов России ощущают свою этническую консолидацию гораздо в большей степени, чем сами русские. Об этом свидетельствуют данные социологических опросов. При ответе на вопрос: «Что вам дает чувство уверенности в завтрашнем дне?», первое место в ранговом ряду среди «факторов уверенности» у титульных этносов занял ответ: «Поддержка семьи, родственников, друзей». У русских же на первом месте – «способность заработать» (Татарстан) и «ничего не дает» (Якутия и Тува), что свидетельствует о пессимистическом настрое.

Известный конфликтолог Д. Горовиц, изучая в начале 1990-х годов российскую действительность и опираясь на международный опыт, прогнозировал развитие межгрупповых конфликтов в республиках, находящихся в противостоянии с федеральным центром, в частности в Татарстане, в 1993–1994 гг. Действительно, в конце 1980-х – начале 1990-х годов татарская элита на идеологическом и политическом уровнях вела борьбу за новый статус республики: сначала за статус союзной республики, потом ближайшей аналогией статуса стал рассматриваться Пуэрто-Рико, находящийся в ассоциированных отношениях с США. Якутская элита, создав свои национальные организации, вела этническую

мобилизацию вокруг идей особого права на доступ к ресурсам, за приоритет в культурно-информационном пространстве. В Туве такого уровня идеологического прессинга, как в первых двух республиках, не было, но идеологи ставили под вопрос легитимность вступления Республики в СССР в Российскую Федерацию. В Башкортостане идеологическая мобилизация шла вокруг прав на статус союзной республики и затем – республики с особыми правами.

Особенно многочисленными были митинги в Татарстане – 5 тыс., 10 тыс., 15 тыс., даже 50 тыс. человек, причем в составе митингующих особенно выделялись крайние националисты не только с антироссийскими, но и с антирусскими лозунгами. Хотя официальное правительство сдерживало крайний экстремизм и большинство понимало, что радикальных националистов немного (по опросам, за ними не более 2–4%), все же свыше 35% русских и 25% татар в 1991 г. оценивали отношения как «очень напряженные», а свыше половины и тех и других чувствовали, что «напряжение ощущается». В 1994 г. напряженность резко снизилась – ее ощущали 8% татар и 15% русских, однако отметим, что русские в 1,5–2 раза чаще ощущают ситуацию в Татарстане как «напряженную» (в ряде других регионов, например в Саха (Якутии) и Туве, русские ощущают напряженность в 2,5–3,5 раза выше, чем коренные народы).

Около 40% русских и татар в Татарстане (данные на 1997 г.) встречались с отрицательными явлениями в межнациональных отношениях. Среди тех, кто с ними сталкивался, большинство русских (свыше 60%) видело их «в назначениях на руководящую должность по национальному признаку»; 35% встречались с противоречиями «в быту, торговле, в сфере обслуживания»; 20% ощущают «отсутствие или недостаточное участие русских в органах власти». Среди татар наибольшее неудовольствие вызывает «отрицательное отношение к татарам», «неприязненные высказывания о них» (около 35%); у 30% – «неуважение к обычаям, традициям, нежелание учить и использовать татарский язык», у 20% – назначение на должности по национальному признаку и противоречия бытового характера в торговле, обслуживании.

Серьезно разделяют этнические общности представления о значимости сохранения и возрождения культуры. У татар возрождение и развитие культуры приобретают этнополитическое значение восстановления достоинства, равенства. Не случайно за этой ценностью, стоящей на третьем месте, на четвертом идет «укрепление самостоятельности республики», по сути, приобретающая

политическую ценность. У русских этой политической ценностью является «представительство их интересов» в органах власти.

Открытость в дружественном и семейном общении у татар и русских в Татарстане является не меньшей и даже чуть большей, чем у русских и осетин в Северной Осетии – Алании, и заметно больше, чем в Туве между тувинцами и русскими. (Открыты для дружбы около 60% татар и свыше 70% русских, готовы соседствовать соответственно 70 и 80%. В Туве к дружбе с людьми иной национальности были готовы меньше 40% тувинцев и 35% русских, а быть соседями – соответственно около 60%.) Таким образом, следует отметить, что в Татарстане – республике с наибольшими правами по договору, лидере тюркоязычных народов России – психологическая дистанция между титульной национальностью и русскими установилась в меньшей степени по сравнению с другими республиками. Соответственно и межнациональные отношения с середины 1990-х годов оценивались в Татарстане наиболее благоприятно.

На ситуацию в полигэтнических республиках при нарастании противоречий с Центром сразу начинают влиять две противоположные тенденции: с одной стороны, в массовом общественном мнении недовольство Центром переносится на местное русское население; с другой – официальное руководство республики, околоправительственная элита стремятся сплотить контактирующие этнические общности для противостояния Центру. Складывающиеся в республиках авторитарные политические режимы имеют большие возможности для развития этнонациональных отношений и в ту и в другую сторону. Гибкая (а по мнению многих русских – «предательская» и «продажная») позиция уступок федерального правительства национальным элитам в 1990-е годы (особенно в начале – «берите суверенитета, сколько сможете!») дала возможность прекратить развитие межэтнических конфликтов по карабахскому или югославскому вариантам (за исключением Чечни, ставшей примером возможной судьбы нашего государства при неправильной оценке этнических факторов) и стабилизировать отношения между народами, входящими в Российскую Федерацию. Однако, как долго народы и национальные элиты готовы поддерживать сложившуюся систему отношений?

Мы видим серьезные попытки изменить равновесие. Лидеры Татарстана в конце 1990-х годов заявили о необходимости и готовности перейти на латинский алфавит, тем самым четко дав по-

нять и Москве, и своему народу новую цель движения тюрksких народов России – Турция, а вместе с ней и вхождение в «свой» исламский мир. Русские поняли это движение как начало «ухода татар “из-под Москвы” и из России». Характерно, что идеологи перехода на «латиницу» не придают значения аргументам о «неизбежности языкового раскола на татар Татарстана и татар регионов», о «предстоящем забвении татарской литературы XX в., основанной на кириллице», и т.д. За их решимостью стоит уверенность в необходимости создания новой этничности татар XXI в. – пантюркского суперэтноса. Отметим как интенцию современного сознания части татар то, что с развитием реформ на постсоветском пространстве они все более стали ощущать себя «северным форпостом» мусульманского мира и тюркской цивилизации. Наиболее крайние идеологи национального движения заявляют о необходимости «не только превратить Татарстан в государство, служащее интересам всего татарского народа, но и создать в Евразии экстерриториальное национальное управление татарской нации в лице Национального собрания (Милли Меджлиса)». Стержнем предстоящего процесса тюркского объединения на построссийском пространстве ряд идеологов и организаций («Туган тел», «Азатлык» и др.) видят воссоздание союза татарского и башкирского народов.

В 2000-е годы Кремль стал проводить более жесткую политику по отношению к регионам и в ответ на «татарский маневр» провозгласил «усиление вертикали власти», а затем «обязательность использования кириллического алфавита во всех регионах». Таким образом можно усилить «вертикаль» в суверенной национальной республике и как к этому отнесутся власть и население этой республики – покажет время. Возможно, Кремлю придется опять отступить, чтобы вновь в обмен на уступки сохранить стабильность, опасаясь рассечения России надвое «исламской дугой» Турция – Татарстан. Решающим может оказаться и мнение русского народа. Будет ли он уступать и дальше (в том числе роль государствообразующей нации), устраивает ли его роль «новых бедных» в собственной стране или русские все же выдвинут какие-то свои этнические требования?

«Евразийские татары» предлагают для предотвращения межэтнических конфликтов создать Волжскую республику – Идель-Урал, где по типу Швейцарии государствообразующие нации бу-

дут полностью уравнены в правах. Происходящие среди татар процессы с точки зрения западной этнографии и политологии исследовал французский политолог Жан-Робер Равио, который сформулировал главную проблему в форме двух вопросов:

1) имеем ли мы в Татарстане «нацию, стремящуюся стать государством», или «государство, намеренное стать нацией»?

2) возможно ли превращение Татарстана в государство без предварительного формирования в республике «нации»?

По мнению Равно, правящая элита Татарстана выбрала путь конструирования «нации», базирующейся на общности экономических и социальных интересов. Представитель Института истории Академии наук Татарстана Д. Исхаков в ответ выдвинул тезис о существовании в Татарстане двух национальных общностей – «татарской» («этнической» как этнокультурного единства) и «татарстанской» («политической» как территориального экономико-социального сообщества), а также о том, что для дальнейшего развития Татарстана необходимо «подлинное» возрождение и развитие этнической культуры, причем этническая татарская культура не может возрождаться в «узких рамках русско-православной Евразии».

Именно с активизацией этничности представителей ряда российских народов, в частности – татарского и башкирского, связана причина громких протестов относительно отсутствия графы «национальность» (пресловутого «пятого пункта») в российских паспортах нового образца. Ценность этнического происхождения в сознании ряда народов России заметно превышает значимость общегражданской идентичности.

В то же время получили развитие процессы этнообразований внутри развивающихся национальностей. Например, среди татарского народа активизировались так называемые «булгаристы», среди которых немало энтузиастов, получивших через суд новые паспорта с записью новой национальности – «булгарин». В Сибири существует движение, стремящееся объявить сибирских татар самостоятельным народом и создать собственную республику. В Казани усилилось движение за объявление креценых татар самостоятельным народом – кряшенами. Часть астраханских татар записалась ногайцами. Представители татарских элит объявляют эти процессы «искусственными», провоцируемыми «определенными силами» внутри самой России (подразумевая «великодержавное государство»).

Чувашское национальное движение возникло в начале 1990-х годов. Для многих его активистов – националистически настроенных представителей интеллигенции – главным фокусом деятельности и обоснования политических взглядов и позиций, основным стержнем в поиске национальной идеи как идеологической доктрины движения стала религия. В дискуссиях о роли собственно чувашской дохристианской народной веры как фактора этнической консолидации и основы роста национального самосознания в ходе развития движения обнаружились большие разногласия. На начальном этапе идеологических исканий и конкретных действий интеллигенции тождественность дохристианской народной религиозности перспективам развития нации, строительству суверенного государства и его идеологии практически не подвергалась сомнениям. Конфессиональное и этническое чувашское самосознание трактовалось как равнозначные понятия – по аналогии и одновременно с их противопоставлением тождественным и нерасчлененным понятиям «русский» – «православный» в национальных российских патриотических доктринах. Христианство ассоциировалось с русской, «колонизаторской» религией; в исламе усматривалась опасность полной ассимиляции с татарами. Единственным выходом для этнонациональной консолидации чувашей стало обращение к своей традиционной вере. Кирemetь по замыслу основных организаторов – и символически, и буквально – должна была стать храмом чувашской религии и центром духовного развития нации.

В поисках смысла и сути чувашской духовности, ее настоящих реалий чувашские ученые, публицисты, краеведы вновь обратились к своему историческому наследию, религии и мифологии, заново переосмысливая их в аспектах, альтернативных устоявшимся концепциям. Стали воссоздаваться в памяти национальные боги и герои, восстанавливаться забытые имена выдающихся чувашских деятелей, преданных не только своему народу, но и истинной чувашской вере.

Прослеживая в чувашской религиозности этнические, нравственные принципы жизни, основу, формирующую национальный характер, психологию и стереотипы мышления, исследователи в очередной раз вернулись к кирemetи, которая в современном сознании стала символом непокорности, свободолюбия, бунтарства, независимости. Так, в очерке Ю. Яковлева о деятельности И.Н. Юркина – известного писателя, этнографа и активиста раннегого чувашского национализма, открыто выражавшего идеи созда-

ния суверенного государства, – «магия и культ кирemetя» сопоставляются со «свободолюбивым духом чувашской веры», «близким ницшеанству, пониманию жизни как волевого усилия», и связываются с формированием национального характера, «противоположного скромности и чувству меры». Как символ чувашского мироздания кирemetь отождествляется с философией нации – «чувашской идеей» и принципами жизни народа, подвергвшими разрушению на протяжении долгого времени.

Выражение чувашской духовности часто понимается как освобождение «живого духа нации от искусственных препятствий» и его развитие в формах чувашской древней религии и мифологии, соответствующих современному контексту. Еще одним примером такого подхода являются рассуждения И. Дмитриева – современного театрального критика и режиссера. В период с 1992 по 1995 г. – пик деятельности Чувашского национального конгресса (ЧНК), он находился в эпицентре дискуссий по проблемам воссоздания народной религии, полемизируя в открытом эфире с представителями РПЦ. Его подход заключается в признании необходимости создания канонов религии на основе детального изучения обрядовой жизни. Национальную религию и дух он определяет как «чувашское дело», находящееся в противоречии с «государственным делом». Дело «сохранения нации» состоит в развитии духа и его влиянии на все сферы жизни. Свой пессимистический прогноз о будущем чувашской нации в период спада национального движения в 1999 г. он связывал с отсутствием у народа осознания ценности своей религии, утратой духовного единства – «потерей духа в христианский и советский период», «изменой» чувашскому богу Торе. И. Дмитриев считает несообразным проводить реконструированные обряды, вносящие дисгармонию в народную жизнь, и видит выход в постижении сути нерастряченной духовности в ее соотнесении с современными реалиями.

При всем стремлении к обоснованию своей уникальности и самобытности этническая чувашская мысль в силу своих исторических факторов формируется по аналогии со славянскими исканиями духовности нации в православной религии. Объяснение можно найти, в частности, в том факте, что первое поколение чувашской этнической интеллигенции было воспитано в традициях христианского просвещения. Кирemetь вряд ли станет храмом чувашской национальной религии в условиях набирающей силу и влияние РПЦ. Вместе с тем в современном чувашском народном мировоззрении, в артикуляции национального самосознания кире-

меть остается серьезным символом. Аналогично тому, как народная ментальность передается в новом и уже широко распространенном чувашском слове «чавашлах» («чувашкость»), слово «киреметь» сегодня концентрирует и выражает народный дух в произведениях национальной литературы и искусства, пробуждает интерес к древности у склонной к мистификации молодежи, способствует распространению информации о религии и мифологии через систему образования и массмедиа. Символ священного дерева перешел со страниц научных и популярных изданий в современное сознание, а из народного орнаментального творчества – в чувашскую национальную символику – Флаг и Герб.

Сакральное пространство действия символов сегодня намного сильнее физического. В представлении национальных идеологов постоянство символов заключено в их противоречии: с одной стороны, как знаков, олицетворяющих традицию, постоянство, прошлое и неизменное; с другой – как отрицание старого – режима, социального устройства и установления нового порядка, нормы, идеологии и национальной доктрины. Гибкость символов, приспособляемость и адаптация разных религиозных и идеологических направлений, таких как ислам, православие, атеизм или новые религиозные течения, являются подтверждением не только универсальности, но и способности реагировать на происходящие процессы и изменения социальной сферы.

Необходимо сказать и о народах, постепенно теряющих этническую идентичность, возможность в рамках своего этноса адекватно ощутить и понять вызовы современности. В первую очередь это относится к малым народам Севера. Весь XX в. продолжалось размывание границ этнического сознания тунгусов, якутов, эвенков, долган, ненцев, нганасан. Исчезали традиции, этническая культура. Потеря народами Севера идентичности стала одной из главных причин тотального распространения пьянства. Средняя продолжительность жизни северян упала до 34-х лет.

Об угрозе потери этнической идентичности, о возможности в скором времени «растворения» мордвы среди других народов говорят представители мордовского народа. Ситуация в самом деле достаточно сложная: из поволжских народов только мордва подвержена таким интенсивным процессам ассимиляции. У разбросанного по 45 регионам России народа – от Калининградской области и до острова Сахалин – в значительной мере ослабляются процессы консолидации и усиливаются деструктивные настроения относительно этнических перспектив. Особенно это заметно у

мордвы, проживающей за пределами Мордовии. Во многих регионах Поволжья мордва, коренное население этих территорий, ныне составляет довольно незначительные этнические группы: в Ульяновской области – 61,1 тыс. человек, в Нижегородской – 36,7 тыс. человек, в Башкортостане – 31,9 тыс., в Татарстане – 28,9 тыс., в Саратовской области – 23,4 тыс., в Чувашии – 18,7 тыс. Представители национально-культурных организаций отмечают, что мордовский язык фактически находится на грани исчезновения. Число говорящих на нем с каждым годом уменьшается. Так, во время переписи 1989 г. 30% мордвы родным языком назвали русский, процесс утраты родного языка устойчиво продолжается и сейчас. Среди значительной части мордвы бытует мнение, что с помощью эрзянского и мокшанского языков невозможно пользоваться плодами мировой цивилизации и эти языки рано или поздно исчезнут.

Похожие процессы наблюдаются в среде проживающих в России украинцев, белорусов, немцев, евреев. Они стремятся слиться снацией, более мощной с их точки зрения, способной эффективно реагировать на изменения действительности и этнические вызовы, поэтому представители этих народов либо уезжают на историческую родину, либо ассимилируются с русскими.

Этническое многообразие на территории Северного Кавказа – давняя особенность этого региона, здесь живут и взаимодействуют около 100 самобытных народов, говорящих на 90 языках. Основными группами являются: дагестанская (аварцы, агулы, даргинцы, лакцы, лезгины, рутульцы, табасаранцы, цахуры – всего 30 этнических групп); вайнахская (чеченцы и ингуши); тюркская (азербайджанцы, балкарцы, карачаевцы, ногайцы, татары, турки, туркмены); абхазо-адыгейская (абазины, адыгейцы, кабардинцы, черкесы); иранская (осетины, таты, горские евреи, греки, корейцы, цыгане). В постсоветское время именно здесь с наибольшей силой проявились новые интенции этнического сознания, что привело к резкой активизации межэтнических противоречий и открытым конфликтам. По целому ряду объективных и субъективных причин местом наибольшей напряженности в России стала и продолжает оставаться Чечня.

Чеченцы в настоящее время находятся на таком этапе своего исторического развития, когда высокая энергетика этноса ведет к этнической экспансии. Зачастую, при столкновении с традиционными ценностями других этнических групп, именно чеченцы становятся инициаторами изменения сложившихся этнических структур и способов их взаимодействия. Для части чеченцев

доминирующей социальной чертой является повышенная конфликтность, агрессивность к внешнему окружению. В этих условиях тяга к столкновениям, силовому преодолению препятствий при решении повседневных проблем этнического самоутверждения становится непреодолимой. В итоге Чечня стала средоточием всех антирусских настроений и движений на Северном Кавказе, своеобразным центром идеологической, организационной, экономической поддержки всевозможных попыток сепаратизма, политических стремлений переложить экономическое бремя кризиса на центральное руководство, на Россию, на русский народ в целом.

На «вызов Кавказа» активизацией мобилизационной готовности и этнической консолидации ответило лишь современное казачество. Это практически единственное движение, построенное на национальном признаке в русскоязычных субъектах Северного Кавказа (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область), преследующее политические цели. Идея «возрождения казачества» перестала быть абстракцией массового сознания и превратилась в солидную попытку начала деятельности сил, претендующих на изменение этнополитической ситуации на Северном Кавказе и в России в целом. Идеология казачества, сочетающая идеи национал-патриотизма, славянского возрождения, общинного самоуправления, особого казачьего этноцентризма, способна консолидировать казачество, которое уже заявило о себе как о самостоятельном (отличном от русского) этносе. В то же время начались процессы внутреннего разделения и внутри казаков: на «белых» и «красных», между атаманскими правлениями и окружными атаманами, между Москвой и атаманами на местах.

Следует отметить взаимную неприязнь казачества и национальных движений Северного Кавказа. Казачество проявляет негативное отношение практически ко всем официальным политическим руководителям и лидерам национальных движений, политическим устремлениям нерусских народов. Неоднозначность политических установок казачества может быть объяснена синкретизмом их этнического самоопределения: с одной стороны, они идентифицируют себя с русскоязычным населением, с другой – твердо уверены в своей этнической специфике. Однако в современных условиях, при этнической пассивности основной массы русского населения, казачество все более становится общерусским и общеславянским феноменом как этнического и культурного, так и политического характера.

Другая линия возникновения разделяющих маркеров в массовом сознании народов Северного Кавказа связана с существованием республик, биполярных в этническом отношении. В сообществе с устойчивым обилием этнических интересов развитие поляризации этнических чувств и сознания затруднено, сложно свести все многообразие интересов к двум противоположным позициям. Наличие в республике двух титульных народностей создает возможности для развития этнического противостояния, которое доводило до военных столкновений в Северной Осетии и Ингушетии. В Кабардино-Балкарии, где проживает 49 народностей, основные проблемы, угрожающие единству республики, возникают между кабардинцами и балкарцами. Конфликтная напряженность здесь обусловлена борьбой основных этносов за политическое лидерство. Во многом аналогичная ситуация складывается в Карачаево-Черкесии, хотя нередко к противоборству по линии карачаевцы – черкесы добавляется повышение национальной активности абазинцев и казаков. В целом по республике заявлены претензии на формирование пяти отдельных государств. Центральной идеей, овладевшей массовым сознанием нерусских народов Кавказа (как и тюркских народов в Центральной России), стала идея «национального суверенитета». Наибольшие усилия для реализации своего этноса как «суворенной нации» на Северном Кавказе прикладывают чеченцы, аварцы, ингуши, даргинцы, кабардинцы, карачаевцы.

Уверенное занятие этническостью статуса базовой ценности для многих российских народов (в том числе постепенно и для русского) неизбежно приводит к актуализации этнических неравенств. Как отмечал Р. Дарендорф, этническое неравенство существует в любом этническом пространстве, ибо этнические группы, точно так же, как и все прочие социальные группы, образуют определенную иерархию. Уже в самом этом обстоятельстве заложена потенция конфликта.

В массовом сознании народов активно утверждается направленность поиска границ своего этнического ареала. Так, русские отмечают, что этническое пространство русских превышает границы политического пространства России, включая в себя северо-восток Эстонии, большую часть Донецкой области Украины, северные территории Казахстана и ряд других регионов компактного проживания представителей этого народа. Точно так же, к примеру, этническое пространство лезгин практически пополам поделено политическими пространствами Российской Федерации и Азер-

байджанской Республики, а этническое пространство осетин – пространственными пределами России и Грузии. Именно вследствие этого невозможно говорить об абсолютном «наложении» политического пространства на этническое, что, в свою очередь, ведет к ощущению и осознанию складывающейся ситуации как вызова этносу, возникновению конфликтов сначала на уровне этнического сознания, а затем и переводу их в плоскость этнополитических отношений.

Этноцентристская направленность приводит к возникновению и активному внедрению в сознание ряда народов (на стадии возникновения и развития нации) идеи об исключительности и избранности своего народа. В итоге выстраивается такая иерархия стереотипов, когда к доминирующей дихотомии массового сознания нерусских народов – «мы – народ» отличаемся от «них – русских» – внезапно добавляется ощущение – «мы – особый народ» отличаемся от «них – обычных народов». Попытки предпринять затем действия по утверждению своего исключительного суверенного статуса среди других народов приводят к созданию этнополитической иерархии.

На постсоветском пространстве подобное направление этнополитического развития приводит к тому, что в национально-территориальных образованиях на фоне снижения статуса русского и других народов возрастает статус представителя титульного народа. Причем зачастую это происходит независимо ни от численного соотношения титульного народа и русского населения в том или ином субъекте Российской Федерации, ни даже от того, что русские являются титульным народом государства в целом. Таким образом, выстраивается новая этническая стратификация, особенно болезненно воспринимаемая в тех случаях, когда на более низкие ступени иерархии по этническому признаку попадает численное «национальное большинство».

Особенностью рубежа тысячелетий стало то, что вызов, брошенный русским Чечней и Татарстаном, ощутили как вызов представители десятков народов, сохраняющих себя в качестве этносов. Не будучи пока готовыми сформулировать свои национальные идеи, многочисленные этнические группы оказались перед выбором: «Кого поддержать в возникшем национальном противостоянии?» Отметим, что пока эта проблема чаще решается в пользу русских: ни Чечня, ни Татарстан не стали консолидирующими стержнем для зарождения единого кавказского или тюркского суперэтносов. Русские, даже при отсутствии явного стремления

и реальных действий по сохранению общероссийской консолидации, очевидно в силу присущей этносам обращенности к традициям и прошлому продолжают сохранять в полигетническом сознании статус государствообразующей нации и в значительной мере аккумулировать вокруг себя растущую этничность других групп.

Еще одним маркером углубления этнических различий является конфессиональное различие населения. На Северном Кавказе республики с традиционным исповеданием ислама расположены географически компактно. Большая диаспора мусульман и географическая близость исламских государств стимулируют активизацию кавказской политики Турции, Ирана, арабских стран. Все это ведет к росту исламского фундаментализма и усилению настроений и идей о необходимости создания единого геополитического исламского коридора. Растущее влияние экстремистских ответвлений ислама стало главной угрозой стабильности не только в России, но и во всем мире. В современном обществе все фундаменталистские и радикальные течения в суннизме называют термином «ваххабизм». Однако сами кавказские последователи Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба протестуют против названия их «ваххабитами». Они предпочитают называть себя «общиной мусульман» (джама'ат ал-муслимин), «салафитами» (салафион) или «братьями» (это вообще распространенная форма обращения друг к другу в ваххабитских общинах на Кавказе). В то же время карачаевцы, например, называют их «къярасакъал» («чернобородые») за то, что они не бреют свои бороды.

Первым шагом усиления влияния так называемого «ваххабизма» не только на Кавказе, но и в Татарстане, Башкортостане, Ингушетии, Мордовии, других регионах, является «очищение местного ислама». По мнению ваххабитов, «традиционный российский ислам» далек от настоящего ислама. Сторонникам «чистого ислама» «традиционные мусульмане» кажутся чуть ли не язычниками. Более того, в современной ваххабитской литературе есть даже специальный термин, означающий «новое невежество» (по аналогии со «старым невежеством», имевшим место до прихода Пророка). Применительно к татарским мусульманам таким «новым невежеством» считаются: складывавшийся 1114 лет комплекс ежедневного ритуального богослужения; похоронный обряд; обряды, связанные с поминанием покойных (чтение Корана по усопшему, проведение обряда выкупа грехов покойного – «деур», раздача милостыни на кладбище); празднование Мавлида (дня рождения Пророка Мухаммеда); освещение историко-религиозных

памятных мест, могил святых угодников, святых источников; все традиционные молитвословия. Ваххабиты утверждают, что эти обряды были неизвестны во времена Пророка и поэтому являются нововведениями, безосновательными и неприемлемыми для мусульман.

Однако наиболее непримиримо ваххабиты настроены против местного суфизма и связанного с ним культа святых. Почитание шейхов, зикры, посещение могил святых шейхов («зийарат») и многое другое из практики последователей местных тарикатов ваххабиты считают признаком их глубочайшего и осознанного заблуждения, многобожия («ширк») и неверия («куфр»). Неверными ваххабиты объявляют всех мусульман, которые не разделяют их точку зрения. Именно в деле борьбы с традиционными обрядами, вытеснения их из народной среды ваххабизм добился серьезных успехов не только на Кавказе, но и в Татарстане и других регионах. В то же время необходимо отметить тот факт, что именно этничность активно противостоит распространению ваххабизма на Кавказе и в других регионах России. Можно считать это частным проявлением и подтверждением теоретического вывода данной работы о разнонаправленности этнических и религиозных процессов в массовом сознании, о противостоянии этнического религиозному.

Успешному наполнению радикально-фундаменталистских идей элементами экстремизма способствовала также проводимая в Чечне военная операция, которая преподносилась идеологами сепаратистов как война «христианско-иудейской России» против мусульман Кавказа. Следует отметить тот факт, что влияние ваххабизма на Кавказе зачастую преувеличивается: к ваххабитам относили и тех, кто на самом деле таковыми не являлся, а лишь использовал в своих целях экстремистскую интерпретацию ваххабитского учения.

Самым опасным является постулат ваххабизма о вооруженной борьбе. Джихад по-ваххабитски состоит из борьбы с внутренними врагами, т.е. с единоверцами, использующими ислам не «по-ваххабитски», и борьбы с иноверцами – прежде всего с христианами и иудеями, а также с неверующими и язычниками, причем борьба эта происходит не только в России, но и во всем мире.

Современные ваххабиты в Российской Федерации не представляют собой какого-то однородного движения. На сегодняшний день среди них оформились два основных течения – радикальное и умеренное. Радикалы требуют немедленного установления ислам-

ского правления на Северном Кавказе и повсеместного введения в мусульманских районах норм шариата. Умеренное же крыло справедливо указывает на то, что нормы шариата вводить не у кого, поскольку основная масса тех, кто считает себя мусульманами, сами плохо представляют себе основы собственного вероисповедания. Они считают, что сначала следует воспитать поколение мусульман, искренне стремящихся жить по шариату, а проблему установления исламского правления надо отложить на будущее, поскольку попытки введения шариата не имеют под собой реальной основы.

Таким образом, в сознании исламского населения на постсоветском пространстве получили развитие две ведущие разнонаправленные интенции: этническая – в форме «традиционного ислама», и религиозная – в форме «чистого ислама». Разнонаправленность этих интенций сначала приводит к различной самоидентификации и возникновению конфликта в сознании мусульман, а затем к напряженности, вызванной столкновением противоположных действий доминирующих исламских групп. Активизация этнических ведет к дальнейшему дроблению тюркских и кавказских народов, стремлению установить многочисленные межэтнические границы, обособиться друг от друга. Активизация же религиозности способствует преодолению межэтнических границ, объединению тюркско-кавказских этнических групп в единый национально-государственный суперэтнос. Путь «чистой исламской религиозности», снимая межэтнические противоречия и стремясь максимально убрать внешние границы, фактически стал началом наступления на территориальные и исторические позиции славяно-православного и западно-христианского миров, что вызывает конфликт глобальных масштабов.

*«Актуальные вопросы политической науки»,
Саратов, 2010, с. 66–82.*

**Л. Бирчанская,
политолог (ИВ РАН)**
**ИММИГРАЦИЯ В МОСКВУ:
НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ**

В 1990-е годы, после разрыва Советского Союза, в России начался процесс массового переселения людей из одних регионов в другие с более благоприятными условиями проживания. Осознав

масштаб социальных перемен в России, которые несет ее современный экономический рост, значительное число выходцев из бывших советских республик с более низким уровнем жизни также решили сменить место жительства. Поток иммиграции в Россию достиг максимума в 1994 г. По мнению российских официальных лиц, сегодня в России работают от 1,5 до 15 млн. трудовых иммигрантов. Объем нелегальной иммиграции – 4–4,2 млн. человек. Специалисты считают эти цифры наиболее достоверными.

Как показывает практика, мигранты занимают те рабочие места, которые не пользуются спросом у российских граждан из-за низкого уровня оплаты и тяжелых условий труда. Даже те, кто получает пособие по безработице, отказываются от непрестижной работы. Однако экономика невозможна без людей, готовых чистить улицы, строить дороги, мыть палаты в больницах. Заметим, что даже при высоком уровне безработицы в странах – лидерах современного экономического роста, сохраняется острый дефицит рабочей силы в легкой промышленности, металлургии, здравоохранении, на транспорте, в ресторанном бизнесе. При этом, начиная с 2000 г. по сегодняшний день, такие страны, как Германия, Япония, Испания, Италия, Швеция, Греция, столкнулись с проблемой сокращения численности работающего населения. В России уже сейчас немало рабочих мест, на которые трудно, а то и невозможно привлечь собственную рабочую силу. Происходящее на московском рынке труда, особенно в строительном комплексе и на общественном транспорте, – наглядное тому подтверждение.

Для современной России привлечение неквалифицированной рабочей силы из-за рубежа – проблема не только новая, но и болезненная, на ней спекулируют недобросовестные политики, ее используют для разжигания ксенофобии населения, с ее помощью объясняются трудности и проблемы страны, в которой, дескать, виноваты чужаки. Можно с уверенностью сказать, что нынешний кризис фондового рынка, точнее его последствия – с нового года вырастут цены на продукты питания, лекарства, миллионы граждан России потеряют работу, – создадут для мигрантов еще более невыносимую ситуацию, если они и сгодятся на непрестижных работах, то в качестве соседей они не нужны. Такие чувства испытываются не только простыми людьми, но и на институциональном уровне. Не случайно понятие «трудящийся – мигрант», используемый в документах международно-правового характера, отсутствует в российском законодательстве. Даже такое понятие как «трудовая миграция» в законодательстве Российской Федерации

ции не определяется. Между тем, если на протяжении следующих десятилетий удастся сократить традиционное отставание России от крупных стран Западной Европы (примерно на два поколения), число рабочих мест неизбежно возрастет. Это значит, что импорт иностранной рабочей силы станет еще важнее для дальнейшего развития экономики страны.

Среди субъектов Российской Федерации Москва и московская область выделяются масштабами привлечения иностранной рабочей силы. В 2006 г. в столице работало 35% от числа всех трудовых мигрантов России. Это связано с освоением здесь наибольших объемов инвестиций в экономику региона. Предположительно до 90% экономических мигрантов трудятся в Москве нелегально. Дело в том, что сложности, с которыми они сталкиваются, стремясь получить постоянное разрешение на работу и жительство, вынуждают их уходить в теневой сектор, не приносящий государству налоговых поступлений. Коррумпированные представители власти вымогают у них деньги.

В 2007 г. на долю 8 государств, поставляющих работников на российский рынок труда – а всего их было в этом году 27, – пришлось около 80% мигрантов: Китай – 15,5%, Украина – 12, Узбекистан – 17, Турция – 9, Таджикистан – 13, Киргизия – 5, Молдова – 5, Вьетнам – 5%. Разумеется, значительная часть иммигрантов оседает в Москве. Остается добавить, что объем денежных переводов на родину оценивается в 5–7% ВВП Армении, Грузии и Таджикистана, более 20% ВВП Молдовы. Денежные переводы сопоставимы с годовыми бюджетами этих стран, а в ряде случаев – в Киргизии, Узбекистане и Таджикистане – превышают их.

Растущий спрос на неквалифицированную рабочую силу в России, с одной стороны, и массовая готовность бедных стран этот запрос удовлетворить, с другой, приводят к росту численности иммигрантов в составе российского населения. Процесс этот остановить невозможно, а административные барьеры на пути миграционных процессов малоэффективны. Дело в том, что взаимная поддержка внутри этнических сообществ, возможность въехать в страну в качестве туриста позволяют почти любые барьеры обойти. К тому же мигранты готовы терпеть любые лишения и унижения, лишь бы заработать деньги для себя и своей семьи. Их поток сильно поляризован, в его структуре представлены две крайние страты: «хозяева» и «пролетарии». Многочисленные факты свидетельствуют о существовании внутригрупповой и межгрупповой дискриминации и эксплуатации.

Большинство иммигрантов приезжают на временный заработок. Те же, кто мечтает осесть в Москве, окончательное решение принимают спустя 5–7 лет. Это характерно для миграционных процессов во всех принимающих сообществах Запада. Надо отметить, что мигранты, приехавшие в столицу с желанием остаться и перевезти сюда семью, обладают несравненно более высоким интеграционным потенциалом, чем их земляки, для которых Москва – место для заработка. Первые будут охотно причислять себя к москвичам. Азербайджанцы, например, переехавшие в российскую столицу навсегда, болезненно реагируют, когда их отождествляют с «лицами кавказской национальности». Заметим, что понятие «москвич» латентно прочно связано с понятием «русский», т.е. в Москве, как и в России в целом, превалируют не гражданские идентичности, а этнические. По крайней мере, на сегодняшний день. Отсюда и дитя новояза – «лицо кавказской национальности». Образ жизни временных трудовых мигрантов, т.е., наименее интегрированного иноэтнического сегмента, дает пищу для укоренения стереотипа «лица́ кавказской (азиатской) национальности», на самом деле образа агрессивного чужака. Не удивительно, что этот стереотип переносится на все группы, антропологически или культурно отличающиеся от основной массы городского населения, – сюда входят и российские автохтоны, и представители этнических диаспор, столетиями здесь проживающих.

Таким образом, азербайджанцы – мигранты последней послесоветской волны, желающие осесть в Москве, должны сознавать, что они прежде всего кавказцы. Это для них единственная ниша в городской социальной среде. Думается, эта реальность препятствует интеграции мигрантов в мегаполисе, притом именно тех, кто стремится стать «коренными жителями». Временные же трудовые мигранты не всегда считаются с «русской основой» Москвы и необходимостью «жить как все». Они видят бесперспективность когда-либо стать здесь своими.

Россия страна с низкой плотностью населения, в которой очевидны долгосрочные тенденции к сокращению рабочей силы и старению населения. По прогнозам специалистов, к 2050 г. ожидается заметное снижение доли России в населении планеты. В этом смысле ситуация в ней не будет отличаться от ситуаций в большинстве стран Западной Европы, население которых в нынешнем веке также сократится. Все дело в масштабе базовых проблем и необходимости перестраивать пенсионную систему. Когда же возрастная структура населения России резко изменится из-за быст-

рого роста доли старших возрастных групп, общество столкнется с необходимостью перестраивать пенсионные системы.

От того, какое число иммигрантов удастся включить в трудовую деятельность страны и социально адаптировать, будет зависеть устойчивость этих систем. Значительный приток легальных иммигрантов позволит ускорить экономический рост нашей страны. К тому же по сравнению с другими государствами, которые проводят эффективную иммиграционную политику, Россия обладает важным преимуществом: ее окружают страны, уровень которых намного ниже, чем в России, в них живут миллионы этнических русских и десятки миллионов, знающих русский язык и интегрированных в русскую культуру.

Несколько слов о проблеме, имеющей прямое отношение к теме данной статьи. Ясно, что эмигранты из России в других странах рассматриваются как иммигранты. В конце 2000 г. только в Финляндии было зарегистрировано 20,5 тыс. российских граждан. Сейчас, по словам директора Института проблем глобализации М. Делягина, к «тихой эмиграции» потенциально готова образованная и активная часть бедных, не имеющих нормальных доходов. В Москве очень высокие цены, во многих регионах цены приближаются к столичным. Из-за оттока людей могут оголиться многие сектора науки, промышленности, экономики. Их места займут мигранты из других стран.

Уникальность нынешней миграционной ситуации в России не только в ее масштабах. Около 7% трудоспособного населения России составляют нелегальные трудовые мигранты. Это сопоставимо с долей легально занятых трудящихся мигрантов в Швеции (4,6%) и Франции (6,2%). Уникальность и в том, что мигранты не только обеспечивают до определенной степени Россию в целом и Москву в частности рабочей силой, они привнесли в российскую среду свой мир. Это иные культура, язык, образ и стиль жизни, манера поведения, иные представления о должном и допустимом. Большинство москвичей испытывают чувство настороженности и страха, для них миграционная ситуация это «нашествие» и «экспансия» инородцев. Поэтому, скажем, украинские гастарбайтеры, не выделяющиеся антропологически, живут во всех районах на периферии Москвы. И белорусов пропускают в районы с хорошей репутацией.

Азербайджанцы, грузины и армяне живут на самых удаленных окраинах города, по понятным причинам, очень компактно. В целом для мигрантов-кавказцев характерно контрастное расселе-

ние. Армян гораздо больше в Центре, особенно в районах, где выше доля представителей московской армянской общины. Менее обеспеченная часть граждан Армении снимает жилье в Чертаново, Текстильщиках, Кузьминках, в Люблино, Царицыно. Там же, на окраинах Москвы, на севере и юге особенно, живут мигранты из Средней Азии. Здесь сравнительно дешевое жилье, условия жизни в московских микрорайонах, прижатых к кольцевой автодороге, приблизительно одинаковы независимо от географического положения.

Вокруг иммиграции сложилось несколько мифов. Один из них: «иммиграция – мера временная». Как показали исследования, к ней так относились и сами иммигранты. Они выезжали в Россию, чтобы накопить денег и вернуться домой. Однако факты свидетельствуют, что это иллюзия. Вслед за кормильцем, уехавшим на заработки, обычно следует его семья для проживания на новом месте. Другая иллюзия: «иммигрантами становится мужская часть населения». Обратимся к миграции из Таджикистана, в ее структуре на долю женщин приходится около 15%. Остановимся на этой проблеме, заметив попутно, что трудовая иммиграция из Средней Азии изучена слабо. Еще меньше изучена с позиции гендерного подхода.

В традиционной системе распределения гендерных ролей в среднеазиатской семье получением дохода занимаются только мужчины. Женщины выполняют репродуктивные функции, ведут домашнее хозяйство. Подобное распределение ролей было жестко закреплено на протяжении многих столетий, в том числе, нормами ислама. Постсоветский этап развития региона породил два разнонаправленных процесса. В сельской местности началось усиление традиционализма, в регионе в целом, переживавшем масштабные социальные и экономические процессы, начался массовый отток трудового мужского населения на заработки в чужую страну. К нему присоединились таджикские женщины. Разумеется, для Средней Азии такое явление непривычно, но закономерно для развития миграционных процессов в мире на рубеже XX–XXI вв. – феминизация потоков уже с 1990 г. становится характерной чертой новейшего этапа трудовой миграции.

Что представляют собой таджикские мигрантки, вынужденные зарабатывать на жизнь в Москве? Это, как правило, замужние женщины после 40, семьи которых, в том числе мужья, остаются дома на родине. Среди них встречаются вдовы, у некоторых мужья либо тяжело больны, либо зарабатывают в переводе на рубли не

больше тысячи. Образование – среднее школьное, реже – среднее специальное. Встречаются учительницы младших классов, медсестры. Разговорным русским владеют плохо – даже при советской власти большинство таджичек не выезжало из кишлаков. Поскольку трудовая миграция в Таджикистане очень распространена, женщины направляются в те места, где уже работают их земляки, т.е. делают то, что принято во всем мире, – используют для трудоустройства не диаспору, а неформальные иммиграционные сети. Разумеется, это сопряжено с риском.

Деньги на дорогу берутся в долг. По приезде в Москву торгают на рынке. Заработки здесь очень низкие. Работая каждый день без выходных, продавщица лимонов получает в месяц в среднем около 100 долл. «Карьера» таджичка (как и узбечка) в Москве не сделает, поскольку их поле деятельности здесь очень ограниченное. Их земляки-мигранты трудятся подсобными рабочими и грузчиками на рынке, работают на тяжелых стройках, дворниками. Устраиваются работниками предприятий питания, становятся владельцами торговых точек по продаже сухофруктов. Некоторые находят место в бизнесе и криминальных структурах (входящих в систему наркоторговли). Женщинам же таджичкам разрешено только торговать продуктами питания и горячими напитками вразнос на рынках. Или собственной выпечкой на тех же рынках. Правда, в провинции другая ситуация. Встречаются мигрантки, в основном с длительным сроком пребывания в России, которые арендуют мелкие торговые точки и даже сумевшие устроиться в бизнес-структуры. В Москве такое невозможно: традиционализм таджикского общества определяет иерархию занятости на рынках. Так, если таджичка не является членом семьи, мужчины которой вписаны в структуру рынка, она не может подняться выше положения продавщицы. Тем не менее есть основания считать, что масштабы женской иммиграции из Средней Азии будут увеличиваться. Сложная экономическая ситуация в этих странах, рост безработицы и пауперизация населения заставляют их граждан не принимать в расчет традиционные факторы. И вот скромный результат – деньги из России, заработанные трудовыми мигрантами, меняют постепенно облик таджикского села. Там, на разбитой дороге, встречаются белые лимузины. Люди стали обустраивать свои дома и ремонтировать на общие деньги разваливающуюся инфраструктуру.

Потенциал миграции в Россию из государств СНГ оценивается при формировании миграционной политики в 7–8 млн. чело-

век. На ближайшее десятилетие этого будет достаточно, но со временем, по мнению специалистов, придется вырабатывать политику привлечения трудовых иммигрантов из государств за пределами СНГ.

Открытие каналов легальной трудовой иммиграции, обеспечивающей право вновь приехавшим законно жить и работать в России, пользоваться социальными благами, а по прошествии ряда лет получить российское гражданство, важно, как уже говорилось, для перспектив развития России. Что же касается государственной идеологии, то открытость российского общества, способность к интеграции нерусских элементов веками были спецификой российских традиций, позволяющих включить неславянские народы в структуру этого общества. Именно такое сообщество, в котором иммигранты будут интегрированы в его структуру объединенных русским языком и русской культурой, предоставит России нового вектора дополнительные возможности, которые она успешно использует.

«Восток: Вызовы XXI века», М., 2010, с. 247–256.

**Сергей Слуцкий,
политолог**
**ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ
В ИНГУШЕТИИ**

Ингушское террористическое подполье (ТП) окончательно сформировалось в начале XXI в. Несмотря на то что 90-е годы XX в. были для Ингушетии временем серьезных испытаний, терроризм в формах, характерных для современного Северного Кавказа, в пределах самой республики в это время практически отсутствовал, притом что дестабилизирующее влияние сопредельной сепаратистской Чечни – мощного очага напряженности, должны были ощущать все основные сферы социальной жизни Ингушетии! На начало 90-х годов пришелся и пик осетино-ингушского противостояния – центрального конфликта, в значительной степени структурировавшего общественно-политическую жизнь Ингушской республики и определившего основные зоны концентрации конфликтогенного потенциала.

Таким образом, первое постсоветское десятилетие можно было бы условно обозначить как «пронатальный» период в развитии республиканского подполья, как и в отношении подполья Да-

гестана. Однако наличие жесткого территориального конфликта с Северной Осетией – Аланией предопределило существенную специфику ингушского варианта становления террористического комплекса. Значительно отличается и ситуация в социально-экономической сфере обеих республик.

Экономический потенциал Ингушетии изначально был весьма незначительным. В составе советской Чечено-Ингушетии (не относившейся к регионам – флагманам отечественной экономики) «ингушские» районы представляли аграрную периферию. К тому же экономический кризис 90-х в новообразованной республике был серьезно усилен тем, что производственные структуры, расположенные в ингушских районах Чечено-Ингушетии, после ее разделения и быстрой «сепаратизации» Чечни оказались фрагментами рухнувшего республиканского индустриального комплекса. Как результат, падение промышленного производства в республике приняло катастрофические масштабы – в 1998 г. оно составило 14% от уровня 1990 г. (максимальный показатель для регионов РФ за исключением Чечни).

Но экономическая «специфика» Ингушетии заключалась даже не в этом (сокращение производства в других республиках макрорегиона тоже весьма впечатляло). Существенней то, что и в начале XXI в., после «замирения» Ичкерии, на фоне общей для РФ и Северного Кавказа политической и социально-экономической стабилизации устойчивый рост экономики (в том числе ее индустриального сектора) в Ингушетии не возобновился. В 2009 г. объем промышленного производства составил 48% от уровня 2000 г. (в 2008 г. равнялся 84%). Не лучше положение и в республиканском сельском хозяйстве, в котором почти отсутствует крупнотоварное производство. Детальное изучение проблем экономического развития Ингушетии выходит за рамки нашего исследования. Но для нас существенно установить, насколько хроническая стагнация местной экономики порождает протестность республиканского населения, способную трансформироваться в террористическую активность.

Двумя спутниками социально-экономического кризиса являются высокая безработица и снижение уровня жизни населения. Что касается безработицы, то Ингушетия наряду с Чечней по этому показателю является абсолютным «рекордсменом» РФ (уровень в 45–65% в Ингушетии фиксируется на протяжении всего последнего десятилетия). Беспрецедентно высокий показатель, который для общества с современной производительной экономи-

кой свидетельствовал бы о катастрофическом состоянии, несогласимым с сохранением основных социальных институтов, поскольку был бы связан с массовым глубоким обнищанием населения. Сохранение же данного уровня на протяжении многих лет – показатель того, что местное общество вполне адаптировано к своей крайней трудоизбыточности. А значительную часть безработных в той или иной мере устраивает подобное положение вещей.

Одна из причин такого положения – система разнообразного социального финансирования республиканского населения (пенсии, разнообразные пособия, дотации). Это и максимально высокий уровень дотационности республики, 95% бюджета которой формируется за счет денег, перечисленных федеральным центром. Причем если в отношении сопредельной Чечни, по крайней мере, имеются объективные причины (две разрушительные военные кампании) для значительной поддержки социально-экономической сферы республики федеральными деньгами, то в случае с Ингушетией такое основание отсутствует.

Наличие стабильного федерального финансирования – основная причина того, что долговременная экономическая стагнация и высочайшая безработица не сопровождаются резким падением уровня жизни и обнищанием населения республики. Доходы последнего действительно заметно уступают аналогичным среднедушевым показателям по другим республикам Северного Кавказа. Однако же они не падают и не стоят на месте, как это могло быть без стабильной «внешней» финансовой поддержки. Динамика доходов населения республики демонстрирует устойчивый рост. За 2005–2009 гг. они выросли в 2,3 раза (как и во всех остальных республиках Северного Кавказа за исключением Дагестана, в котором доходы населения выросли в 2,8 раза). А за период 2000–2009 гг. среднедушевой рост доходов в Ингушетии был почти 10-кратным (с 0,6 до 5,8 тыс. руб.). Таким образом, демонстрируя минимальные успехи в экономической сфере и уступая в этом отношении остальным республикам, Ингушетия не отстает от них по темпам роста материального уровня жизни. Говорить об «обнищании» населения не приходится.

Иными словами, серьезных причин для роста «социально-экономической» протестности в Ингушетии нет. Связки между экономической динамикой и ростом доходов населения в республике просто не существует. Можно десятилетие не выходя из состояния экономической стагнации стабильно повышать уровень

материального благосостояния. Не исключено, что для значительной части населения протестность скорее могла бы провоцироваться необходимостью отказаться от сложившегося способа существования.

Итак, область подпитки республиканского подполья в незначительной степени формируется экономической проблематикой республиканской жизни.

Одна из основных причин роста протестного потенциала в республике – низкое качество местной власти с типичным для Северного Кавказа (отчасти и всей РФ) набором «пороков», среди которых высокая коррупционность, плановость, непрофессионализм. Сравнительный анализ «морально-профессиональных» качеств местной бюрократии и чиновничества других республик занятие весьма сложное. Не исключено, что ингушский административный аппарат по данным показателям среди аутсайдеров на Северном Кавказе. Однако же все присущие ему недостатки фиксировались с начала постсоветского периода.

На вопрос о том, существенно ли ухудшились показатели эффективности республиканской бюрократии в последние годы, скорее следует дать отрицательный ответ. Недостатки местной власти не обнаруживают отчетливо негативной динамики, способной провоцировать рост социальной протестности в республиканском обществе. Конечно, как и в случае с Дагестаном, необходимо учитывать фактор общественного «терпения» – с течением времени даже устоявшийся уровень «порочности» воспринимается обществом с нарастающим раздражением. И тем не менее очевидно, что протестность, аккумулируемая по данному каналу, может быть значимым, но не единственным среди ведущих факторов активизации террористической активности в республики.

Конфессиональный фактор. Исламизация Ингушетии завершилась только к середине XIX в. Постсоветский период в республике (как и на остальном Северном Кавказе) был связан с «ренессансом» ислама: быстрый рост числа активных верующих; многократное увеличение количества мечетей и молельных домов; открытие духовных учебных заведений (в том числе на средства зарубежных исламских спонсоров); появление религиозного радикализма. Однако несмотря на сопредельность Ичкерии – одного из основных плацдармов ваххабизма на Северном Кавказе, чистый ислам в 90-е годы не получает значительного развития в пределах Ингушетии (притом что попытки вербовки молодежи по линии «ваххабизма» были отмечены уже в первую чеченскую кампанию).

Идеологическое «облучение» ингушского национального сообщества с территории Чечни было продолжено во второй половине 90-х годов. И первые меры противодействия ваххабизму были инициированы не федеральным центром, но обеспокоенными ситуацией республиканской властью и местным традиционным духовенством. Летом 1998 г. их совместным решением функционирование ваххабитских организаций на территории республики запрещается. Как мы знаем, такого рода постановления далеко не всегда были в состоянии на практике остановить распространение чистого ислама. Но в Ингушетии данный указ на рубеже веков действительно «сработал». Впрочем, очевидно, что это не столько заслуга республиканской власти или показатель ее авторитета, но прежде всего свидетельство устойчивой ориентации местного населения на традиционный ислам, суфийские ценности и практику, которые ваххабиты подвергали жесткой критике. Свою роль мог играть и постоянный отток местных религиозных радикалов в сопредельную Чечню.

Ситуация определенным образом начинает меняться в начале XXI в. Исламский радикализм становится в республике идеологической оболочкой для разнообразной протестности, корни которой уходят в самые различные формы социальной жизнедеятельности. Сокращается (прекращается?) отток радикалов в Чечню. С определенного момента речь скорее может идти об обратной миграции (причем не только ингушей, но и чеченцев).

Однако показательно, что еще в 2005 г., детально фиксируя размеры ваххабитских сообществ отдельных республик Северного Кавказа, К.М. Ханбабаев (известный специалист по вопросам религии) «пропускает» Ингушетию и Адыгею, ограничиваясь констатацией того факта, что сторонники чистого ислама в этих республиках есть и они достаточно активны. Можно предположить, что проблема в том, что ингушское ваххабитское сообщество достаточно плотно интегрировано с чеченским и анализировать его собственные количественные характеристики затруднительно.

Сфера межнациональных отношений и осетино-ингушский конфликт. Непосредственно в пределах республики причины для межнациональной конфликтности с начала постсоветского периода были минимальны – уже по переписи 1989 г. в структуре населения ингушских районов Чечено-Ингушетии ингуши ощутимо доминировали (76,6%), а вместе с чеченцами составляли 86% жителей данных территорий. Таким образом, самая значительная часть русского и русскоязычного населения Чечено-

Ингушетии проживала в ее чеченской части (прежде всего в Грозном). Если в ингушской части «невайнахи» составляли только 14% (из них «нерусские невайнахи» только 1,8%), то в чеченской части данные группы оставляли соответственно – 32,2 и 7%.

Социальные процессы начала 90-х годов работали на дальнейшую моноэтннизацию районов, составивших Ингушскую республику. Русское население убывало стремительно, при этом практически не демонстрируя протестности, которая могла бы стать причиной формирования конфликтной оси между ним и титульным сообществом республики. Уже к середине 90-х годов Ингушетия потеряла основную массу своих русских и русскоязычных жителей. Если бы не масштабный приток чеченских беженцев во время военных кампаний, республика по переписи 2002 г. могла бы оказаться наиболее этнически гомогенным регионом РФ. Согласно данным этой переписи, ингуши составляли 77,3% республиканского населения, а вместе с чеченцами – 97,7%.

После постепенного возвращения в Чечню основной части беженцев (2002–2007) доля титульного населения Ингушетии должна была существенно возрасти. Впрочем, процент «невайнахского» населения в республике в любом случае уже полтора десятилетия минимален и без учета федеральных силовиков может в настоящее время составлять всего 1,5–2%. Абсолютно очевидно, что моноэтничность республики сохранится и в самой долгосрочной перспективе. Практически невозможно себе представить сценарий развития, при котором Ингушетия стала бы территорией миграционного притока нетитульного (и шире – не вайнахского) населения. Иными словами, принятая в 2005 г. к реализации программа возвращения в республику русского населения является абсолютной бюрократической утопией даже в ее утвержденном – крайне «скромном» варианте (предполагалось вернуть за период 2005–2010 гг. около тысячи человек, притом что в 90-е годы республику покинули порядка 17 тыс. русских).

И все же именно сфера межнациональных отношений стала едва ли не основным «резервуаром» концентрации конфликтного потенциала, сыгравшим значительную роль в становлении республиканского ТП. Центральный (осетино-ингушский) конфликт постсоветской Ингушетии носил и носит не только межреспубликанский характер, но имеет и отчетливую межнациональную компоненту.

Историю конфликта принято начинать от событий 1944 г. – депортации ингушей с территории Пригородного района и его пе-

ревода в состав Северной Осетии. Заметим, что в качестве «компенсации» за данную потерю Чечено-Ингушетии после 1957 г. были переданы три района из состава Ставропольского края, которые, однако, включились в систему этнического расселения чеченцев, а не ингушей. Таким образом, истоки осетино-ингушской межэтнической напряженности уходят корнями во вторую половину 50-х годов (возвращение ингушей из депортации на Северный Кавказ). Эта латентная конфликтность неоднократно выплескивалась на поверхность общественной жизни даже в стабильные 60–70-е годы. Но в это время она жестко купируется советской властью, воспринимавшей все проявления межнациональной конфликтности как пережитки «досоциалистического» прошлого. Положение меняется во второй половине 80-х. Борьба за «возвращение» Пригородного района становится для ингушей этноконсолидирующей (а отчасти и «государствоформирующей») идеей на рубеже – в начале 90-х годов.

Таким образом, становление ингушской государственности изначально оказалось сопряжено с территориальным вопросом и в существовавших обстоятельствах объективным, абсолютно неизбежным образом вело к эскалации межнациональной напряженности между двумя народами. Межреспубликанский конфликт с Северной Осетией, по сути, оказывается и конфликтом двух национальных сообществ.

Помимо осетин, основных «обидчиков», к числу последних общественное сознание ингушей в той или иной степени должно было причислять и федеральный центр, принявший, по мнению ингушей, в данном конфликте сторону осетин (через федеральный центр обида в определенной мере проецировалась и на всю Россию). Данная обида, однако, входила в глубокое противоречие с «пророссийскостью» ингушского общества. Под пророссийскостью в данном случае имеются в виду заинтересованность национального сообщества в своем российском статусе, осознаваемая этим сообществом зависимость своего функционирования от комплексной (финансовой, материально-технической, организационной и т.д.) поддержки федерального центра. Речь, таким образом, идет о своего рода общественном «расчете», который, впрочем, зачастую оказывается куда более сильным нейтрализатором внутреннего этнорадикализма и сепаратизма, нежели этнокультурная близость или даже психоментальная совместимость народов. Идти путем сепаратистской Чечни ингушское общество не хотело.

Не имея возможности в полной мере реализоваться на основном направлении (против Северной Осетии, в известной мере и против федерального центра), аккумулированная конфликтная энергетика национального сообщества искала для себя более доступные объекты силового воздействия. Они были найдены уже непосредственно в самой республике. Одним из них (быть может, самым главным) стала собственная республиканская власть – административно-бюрократический аппарат, правоохранительные органы и связанные с ними группы населения.

Республиканская власть могла рассматриваться как проекция федерального центра – его ставленница (особенно после вступления на пост президента М. Зязикова). Удары по ней позволяли отчасти выплеснуть антироссийскую, антифедеральную «энергетику». Но республиканской власти можно было инкриминировать и многое другое. Например, непростительную уступчивость, безвлие в отстаивании национальных интересов в переговорном процессе с осетинской стороной.

Имелись и вполне объективные претензии, о которых уже было сказано. Коррупция, клановость и непрофессионализм, преследование корыстных интересов при крайне низкой эффективности административной деятельности. Данные качества отличали республиканскую власть с начала 90-х годов. Но именно осознание в начале XXI в. радикальной частью ингушского сообщества окончательной невыполнимости стратегической задачи своего национального «проекта» сделало данные характеристики власти нетерпимыми.

Против административного аппарата и стоящих на его «страже» правоохранительных органов в середине «нулевых» начинает разворачиваться террор, организованный крайними радикалами, протестная энергетика которых постепенно меняет основное направление своей реализации с осетинского (локальные стычки в межреспубликанском пограничье) на внутриреспубликанское. Ответные репрессивные действия власти его конфликтность только увеличивают. А значит, параллельно растет и общий потенциал террористического подполья, которому удается заметно расширить свою демографическую базу в республике и включить общество в эскалационную спираль взаимонасилия. Способствует активизации террора и то, что наиболее радикальные элементы ингушского национального сообщества с этого времени все реже перебираются в Чечню и вынуждены концентрироваться в своей

республике, заметно увеличивая кадровый и общий конфликтный потенциал местного экстремизма.

Формируется республиканский террористический комплекс, главный признак которого – наличие социальной системы, основным структурным элементом которой является группа людей, сосредоточенная на террористической деятельности, способная устойчиво восполнять понесенные кадровые потери и функционировать преимущественно за счет собственных (внутриреспубликанских) организационных, инфраструктурных, а возможно и финансовых ресурсов. Внешняя поддержка постепенно отходит на второй план. И теперь, даже будучи изолированным от внешних «инъекций», республиканское подполье в состоянии воспроизвести себя несмотря на жесткий прессинг силовиков.

* * *

Итак, типологически террористическая активность в республике является следствием (и одновременно формой) гражданского противостояния – жесткого противоборства республиканской власти и радикальной части ингушского национального сообщества. Но как уже отмечалось, в гражданском конфликте на центральную ось зачастую накладывается множество других, самым существенным образом усложняя картину гражданского противоборства, а в известной мере и трансформируя ее. Ингушетия не исключение. Учитывая характер дополнительных конфликтных осей, ситуация в ней схожа с Дагестаном: межклановые войны, криминальные разборки; появление общего поля деятельности и возможные взаимодействия отдельных властных группировок, криминала и подполья.

И все же представляется, что такое содержательно взаимо-пересечение в Ингушетии не привело к возникновению криминально-коррупционно-экстремистского комплекса, аналогичного дагестанскому. Ингушские властные кланы достаточно многочисленны, и это способствует обострению соперничества между ними. Однако в отличие от Дагестана они представляют одно национальное сообщество. Самым существенным образом меньше в республике и общее для властных кланов, криминала и подполья пространство экономического взаимодействия. Динамичная, масштабная (по меркам республиканского Северного Кавказа) экономика Дагестана представляет куда больше возможностей для совместной деятельности (соперничества/сотрудничества), чем

экономика Ингушетии. Таким образом, при наличии несомненного системного сходства ситуации в Дагестане и Ингушетии, представляется, что ингушское террористическое подполье не стало (по крайней мере пока) элементом единого комплекса, сводящего власть, криминал и подполье.

В отличие от дагестанского ТП подполье Ингушетии в значительной степени являетсяmonoэтничным. С другой стороны, в сравнении с Чечней и Ингушетией оно территориально компактней в силу небольших размеров самой республики. Два этих фактора определенным образом работают на централизацию ингушского ТП. По крайней мере, облегчают деятельность по координации различных групп боевиков из одного центра, даже если таковой является не столько командным, сколько коммуникативным. Существенно и другое. Карта активной деятельности северокавказского ТП образца 2007–2009 гг. фиксирует общий, по сути, не имеющий разрывов ареал от Назрани до Ведено – широкую полосу, разрезающую «поперек» Ингушетию и Чечню. Наличие такого общего пространства, этнокультурная и социopsихологическая сближенность двух народов предполагают достаточно широкую кооперацию террористических группировок обеих республик, которая может находить отражение и в организационно-управленческом плане.

С другой стороны, оперативные преимущества террористической деятельности, осуществляемой в автономном и полуавтономном режиме (сетевая организация), должны быть естественным ограничителем любой формы жесткой централизации и выстраивания четкой иерархической структуры ТП. К тому же в республиканском подполье, как и в Дагестане, нет «прославленных» лидеров, способных своим авторитетом сплотить если не все, то значительную часть местного террористического сообщества.

Численность боевиков в Ингушетии очень редко становится предметом комментария политиков или силовиков. Отметим заявление А. Еделева (январь 2009 г.) о 120 боевиках, действующих на территории Ингушетии. В начале февраля 2010 г. Ю.-Б. Евкуров на пресс-конференции в Магасе заявил, что «по оперативной информации, в основном обстрелами занимаются три группы численностью от трех до пяти человек каждая, но есть случаи, когда, прикрываясь участниками НВФ (незаконных вооруженных формирований), преступления совершают некоторые криминальные элементы». Тем самым численность республиканских боевиков

была определена президентом Ингушетии в размере 10–15 человек.

Однако республика в последние годы (2008 – начало 2010) устойчиво лидирует на Северном Кавказе по масштабам террористической активности – по числу терактов, согласно данным И.В. Пащенко, Ингушетия сопоставима с Чечней и Дагестаном вместе взятыми. Материалы международного доклада «Насилие на Северном Кавказе. 2009 г.» дают несколько иное соотношение трех республик. Но «первенство» Ингушетии по интенсивности террора в 2008–2009 гг. все равно неоспоримо. Если вся эта деятельность – дело рук 10–15 боевиков, то «работоспособность» их просто феноменальна. Куда более вероятно, что данный уровень активности обеспечивается боевиками, численность которых более или менее сопоставима с НВФ других «восточных» республик Северного Кавказа (т.е. в любом случае речь должна идти о сотнях человек). То, что республиканское подполье без значительных усилий компенсирует свои боевые потери, также указывает на его достаточно значительный формат.

Вместе с тем следует принять во внимание более ограниченный демографический потенциал республики. Ингушское национальное сообщество в настоящее время составляет порядка 300–320 тыс. человек. Отчасти показательно и то, что, лидируя по числу терактов, республиканское ТП существенно уступает показателям Чечни по интенсивности боестолкновений. Избегая прямого силового контакта (что в ряду других причин может быть и свидетельством ограниченности боевого потенциала), боевики в Ингушетии предпочитают обстрелы и нападения. Поэтому можно предположить, что при общей сопоставимости формата боевая компонента ингушского подполья меньше, чем НВФ Дагестана и Чечни. Наконец, напомним о пульсирующем формате боевого ядра – число местных боевиков, находящихся «под ружьем», способно меняться в разы в течение года.

Как и республиканские НВФ, среда соучастия ингушского подполья может количественно несколько уступать группе пособников чеченского и дагестанского террористических комплексов. Фактором ограничения, прежде всего, может выступать небольшая численность ингушского национального сообщества. В обратном случае мы должны будем предположить, что ТП включает порядка 1–2% населения республики (в разы больше, чем в Чечне и Дагестане). География его в силу компактности республики может, по сути, совмещаться с системой республиканского расселения, хотя

взаимосвязь между интенсивностью террористической деятельности и плотностью среды пособничества несомненно существует. К ее эпицентрам можно отнести Назрань и Назрановский, а также Сунженский районы (впрочем, данные территории концентрируют и значительную часть всего республиканского населения).

Среда сочувствия может в той или иной степени заключать все протестные группы национального сообщества. Учитывая же значительный процент недовольных различными аспектами жизни в республике, речь, как минимум, идет о нескольких процентах республиканского населения (т.е. 15–20 тыс. человек), которые представляют все районы республики и, в той или иной степени, все социальные группы и возраста (в том числе несколько тысяч молодых людей 18–25-летнего возраста).

* * *

Стремительный рост террористической активности в Ингушетии в последние годы в известной степени стал неожиданностью для экспертного сообщества. Действительно, республика «удержалась» в кризисные 90-е годы. Казалось, в условиях комплексной стабилизации начала XXI в. существовавший в национальном сообществе конфликтный потенциал будет окончательно нейтрализован. Но случилось обратное. Данная внутренняя напряженность/конфликтность в начале XXI в. как минимум не сократилась. Но, как уже отмечалось, произошло смещение направления основного конфликта. Из «внешнего» (межнационального и межреспубликанского) социального пространства он сместился в пределы республики и внутрь самого национального сообщества. Произошла его известная «ингушизация» – процесс, сходный с тем, который протекал в соседней Чечне, но обусловленный существенно иным комплексом факторов, протекавший в иных общественно-политических и социальных условиях.

Как и в Дагестане, центральная конфликтная ось ингушского внутриреспубликанского противостояния была усложнена множеством других, образовавших свой республиканский «гордиев узел». Причем в настоящее время эти «побочные» линии уже не столько маскируют ведущую роль центральной конфликтной оси, сколько реально дополняют ее собственной логикой, создавая разветвленную корневую систему республиканского конфликта. В силу его сложносоставного характера причины протестности могут «перетекать» (трансформироваться) друг в друга. И хотя

вклад отдельных факторов, активизирующих террористическую деятельность, безусловно, неравноценен, точному взвешиванию он едва ли поддается (к тому же их иерархия находится в непрерывной динамике). В нейтрализации факторов поддержки ТП основное место (помимо силовых «мероприятий») принадлежит решению «территориальной» проблемы, а также социокультурной и социально-экономической модернизации ингушского сообщества, повышению качества республиканской власти.

Реальное решение территориального вопроса для ингушского национального сообщества предполагает изменение административного статуса Пригородного района либо получение других сопоставимых территориальных компенсаций. Однако вероятность «перевода» Пригородного района в состав Ингушетии практически равна нулю. По сути, соответствует нулевой отметке и возможность получения республикой каких-либо других территориально-административных компенсаций от федерального центра. Наблюдая все происходящее на Северном Кавказе, центр ни при каких обстоятельствах не будет больше делать административных «подарков» региональным республикам. Миллиарды рублей, заложенные в программу социально-экономического развития Ингушетии на ближайшие годы, на деле и представляют такого рода «отступные», хотя это никогда и никем из политиков не было (и не могло быть) озвучено.

Вопрос в том, готово ли на такой «бартер» национальное сообщество, в том числе его радикальные элементы, ответственные за организацию террора. Тем более, если данный взаимообмен не формулируется как таковой. Значительная часть ингушского сообщества воспринимает социальные субсидии республике как должное, как «обязанность» федерального центра, не предполагающую никаких ответных обязательств. То, что экономическая «отдача» республики многократно уступает федеральной помощи, просто не принимается в расчет. Очевидно, предстоящее (и уже идущее) значительное увеличение федерального финансирования Ингушетии также не будет аргументом для закрытия национальным сообществом территориального вопроса. Иными словами, он и дальше будет сохранять свое конфликтогенное значение.

Но дополнительные средства в республику придут. Если они будут использованы по назначению, то пусть не сразу, но хотя бы в среднесрочной перспективе возможны модернизационные сдвиги внутри республиканского сообщества, а параллельно и определенная трансформация способов «внешней» реализации его кон-

фликтного потенциала. Насколько вероятна социально-экономическая и связанная с нею социокультурная модернизация республики? Насколько эффективными будут вложения федеральных средств в производственную и социальную инфраструктуру республики? Каким образом они смогут изменить социопрофессиональные ориентации местного населения, если не ликвидировать, то хотя бы «потеснить» иждивенческий комплекс, ставящий крест на большинстве инвестиционных проектов?

Если исходить из существующего (и уже весьма обширного) постсоветского опыта, то наиболее вероятной является реализация консервативно-пессимистического варианта развития республики. Деньги действительно придут, но, возможно, не в полном объеме, прописанном в соответствующих программных документах. Впрочем то, что республика получит значительные суммы, сомнения не вызывает. Социально-экономическая отдача их окажется заметно ниже, чем это предполагалось. Причины многообразны и хорошо известны (коррупция на всех уровнях распределения от федерального до муниципального, низкая квалификация исполнителей и т.д.). Тем не менее определенные результаты в сфере социально-экономической и социокультурной модернизации республиканского общества будут получены. Возрастет уровень жизни, существует вероятность и некоторого повышения качества местной власти. Окажется ли этих сдвигов достаточно, чтобы ввести социальную протестность в «цивилизованное» русло, существенно сократить кадровое пополнение подполья, тем самым минимизируя и его активность?

В ближайшее десятилетие последнее почти невозможно. Представляется, что маловероятно и в перспективе 10–20 лет. Хотя к 2030 г. ингушское национальное общество, скорее всего, будет более образованным, урбанизированным (причем может заметно расшириться и прослойка «коренных» горожан), в значительной своей части станет среднедетным (2–3 ребенка в семье). Но очевидно, что его модернизационный транзит будет находиться на стадии, очень далекой от своего завершения.

Не просматривается пока и перспектив решения молодежной проблемы – «профессионализации» и трудоустройства значительной части молодых ингушей, ограничивающих свое образование школой (в том числе девятилеткой). В 2008 г. только 52% ингушей, закончивших в республике школу, поступили в специализированные учебные заведения. Это не только группа облегченного распространения радикалистских идей и экстремистских практик

(т.е. кадровый ресурс ТП), но и плацдарм социокультурного традиционализма и религиозного фанатизма («истовости») на многие десятилетия вперед. Масштабное пополнение его современными генерациями молодежи, автоматически удлиняет период социокультурной и социопрофессиональной модернизации национального сообщества, сдвигает его все дальше в будущее (молодые ингушки, не получившие профессионального образования сейчас, вплоть до середины XXI в. будут составлять заметную часть трудоактивного населения республиканского общества).

В настоящее время у значительной части национального сообщества, очевидно, все еще не сформирована потребность в качественном образовании (а следовательно, и в последующей профессиональной карьере) своего подрастающего поколения. Отсутствие потребности указывает на отсутствие соответствующей социальной необходимости. Причины уже назывались – «архаический» характер республиканской экономики и развитая система «иждивенческого» финансирования, обесценивающая значимость профессиональной квалификации (сопоставимые деньги молено не заработать, а получить через разнообразные каналы государственного социального финансирования или работая в личном хозяйстве). В настоящее время данная проблема в республике не решена. Пока даже не «нащупываются» действенные пути ее решения.

Таким образом, основные факторы протестности (конфликтности) национального сообщества и «подпитки» республиканского подполья со значительной долей вероятности будут сохраняться и спустя 10–20 лет. И все же, учитывая всю совокупность динамических тенденций в экономике и социокультурной сфере, можно с определенным основанием прогнозировать некоторое сокращение масштабов данной протестной «энергетики». Это означает, что к 2025–2030 гг. серьезное увеличение роста террористической активности по сравнению с уровнем последних двух-трех лет представляется маловероятным. Есть несколько достаточно серьезных обстоятельств, которые препятствуют значительному разрастанию ТП в республике. Это ограниченный демографический потенциал национального сообщества, уступающего в несколько раз по своей численности чеченцам или сумме трех ведущих дагестанских народов, наиболее активно участвующих в экстремистской деятельности. Свою роль играет и уровень рождаемости, который устойчиво сокращался в Ингушетии с 1995 по 2005 г. (если в первой половине 90-х годов он составлял 2,4–2,5% в год, то во второй по-

ловине сократился до 2,1%, а к 2001 г. – до 1,4%). Учитывая, что основной костяк бандгрупп формируется молодыми людьми в возрасте 18–25 лет, демографическая ресурсная группа подполья начнет ощутимо сокращаться уже с 2012–2013 гг. Ежегодная генерация, достигающая совершеннолетия в 2020 г., будет уступать современной в 1,5 раза. Сокращение рождаемости продолжится в республике и в дальнейшем. К 2030 г. ее уровень будет мало отличим от среднероссийского показателя практически при любом сценарии демографической динамики Ингушетии.

Но как уже отмечалось, сокращение рождаемости – это только внешнее проявление достаточно глубоких и разнообразных модернизационных сдвигов, изменений в психоповеденческих стереотипах и социальных практиках общества. По мере сокращения «детности» семей существенно меняются сами формы социализации подрастающего поколения. Они «персонализируются», все больше ориентируются на хорошее образование и профессиональную карьеру. Даже с учетом серьезных проблем у ингушского общества в этой области, почти нет сомнений в том, что достигающая совершеннолетия в 2020 или 2030 г. ингушская молодежь будет не только ощутимо малочисленней, чем современная, но и более модернизированной по своему мировоззрению и жизненным установкам.

Эта социокультурно более развитая и вместе с тем малочисленная генерация, существенно ограничит возможности подполья по непрерывному восполнению своих боевых потерь. Поэтому наиболее вероятным сценарием развития республиканского ТП в перспективе ближайших десятилетий является постепенное сокращение его формата и общей активности. Однако данная «генеральная» линия будет представлена сложной пульсирующей кризой с множественными колебательными подвижками «вверх-вниз» и отдельными значительными пиками, продолжительность которых может измеряться годами.

Вариант полной ликвидации подполья в перспективе 10–20 лет представляется крайне маловероятным в силу сохранения на весь данный период основных факторов конфликтности/протестности национального сообщества.

Наконец, следует повторить то, что говорилось и в отношении чеченского и дагестанского подполья – даже значительное сокращение потенциала ингушского террористического комплекса едва ли сможет лишить его способности осуществлять серьезные акции как в пределах, так и за пределами республики. Люди, «на-

чиненные» ненавистью, будут появляться в распоряжении местного ТП еще многие десятилетия. А значит, все это время будет сохраняться в той или иной степени и проблема республиканского терроризма.

И последнее. Вероятностные соотношения перечисленных динамических сценариев ТП исходят из достаточно устойчивого политического и социально-экономического развития РФ. Серьезная дестабилизация России способна значительно увеличить «вitalные» ресурсы подполья в республике, даст ему дополнительные исторические шансы.

Сергей Слуцкий. «Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа» (Г.Д.И.), Р.-на-Д., 2010 г.

Н. Федулова,

политолог

БОРЬБА ЗА ВЛИЯНИЕ В ЗОНЕ БОЛЬШОГО КАВКАЗА

Регион Большого Кавказа, куда принято включать Россию, Азербайджан, Армению, Грузию, Турцию, Иран, а с августа 2008 г. – Абхазию и Южную Осетию, появился в мировом геополитическом пространстве примерно полтора десятилетия назад. Первоначальным импульсом к его формированию послужили распад Советского Союза, образование и становление новых независимых государств в лице бывших закавказских республик СССР – Азербайджана, Армении и Грузии. При этом Северный Кавказ оставился и остается неотъемлемой частью России. Иран и Турция, примыкавшие к советским границам, получили возможность непосредственно взаимодействовать с возникшими здесь новыми государствами, влиять на их внешнеполитический курс, играть на противоречиях между ними и бывшей метрополией – Россией, – которая в значительной мере продолжает сохранять свое присутствие в Закавказье. Немаловажным фактором, открывающим для Тегерана и Анкары перспективы укрепления своих позиций в регионе, был и остается азербайджано-армянский конфликт.

Одновременно, по мере того как начали появляться данные геологоразведки об уникальных запасах углеводородного сырья в Каспийском море и прилегающих территориях, Большой Кавказ становился все более притягательным для ведущих мировых держав, прежде всего – США и стран Евросоюза. При этом, как это

всегда бывает, чисто экономические интересы (доступ к разработке и транспортировке энергетических ресурсов) порождали необходимость выработки определенного внешнеполитического курса для реализации этих интересов. По сути ставилась задачанейтрализации российского влияния в регионе, установления политического и даже военного контроля (последнее характерно прежде всего для США) за нефте- и газопотоками, направляемыми западным потребителям в обход РФ.

Весомым фактором, способствующим росту напряженности в регионе, являются открыто враждебные отношения между США и Ираном. Американское руководство видит в этой стране реальную угрозу безопасности для всего Среднего и Ближнего Востока, считает Тегеран источником «мирового зла». По совокупности вышеуказанных причин вавшингтонские стратеги пришли к выводу о необходимости создания американского военного плацдарма в одной из закавказских республик. Такой республикой, как известно, стала Грузия. Однако провал вооруженной агрессии тбилисского режима против Южной Осетии изменил расстановку политических сил в зоне Большого Кавказа, причем, как представляется, не в пользу США.

Вместе с тем обстановка здесь весьма изменчива. Нет четкого деления на союзников и противников, партнеров и конкурентов. Определенно можно говорить лишь о том, что столкновение интересов, влияние внутрирегиональных и внерегиональных факторов порождают постоянную напряженность и несут в себе большой конфликтный потенциал. В этой связи особую актуальность приобретает анализ современного состояния дел (после событий августа 2008 г.) в зоне Большого Кавказа с точки зрения национальных интересов России.

Попытки режима Саакашвили решить проблему территориальной целостности своей страны силовым путем была бы немыслима без прямого участия США в многолетней подготовке этой акции. Ни для кого не секрет, что грузинская военная машина создавалась на американские деньги и под руководством американских военных специалистов. Очевидно и то, что без ведома Вашингтона и без его обещаний оказать всестороннюю, в том числе информационную и политико-дипломатическую, поддержку М. Саакашвили не отдал бы приказ о начале боевой операции. Москва оказалась в тяжелейшем положении. В Кремле сознавали, что вступление в войну с Грузией на стороне Южной Осетии чревато для России открытой конфронтацией с западными державами

и международной изоляцией. Однако российское руководство отдавало себе отчет в том, что если бы Тбилиси смог получить контроль над бывшими грузинскими автономиями (Абхазия также входила в эти планы), это означало бы уничтожение большей части проживающего там населения, а спасшиеся бегством уже никогда не вернулись бы на родину. Показательно, что, как выяснилось позже, операция грузинских военных имела кодовое название «Чистое поле». Решение Москвы было продиктовано здравым смыслом и учитывало неизбежность катастрофических последствий бездействия для дальнейшей судьбы Российского государства. Очевидно, что невмешательство «взорвало» бы весь Северный Кавказ, народы которого, генетически связанные с народами Южной Осетии и Абхазии, готовились прийти на помощь своим братьям. Но силы были неравными, и жертвы оказались бы неисчислимыми. Более того, бездействие федерального центра, воспринятое как предательство и слабость российской власти, стало бы мощным катализатором сепаратистских настроений в северокавказских республиках, а международный терроризм получил бы такой плацдарм для своей деятельности, какого он не имел даже в разгар чеченской войны. Началась бы «война всех против всех», без фронта и тыла. Россия оказалась бы в глубочайшем кризисе – внутриполитическом, экономическом, международном.

В результате пятидневной войны Южная Осетия была освобождена, Абхазия выведена из-под огня, а грузинский военный потенциал существенно подорван. Россия вернулась на Южный Кавказ, стала гарантом безопасности этих двух республик, признав их государственную независимость (26 августа 2008 г.), установив с ними дипломатические отношения (9 сентября 2008 г.) и заключив договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи (17 сентября 2008 г.). Это решение – безусловное и окончательное. «Мы не отступим на Кавказе», – жестко и четко заявил Президент РФ Д. Медведев.

Поддерживая у грузинских правящих кругов иллюзию относительно возможности повернуть историю вспять, западные державы не могут не отдавать себе отчет в том, что это является мощным дестабилизирующим фактором в Закавказье. Отсюда напрашивается вывод о том, что они заинтересованы в сохранении конфликтогенной зоны на границах России. Решение НАТО провести военные маневры в Грузии (май 2009 г.) в районе, который еще не успел «остыть» от недавней войны, нельзя расценивать иначе, как целенаправленное обострение обстановки. Одновре-

менно это и сигнал Москве о том, что с российскими интересами на Кавказе Запад считаться не собирается.

Успешно завершив операцию по принуждению Грузии к миру, Россия заявила о себе как о реальной силе в регионе Большого Кавказа. Вместе с тем Москва ясно дала понять, что она не собирается создавать прецедент из августовских событий. На своих пресс-конференциях Д. Медведев неоднократно подчеркивал, что положение вокруг Южной Осетии и Абхазии не имеет ничего общего с проблемой Нагорного Карабаха. И это, разумеется, было услышано и в Баку, и в Ереване. Характерно, что американский эмиссар Д. Чейни, прилетевший в Азербайджан по следам военных действий в Грузии, не смог добиться давней цели Вашингтона – согласия азербайджанского руководства на размещение военной базы США в республике, по сути, на границе с Ираном. Полным контрастом на этом фоне выглядели и сам факт визита И. Алиева в Москву, и его заявление о том, что азербайджано-российские отношения являются образцом отношений между двумя соседями. Более того, появилась возможность реального прогресса в диалоге между Азербайджаном и Арменией. После августовских событий на Кавказе в Баку и Ереване впервые заговорили о необходимости поиска компромиссов. И азербайджанская, и армянская стороны на примере событий в Грузии убедились в том, что «замороженные» конфликты не могут длиться вечно, а путь силового решения чреват самыми тяжелыми последствиями для их участников. Силовой вариант развития событий не устраивает Россию по многим причинам. С одной стороны, как известно, РФ имеет самые тесные экономические и военно-политические связи с Арменией и, что следует подчеркнуть особо, несет перед ней конкретные обязательства по защите ее безопасности. С другой стороны, Москва заинтересована в расширении отношений с Азербайджаном. Руководство РФ ценит позицию Баку, который не проявляет намерения вступать в НАТО и размещать американские военные базы на территории своей страны. Кремль хочет видеть Азербайджан союзником в решении вопроса о статусе Каспия, в борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом, развивать с этим государством деловое сотрудничество, в том числе и по линии ТЭК, что становится сейчас чрезвычайно актуальным.

Противостояние Азербайджана и Армении во многом определяет общую расстановку сил в зоне Большого Кавказа. Во всяком случае, конфликт между этими странами является своеобраз-

ным оселком, на котором выявляются позиции как государств региона, так и ряда ведущих мировых держав. Однако данное обстоятельство далеко не исчерпывает всего разнообразия факторов, формирующих общую политическую обстановку в регионе. Особого внимания заслуживают роль и место здесь таких государств, как Турция и Иран, стремящихся к проведению активной политики в районе Большого Кавказа.

В настоящее время можно уверенно говорить о том, что Анкара взяла курс на долгосрочное партнерство с Россией (разумеется, не в ущерб отношениям с Западом), считая ее важным, если не ключевым, игроком на региональном политическом поле. При этом учитываются усиление российских военных позиций на Южном Кавказе, развитие многопланового сотрудничества РФ с Азербайджаном, в том числе по линии ТЭК, влияние Москвы на Ереван и взвешенная позиция Кремля в отношении Ирана. Движение Турции в направлении России отражает, как представляется, амбиции Анкары, стремящейся увеличить свое политическое влияние в регионе и расширить здесь свою экспансию.

Турция и Россия уже прошли значительный путь наращивания экономических связей. Наша страна является обширным рынком для турецких промышленных и строительных фирм. По прогнозным оценкам в 2010 г. двусторонний товарооборот составит 38 млрд. долл. Главным направлением сотрудничества является энергетика. Интересы сторон здесь во многом совпадают – Россия стремится экспорттировать углеводородное сырье по более безопасным маршрутам, а Турция хотела бы укрепить свои позиции в качестве транзитера энергоресурсов. Между двумя странами уже проложен трансчерноморский газопровод «Голубой поток», Анкара дала согласие на прокладку трубопровода «Южный поток» в своей экономической зоне Черного моря. По этому маршруту российский газ пойдет в Болгарию и другие европейские страны. Одновременно рассматриваются планы сооружения второй нитки «Голубого потока» («Голубой поток-2»). Существуют перспективы сотрудничества и в атомной энергетике – речь идет о возможном участии российских компаний в строительстве АЭС в Турции. Импульсом к дальнейшему развитию российско-турецких отношений послужил визит в Москву премьер-министра Турции Роджепа Тайипа Эрдогана в январе 2010 г. Не случайно в турецкую делегацию были включены министры иностранных дел, энергетики, внешней торговли, транспорта и сельского хозяйства. В ходе переговоров обсуждался вопрос создания двустороннего

совета стратегического сотрудничества на высоком уровне, который предполагается сделать основным механизмом для предотвращения кризисов в международных отношениях, а также для углубления партнерства. На приеме у Д. Медведева глава турецкого правительства с удовлетворением констатировал, что между двумя странами «наблюдается диверсификация отношений. В политическом, экономическом, оборонном плане развивается целенаправленное сотрудничество». Особое значение Эрдоган придает созданию межправительственного совета, которое откроет «новую эру в российско-турецких отношениях».

Уместно напомнить и о позиции Анкары в отношении России в ходе проведения ею операции по принуждению Грузии к миру. Это была позиция, если так можно выразиться, доброжелательного нейтралитета. В дальнейшем, несмотря на то что де-юре Турция не признала независимость Южной Осетии и Абхазии, ее руководство установило неформальные контакты с Сухумом, что позволило наладить турецко-абхазские торгово-экономические отношения. Разумеется, лояльность Анкары в данных вопросах по достоинству оценивается Москвой. Сразу после начала «пятидневной войны» турецкий премьер-министр Эрдоган выступил с предложением принять Пакт мира и стабильности на Кавказе, что представляется вполне логичным. Ведь на протяжении последних лет Турция стремилась играть более заметную роль в региональных делах согласно сформулированному ее руководством принципу – «ноль проблем с соседями». Анкара проводила курс на у становление добрососедских связей со всеми странами региона. В данном контексте следует рассматривать и попытки разблокировать отношения с Арменией, которые были прерваны в период азербайджано-армянского вооруженного конфликта в знак солидарности с Баку.

Желание Анкары разблокировать отношения с Арменией вызвало резкое недовольство Баку. По словам И. Алиева, Турция совершила предательство «братских интересов», встав на путь нормализации отношений с Арменией в условиях неурегулированности нагорно-карабахского конфликта. Азербайджанская сторона заявила о прекращении поставок газа Турции по льготным ценам. Как уже говорилось выше, в Баку считают, что с открытием армяно-турецкой границы позиция Еревана по вопросу Карабаха станет более жесткой и переговоры по мирному урегулированию окончательно зайдут в тупик. Однако, как представляется, азербайджано-турецкое охлаждение носит временный характер. Турок

и азербайджанцев связывают слишком тесные, причем не только политические и экономические, но и религиозно-этнические узы. Анкара уже дала понять Еревану, что ждет от него реальных подвижек в карабахском вопросе (освобождения хотя бы части азербайджанских земель, прилегающих к Нагорному Карабаху). Со своей стороны, официальный Ереван под давлением общественности вынужден поднимать вопрос о признании Турцией факта геноцида армянского народа. Все это заставляет усомниться в том, что нормализация армяно-турецких отношений является делом ближайшего времени.

Оценивая же роль самой Турции в зоне Большого Кавказа, следует признать, что ее политика, во всяком случае в долгосрочном плане, направлена не на разъединение стран региона, а напротив, на преодоление противоречий, на предотвращение конфликтов и на взаимовыгодное сотрудничество, а кроме того – на ограничение влияния внерегиональных сил. Об этом свидетельствует и наметившийся в последнее время поворот Анкары в сторону сближения с Ираном. Визит турецкого премьер-министра Эрдогана в Тегеран в октябре 2009 г. ознаменовался рядом принципиально важных заявлений. По словам премьера, Турция и Иран представляют собой «стабилизирующую ось» и позитивно влияют на обстановку в регионе. Одновременно Эрдоган открыто обвинил Запад в использовании двойных стандартов в отношении иранской ядерной программы, а планы военного удара по ядерным объектам Ирана назвал «сумасшедшими». В целом можно говорить о том, что нынешний внешнеполитический курс Анкары питает позитивные тенденции в региональном развитии и во многом отвечает российским интересам.

На ведущие позиции в политической и экономической жизни Большого Кавказа, помимо России и Турции, претендует Иран. При этом руководство страны готово использовать новую ситуацию, сложившуюся в Закавказье после августа 2008 г. Обращает на себя внимание налаживание контактов Тегерана с Сухумом. И хотя говорить о признании Ираном Абхазии преждевременно, экономические связи между ними, скорее всего, получат дальнейшее развитие. Отношения в целом будут строиться по турецко-абхазской формуле: экономическое сотрудничество без признания. Разумеется, расширение внешней торговли и, что особенно важно, приток иностранных инвестиций в разоренную абхазскую экономику крайне необходимы для Сухума. Подобная перспектива вполне согласуется и с российскими интересами, поскольку Моск-

ва, как уже говорилось выше, заинтересована в процветании и стабильности соседней республики. При этом ни Турция, ни Иран ни в коей мере не в состоянии конкурировать с Россией в Абхазии и не смогут хоть в какой-то мере ослабить российско-абхазские союзнические отношения.

Однако и Анкара, и Тегеран, видимо, исходят из обратного. Они рассматривают Абхазию как своего рода рычаг для политических манипуляций на Южном Кавказе. В частности, речь идет о корректировке отношений с РФ, покровительствующей Абхазии, и с США, покровительствующими Грузией. Одновременно «абхазский крен» можно использовать и во взаимоотношениях с самой Грузией, а также с Азербайджаном, добивающимся восстановления территориальной целостности страны, а заодно и с Арменией, которая этому препятствует. Однако это – гипотетический вариант развития событий.

С полной определенностью можно говорить лишь о том, что экономические отношения Ирана с Арменией носят несравненно более масштабный характер, чем Ирана с Грузией. И это понятно – ведь Тбилиси вынужден учитывать позицию Вашингтона, который по известным причинам стремится ограничить влияние Тегерана на Южном Кавказе. Для Еревана же сотрудничество с Ираном является практически единственной возможностью смягчить полу-блокадное положение своей страны. Огромную роль в этом плане сыграли ввод в эксплуатацию в марте 2007 г. газопровода Иран–Армения и совместное строительство ГЭС на реке Аракс. В настоящее время речь идет о строительстве нефтепровода Иран–Армения и об иранских инвестициях в строительство нефтеперерабатывающего завода в Армении. Реализация ирано-армянских проектов вызывает особое раздражение Белого дома. Это никак не согласуется с планами США установить контроль за транспортировкой углеводородного сырья в зоне Большого Кавказа.

Значимость Каспийского региона (который, кстати говоря, частично накладывается на зону Большого Кавказа) в геополитическом раскладе продолжает возрастать ввиду сосредоточенных здесь огромных запасов углеводородного сырья. Интересы прибрежных государств сталкиваются с интересами внерегиональных держав, прежде всего США и стран ЕС. Между тем отсутствие международно-правового статуса Каспийского моря делает прикаспийские государства уязвимыми как со стороны внешней экспансии, так и со стороны возможных внутрирегиональных споров и конфликтов, связанных с использованием ресурсов Каспия, ре-

жимом судоходства и т.д. В этих условиях лидеры пяти прикаспийских государств, не дожидаясь окончательного решения проблемы статуса Каспия, сочли необходимым согласовать и юридически закрепить ряд положений, направленных на обеспечение региональной безопасности. На встрече в верхах 16 октября 2007 г. в Тегеране президенты Азербайджана, Ирана, Казахстана, России и Туркмении подписали совместную декларацию, в которой было заявлено, что вооруженные силы прибрежных государств не будут использованы для нападения друг на друга. Симптоматично, что в то время, когда ядерная программа Тегерана остается объектом жесткой критики со стороны ведущих западных держав, пять прикаспийских государств «подчеркивают, что ни при каких обстоятельствах не позволят использовать свои территории для совершения агрессии и других военных действий против любой из сторон».

Ключевым положением декларации можно считать утверждение о том, «что только прибрежные государства обладают суверенными правами в отношении Каспийского моря и его ресурсов». До окончательного определения правового статуса Каспийского моря и его акватории должны действовать «режимы судоходства, рыболовства и плавания судов исключительно под флагами прикаспийских стран». Таким образом, участники встречи однозначно высказались за то, чтобы ограничить доступ к разведке и освоению каспийских недр для «чужаков». Можно сказать, что Тегеранская встреча положила начало формированию структур прикаспийского сотрудничества, которые призваны регулировать не только экономические, но и военно-политические вопросы, чтобы закрыть Каспийский регион для вмешательства извне. Однако считать этот вопрос решенным окончательно пока рано.

Между прибрежными государствами сохраняется множество серьезных противоречий, что тормозит процесс выработки и юридического оформления статуса Каспийского моря. Главным камнем преткновения на этом пути является непримиримая позиция Тегерана, который упорно настаивает на разделе моря на пять равных частей. И это при том, что иранская береговая линия составляет всего 13% протяженности берегов Каспия. Естественно, ни Россия, ни другие участники переговорного процесса (Казахстан, Азербайджан, Туркмения) согласиться с этим не могут. Данное обстоятельство в целом заметно осложняет российско-иранские отношения.

Еще более серьезные трения между Москвой и Тегераном вызывает иранская ядерная программа. Российская сторона, как известно, заключила контракт и приступила к строительству АЭС в Бушере. При этом предполагалось, что ядерное топливо будет обогащаться в России. Речь шла исключительно о мирном использовании ядерной энергии. Однако чем дальше, тем больше появлялось признаков того, что иранское руководство планирует собственное производство обогащенного урана, причем уровень обогащения может многократно превосходить тот, который необходим для работы АЭС, и у Ирана появится возможность создать ядерное оружие. Об этом свидетельствовали препятствия, чинимые Тегераном представителям МАГАТЭ в ходе инспекции иранских ядерных объектов.

Впрочем, ядерные амбиции Ирана, похоже, мало волнуют государства Большого Кавказа (исключение Россия). А вот «исламистский крен» в политике Тегерана вызывает здесь определенную настороженность. Ведь государственное устройство этих стран, независимо от религиозного состава населения, носит, в отличие от Ирана, светский характер. В частности, это находит отражение в характере ирано-азербайджанских взаимосвязей.

Казалось бы, при очевидном стремлении играть одну из ведущих ролей в зоне Большого Кавказа Иран должен быть заинтересован в дружественных отношениях с Азербайджаном. Однако в действительности эти отношения весьма противоречивы. Несмотря на внешнюю лояльность, а также весьма тесное экономическое и гуманитарное сотрудничество между двумя странами, существуют подводные течения, подрывающие основы их взаимодействия в регионе. Тегеран чрезвычайно ревниво относится к развитию азербайджано-американского партнерства как в военно-технической, так и в экономической областях. Он пытается склонить Баку к проведению антиамериканской (антизападной) политики, используя, в частности, «карабахский фактор», причем делает это весьма изощренно. С одной стороны, иранское руководство поддерживает отношения с властями Нагорного Карабаха и даже реализует там ряд строительных проектов. С другой стороны, используя свою агентурную сеть и группы влияния, оказывает организационную и финансовую поддержку тем религиозным движениям в Азербайджане, которые выступают за немедленное возвращение Карабаха.

Очевидно, что линия Тегерана на дестабилизацию внутриполитической обстановки в Азербайджане не может не раздражать

и не беспокоить Баку, особенно в условиях, когда здесь стремительно набирает силу так называемый политический ислам. В конце 2008 – начале 2009 г. азербайджанскими спецслужбами были выявлены и обезврежены девять террористических и экстремистских групп. У них было найдено большое количество оружия и боеприпасов. По словам министра национальной безопасности Э. Махмудова, «все эти группы планировали оказать вооруженное сопротивление построению в Азербайджане светского демократического государства и были нацелены на нарушение общественно-политической стабильности в стране. Они действовали в координации с международными террористическими сетями». Официальную оценку этих событий разделяют и представители демократической оппозиции.

Распространение радикального ислама имеет множество причин, в том числе тяжелые социальные проблемы и имуществоное расслоение общества. Однако недовольство властью в первую очередь объясняется ее неспособностью решить карабахский вопрос. Лозунг борьбы за Карабах, выдвигаемый религиозной оппозицией, находит отклик практически среди всех, даже самых политически лояльных граждан Азербайджана. Похоже, что Тегерану выгодно затягивание азербайджано-армянского конфликта и сохранение политической нестабильности на Южном Кавказе, что, с точки зрения иранского руководства, способствовало бы усилению здесь иранского влияния.

Вместе с тем это никак не согласуется с национальными интересами России. Активизация деятельности международных террористов и религиозных экстремистов в сопредельном государстве, причем граничащем с «мусульманскими» республиками Северного Кавказа, где все еще сохраняется ваххабистское подполье, представляет реальную угрозу безопасности. Россия заинтересована в политической стабильности своего южного соседа, а следовательно, и в том, чтобы ускорить решение азербайджано-армянского конфликта. В целом политика Ирана в отношении соседей по Большому Кавказу отличается большей противоречивостью, чем политика Турции. Однако приходится считаться с тем, что эта страна является частью данного региона. Москве необходимо проводить гибкую политическую линию в отношениях с Тегераном. Перед российской дипломатией стоит задача развивать сотрудничество там, где это возможно, и одновременно нейтрализовать деструктивные тенденции во внешнеполитической деятель-

ности Ирана. Решение этой задачи невозможно без объединения усилий с ведущими мировыми державами.

Особого внимания в зоне Большого Кавказа заслуживает внешнеполитическое положение Азербайджана, причем не только в связи с азербайджано-армянским конфликтом. В 1994 г., когда руководство страны во главе с Гейдаром Алиевым вынуждено было пойти на соглашение о прекращении огня, Азербайджан находился в тяжелейшем положении, по сути – на грани распада. Однако Баку смог наладить сотрудничество с ведущими мировыми державами и привлечь иностранный капитал для создания новых мощностей по добыче и транспортировке углеводородного сырья к европейским потребителям. Это позволило за весьма короткий срок не только выйти из экономического и внутриполитического кризиса, сохранить государство как таковое, но и аккумулировать немалые средства для модернизации экономики. В результате Азербайджан добился наиболее высоких темпов роста среди стран СНГ, создал хорошо оснащенную армию, приступил к реализации крупных инфраструктурных и промышленных проектов на базе современных технологий, причем не только в сфере ТЭК. Все это позволяет нынешнему президенту И. Алиеву проводить вполне самостоятельную активную и многовекторную внешнюю политику.

Так, сотрудничество в сфере безопасности с западными странами практически ограничивается военно-техническими аспектами. Попытки США разместить в Азербайджане свои военные базы, как уже говорилось выше, получают недвусмысленный отпор. В подобных намерениях Вашингтона Баку усматривает серьезные риски, связанные с частичной утратой самостоятельности и с ограничением поля для внешнеполитического маневра. Здесь не хотят осложнения отношений ни с Ираном, ни с Россией.

Смысл экономического взаимодействия Азербайджана с западными державами также по-разному оценивается сторонами. В осуществлении своих нефтегазовых проектов, исключающих участие России, США и государства Евросоюза отводят Азербайджану особую роль. Он, по расчетам западных стратегов, должен стать узловым пунктом транскаспийских экспортных маршрутов. Это открыло бы Западу прямой доступ к сырьевым ресурсам Туркмении и Казахстана и одновременно существенно ослабило бы экономические и политические позиции России не только на Южном Кавказе, но и в Центральной Азии. Уже сейчас в регионе действует газопровод Баку–Тбилиси–Джейхан (Турция), нефте-

провод Баку–Тбилиси–Супса (Грузия). Появились сообщения о том, что в Азербайджане будут построены мощности для производства сжиженного газа, который пойдет на экспорт в Европу через грузинские порты. Вместе с тем участие азербайджанской стороны в проекте «Набукко», активно лоббируемом США и Евросоюзом, остается под вопросом. Баку взял курс на диверсификацию экспортных маршрутов углеводородного сырья. Было принято решение о продаже азербайджанского газа России. 14 октября 2009 г. Госнефтекомпания Азербайджана (ГНКАР) и Газпром РФ заключили среднесрочный контракт (с возможностью пролонгации) о купле-продаже азербайджанского газа российской стороне на период 2010–2014 гг. С 1 января 2010 г. газ начал поступать по трубопроводу Баку–Моздок, причем объем поставок, скорее всего, превысит оговоренный контрактом минимум в 500 млн. м³ и составит 1 млрд. м³ в год. Практически одновременно (11 ноября 2009 г.) были подписаны соглашения о поставках азербайджанского газа в Иран – также с 1 января 2010 г.

Сотрудничество Баку и Москвы в газовой сфере не исчерпывает всего спектра азербайджано-российских отношений, а лишь свидетельствует о высокой степени их развития. С окончанием эпохи правления Б. Ельцина в России и приходом к власти нового руководства во главе с В. Путиным общий политический климат во взаимосвязях Азербайджана и РФ существенно изменился, что позволило обеим сторонам перейти от фактической конфронтации к конструктивному диалогу. Удалось урегулировать чрезвычайно чувствительную для РФ проблему – судьбу Габалинской РЛС «Дарьял». 25 января 2002 г. В. Путин и Г. Алиев подписали соглашение «О статусе и условиях содержания информационно-аналитического центра в Габале». Важным шагом Баку и Москвы навстречу друг другу стало заключение соглашения о разделе сопредельных участков дна Каспия, состоявшееся 23 сентября 2002 г. С тех пор азербайджано-российские отношения развивались по восходящей. Об этом свидетельствуют и рост товарооборота, и расширение научных и гуманитарных связей, и проявленная руководством Азербайджана лояльность в связи с российской акцией по принуждению Грузии к миру. При этом немалое значение имеют личные дружественные встречи и контакты между первыми лицами государств.

Конструктивная политика Баку не только в отношениях с Россией, но и с такими государствами Большого Кавказа, как Турция и Иран, при наличии тесных связей с западными державами,

имеющими интересы в регионе, делает Азербайджан значимым субъектом региональных международных отношений. Особенно велико азербайджанское влияние в Грузии, которая, находясь в бедственном положении, видит опору в своем более сильном соседе. В то же время неурегулированность азербайджано-армянского конфликта существенно ограничивает возможности Баку в проведении более эффективной политики в регионе, осложняет его отношения с такими ключевыми союзниками, как Турция и Иран.

* * *

Анализ ситуации в зоне Большого Кавказа показывает, что сложившаяся в регионе система международных отношений находится в состоянии динамического равновесия. Ни один из субъектов этих отношений не имеет решающих преимуществ перед другими и не занимает доминирующих позиций. Противоречия, неизбежно возникающие в процессе взаимодействия, в целом уравновешиваются потребностью в сотрудничестве.

Однако наблюдаемое ныне равновесие может быть нарушено. Существуют весьма серьезные потенциальные угрозы сохранению политического статус-кво в этом регионе мира. Речь идет и о ядерной программе Ирана, и о неурегулированности конфликта вокруг Нагорного Карабаха. Для решения этих проблем все заинтересованные стороны должны консолидировать свои усилия и выработать общую линию поведения. Но в действительности, как следует из проведенного анализа, сиюминутные, эгоистические, частные интересы нередко берут верх над соображениями более высокого – стратегического порядка. При этом рассчитывать на то, что существующие проблемы постепенно решатся сами собой, было бы по меньшей мере недальновидным.

*«Россия и новые государства Евразии»,
М., 2010 г., № 2, с. 35–56.*

Эльсевер Самедов,
кандидат философских наук
Ирада Зарганаева,
публицист
(Азербайджан)

ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Как известно, с древнейших времен учебные заведения создавались при храмах. В древности они не функционировали сами

по себе. После распространения ислама народы стали придавать большое значение религиозному обучению. Причем первоначально обучение проводилось прямо в мечетях, что частично сохранилось и в наше время. Это создавало неудобства при богослужениях и в ритуале чтения Корана, так как обучающиеся волей-неволей нарушали тишину в мечетях. Кроме того, постепенно науки развивались и усложнялись, в частности появилась такая наука, как калам, которая изначально строилась на принципах дискуссионности и обсуждения проблем. Поэтому появилась необходимость создания специальных помещений для преподавания различных предметов. Тем не менее еще некоторое время мечети продолжали выполнять функции учебных заведений.

Со временем потребности населения мусульманского мира также возросли. Ранее удовлетворяющие их структуры более не справлялись с этими обязанностями. Таким образом, для учебных заведений стали строиться отдельные помещения.

Система народного образования еще со времен Пророка подвергалась изменениям и совершенствованию, что продолжается и в наше время. А в период правления династии Омейядов обучение проводилось в мечетях и вокруг них. Однако уже во время правления Аббасидского халифа аль-Мамуна (813–833) в 832 г. был учрежден «Дом Мудрости» (Байтуль-Хикма). Некоторые исследователи считают это заведение первым исламским медресе. Тем не менее в то время не было еще понятия «медресе». Этот термин впервые стал широко применяться позже. А учреждение и финансирование медресе со стороны государства началось с X в. Исламские историки называют великого визиря государства Сельджукидов Низама аль-Мулька в качестве учредителя первого медресе (некоторые считают, что первое медресе было учреждено Байхаки в Нишапуре).

Повсеместное государственное строительство, организация и финансирование медресе, несомненно, являются заслугой Сельджукидов. Созданное по инициативе сельджукского султана Малик-шаха и визиря Низама аль-Мулька первое медресе в Багдаде стало образцом для создания аналогичных учебных заведений во всем исламском мире. В дальнейшем эти школы стали создаваться даже в самых отдаленных уголках и селениях исламского мира, и эта система вошла в исламскую традицию.

Традиция создания школ-медресе с самого раннего периода Сельджукидов стала применяться в Азербайджане. Эта практика была развита Сефевидами, которые также уделяли большое значение

ние образованию народа. Особенно интенсивно процесс протекал в период правления шаха Аббаса.

Система религиозного образования в Азербайджане сохранилась неизменной и в период раздробленности (ханств), и в период Российской империи. Заложенная в те годы система образования развивалась, несколько видоизменялась и дошла до нашего времени. В настоящее время в Азербайджане функционирует ряд медресе, которые находятся в ведении Управления мусульман Кавказа (УМК). Их деятельность соответствует законам страны. Для учреждения и функционирования медресе в Азербайджане необходимо выполнение следующих условий.

1. Составление программы обучения и представление ее для утверждения соответствующими структурами. Помимо уроков по чтению Корана все остальные предметы нужно преподавать на тюркском (азербайджанском) языке.

2. Обучение не должно ограничиваться лишь религиозными предметами. В программу обучения должны быть включены и другие предметы (история Азербайджана, тюркский язык и литература, география Азербайджана и др.).

3. Руководство и преподаватели медресе должны быть гражданами Азербайджана.

4. Выпускники медресе должны быть обеспечены аттестатами о получении среднего образования, так как им в дальнейшем может быть необходимо продолжение своего образования.

5. В медресе должны быть размещены карты Азербайджана, государственная атрибутика. Студенты должны обучаться в духе патриотизма.

Сегодня в Азербайджане функционируют четыре медресе, которые находятся в ведении УМК. Они также прошли официальную регистрацию в Государственном комитете Азербайджанской Республики по работе с религиозными образованиями. Это Хосровское исламское медресе, Алиабадское исламское медресе, Шекинское медресе исламских наук и хафизов Корана, Бакинское медресе «Шебнем» и исламское медресе «Аббасия».

Хосровское исламское медресе было учреждено в 1994 г. в селении Хосров Агдашского района Азербайджана. Оно было связано с УМК и турецким Фондом поддержки молодежи (ФПМ), при помощи которого оно было выстроено. Медресе являлось значительным образовательным религиозным центром, обладающим всеми необходимыми средствами для качественного обучения студентов. Наряду с материальной и моральной поддержкой ФПМ

активно участвовал в формировании преподавательского состава этого учебного заведения, который был укомплектован из местных специалистов, а также прибывших из Турции. В медресе принимались студенты, закончившие среднюю школу. В этом учебном заведении учебная программа была составлена по образцу программы для имам-хатыбов. Здесь помимо таких чисто религиозных предметов, как уроки Корана, вероубеждений, исламской этики, жизни Пророка, методов толкования аятов и хадисов, истории религии, истории пророков, исламской культуры, права, суфизма, калама, преподавались и общие предметы: история Азербайджана, тюркский язык, азербайджанская литература, английский и арабские языки. Эта программа согласована с Государственным комитетом АР по работе с религиозными образованиями. Учебный час составляет 45 мин., все занятия составлены по неделям и семестрам. Студенты здесь также изучают ораторское искусство, менеджмент, занимаются физической культурой и проходят курс военной подготовки. Выпускникам этого медресе выдавались дипломы со стороны УМК. Они распределялись в города и села республики в качестве имам-хатыбов.

Хосровское медресе уменьшило количество своих студентов в 2005 г. Если ранее там обучалось 150–180 студентов, то теперь всего 50–60. Если ранее период обучения был три года, то в 2005 г. он сократился до одного года. В настоящее время деятельность этого учебного заведения приостановлена.

Алиабадское исламское медресе функционирует в селении Алиабад Закатальского района Азербайджанской Республики, является интернатом. Оно также связано с УМК и поддерживается ФПМ. Медресе имеет очень большое значение, так как в нем обучаются студенты разных национальностей северных районов Азербайджана – Закаталы, Гаха, Балакена. Выпускники этого заведения развивают религиозную деятельность на севере Азербайджана, являются служителями мечетей, преподавателями религиозных наук. В 2002 г. в Алиабадском медресе обучались 80 студентов. В настоящее время эта цифра несколько возросла. Туда принимаются студенты, имеющие среднее образование. Преподаватели, в основном получившие образование в Турции, – местные граждане. Есть и преподаватели-турки. Программа обучения в медресе такая же, как в Хосровском медресе. По окончании учебного заведения выпускники могут продолжать образование в университетах на основании аттестата о среднем образовании. Они в

основном поступают в Закатальское отделение Бакинского исламского университета.

Шекинское медресе исламских наук и чтецов (хафизов) Корана является первым в Азербайджане религиозным учебным заведением, которое начало свою деятельность сразу после обретения страной независимости в 1992 г. Имеет большое значение с точки зрения религиозной жизни региона. Связано с УМК и поддерживается ФПМ, является интернатом. До сегодняшнего дня его окончили около 100 выпускников. В первые годы функционирования учебного заведения почти все преподаватели были из Турции, однако в настоящее время их заменили местные кадры, которые получили в Турции образование. Здесь преподаются исламские дисциплины. Большое внимание уделяется таким предметам, как Коран, ақида, сиyr, основы религиозных знаний, исламская этика, история ислама, исламская культура, хадисы, тафсир, суфизм и т.д. Наряду с этим преподаются арабский, тюркский (азербайджанский) языки и литература, история Азербайджана. Программа обучения аналогична Хосровскому медресе.

В этом медресе обучаются также чтецы (хафизы) Корана наизусть. В настоящее время есть уже много хафизов – выпускников этого учебного заведения, которые играют значительную роль в религиозной жизни республики. Первые чтецы Корана в республике вышли отсюда. Поступившие в медресе студенты обучаются общим наукам, а затем особо отличившиеся, по собственному желанию, могут обучаться здесь же на хафизов Корана. Они даже основали свой кружок в городе Шеки. В дальнейшем они продолжают свое обучение на факультете богословия. Шекинское медресе строит свою деятельность исключительно на основании законов Азербайджанской Республики.

Бакинское медресе «Шебнем» начало свою деятельность с 2003 г., связано с УМК, поддерживается ФПМ и является интернатом. Первое мусульманское учебное заведение в стране, отдающее приоритет обучению девушек, которые приезжают сюда из различных районов Азербайджана. Программа обучения соответствует курсу аналогичных турецких учебных заведений. Преподавательский состав состоит из местных граждан, получивших образование в Турции, и граждан Турции. Наряду со всеми указанными выше предметами там осваивают специфические профессии – ткачество и кулинарное искусство. Существует много желающих обучаться в этом медресе.

Медресе «Аббасия» функционирует с 1993 г. на юге Азербайджана в городе Ленкорань. 70 студентов были собраны в три группы. В первых двух обучались юноши, в одной девушки. Преподаватели комплектовались из местных кадров. В 2003 г. были приглашены несколько преподавателей из Ирана. В медресе проходят курсы исламского права (фикх) и вероубеждений (акаид). До 2002 г. программа обучения была составлена по аналогии с курсами Бакинского исламского университета: Коран, таджвид, кираат, фикх, исламская философия и история, нравственность, вероубеждение, тюркский и персидский языки, иранская литература. На втором курсе проходят предметы: хадис, тафсир, калам.

Медресе «Расуль-и Акрам» действовало на юге Азербайджана в Масаллинском районе, однако в 2002 г. его деятельность была прекращена. Там обучались как юноши, так и девушки. Туда приезжали на учебу студенты также и из других южных районов страны. Они проходили курсы: фикх, Коран, сияр, жизнь имамов, хадис, тафсир, арабский и персидский языки.

Медресе «Имам Хусейн» было основано в 1993 г. по инициативе Иранского культурного центра (ИКЦ) в поселке Пришиб Джалилабадского района на юге страны и действовало до 2001 г., поддерживалось иранскими структурами. Было интернатом. Преподавателями были граждане Ирана и Азербайджана. Все они работали по разрешению УМК. Учебные программы были разработаны на основе иранских. Количество студентов было около 30. В настоящее время это учебное заведение не функционирует. Продолжает работать лишь в качестве курсов обучения Корану.

Женское медресе в Бакинском селении Маштага было учреждено в 1991 г. при мечети Алиайагы. В 1992 г. там обучались около 100 студенток. В 1993 г. это медресе посетила дочь аятоллы Хомейни Захра Мостафави, которая оказала этому заведению всяческую поддержку. Функционировало оно до 1996 г. В селении Маштага до 1993 г. неофициально действовало еще одно медресе. Там проходили курсы по религиозным предписаниям аятоллы Рухани. Оно поддерживалось Буруджерди – внуком этого аятоллы. В настоящее время это заведение не действует.

Медресе «Илахийат» начало свою деятельность в 1994 г. в поселке Хырдалан близ Баку. За короткое время число студентов достигло количества 200 человек. Там проходили уроки Корана, исламского права, арабского языка. В настоящее время медресе закрыто.

Помимо упомянутых, которые были и являются наиболее известными, был еще ряд официальных и неофициальных религиозных заведений, которые были закрыты по различным причинам.

«Проблемы становления и развития
мусульманского образования
на постсоветском пространстве», М., 2009 г.

Станислав Чернявский,

доктор исторических наук (МГИМО (У))

**КРОВАВЫЕ УРОКИ ОЧЕРДНОГО ПЕРЕВОРОТА
В КИРГИЗИИ**

В апрельские дни 2010 г. в Киргизии произошла вторая за пять лет революция. Недовольный народ во главе с лидерами оппозиции штурмом взял власть. Президент К. Бакиев бежал на юг страны, а 8 апреля было образовано Временное правительство во главе с Розой Отунбаевой. Таким образом, революция, о необходимости которой столько говорила оппозиция, свершилась, хотя окончательно так и не завершилась. Свергнутый президент, нашедший приют в Белоруссии, отказывается считать себя бывшим и делает противоречивые заявления о намерении продолжать борьбу.

Переворот в Киргизии не стал неожиданностью ни для ее соседей, ни для международного сообщества – известия о беспределе президентского клана, разворовывании им и без того скучного национального достояния страны были у всех на слуху. По сути, все ожидали каких-то перемен, и неожиданным оказалось лишь время события. Время, кстати, не очень удачное как для России, готовившейся отмечать 65-летие Победы над фашизмом, так и для США, нацелившихся на «перезагрузку» отношений с Москвой. Неудачным в смысле времени оказался этот период и для Казахстана, активно реализующего свою программу действующего председателя в ОБСЕ.

«Крестьянский бунт» (а назвать по-другому развернувшееся после переворота массовое мародерство вряд ли возможно) положил конец эпохе «бархатных революций» на постсоветском пространстве, когда правители отдавали власть легко и почти бескровно. Шумные смены правящих команд «цветочного периода», при которых «избранные народом» президенты недолго цеплялись

за кресло, гордо объявляя о нежелании кровопролития, завершились.

Трагические события, переживаемые в очередной раз Киргизией, ставят естественный вопрос: почему это происходит и кому это нужно?

В первые месяцы после прихода к управлению страной весной 2005 г. новые власти Киргизии во главе с К. Бакиевым провозгласили позитивную программу развития общества. Предполагалось, с одной стороны, преодолеть семейственность, коррупцию и неэффективность, накопившиеся за 15 лет акаевского правления, а с другой – создать государственную систему, способную обеспечить достойную жизнь гражданам страны. В этой связи на фоне усиления разногласий между лидерами «тюльпановой революции» в 2006–2007 гг. в Киргизии трижды менялась конституция. В своей последней редакции она существенно расширила не столько прерогативы ставшего президентом К. Бакиева, сколько его независимость от системы сдержек и противовесов, характерных для развитых демократий.

Однако концентрация властных полномочий в руках президента не стала стартовой площадкой для конструктивных преобразований в Киргизии. Более миллиона ее жителей оказались в положении рабочих-мигрантов, причем, по оценкам специалистов, до 800 тыс. из них уже никогда не вернутся на родину. Продолжился исход русскоязычного населения, не были преодолены регионализация и криминализация общества. Усиливалась и зависимость от различных видов иностранной помощи, которая обостряла конкуренцию среди политических группировок киргизской элиты. Другими словами, социальная база режима К. Бакиева стала неуклонно сокращаться, а его «не полное служебное соответствие» становилось все более очевидным по мере консолидации основных сил оппозиции.

Власть начала срастаться с криминалом. Стало известно, что одним из основных финансовых спонсоров «тюльпановой революции» был депутат киргизского парламента Б. Эркинбаев – владелец Карасуйского рынка и крупнейший лидер уголовного мира на юге страны. Вторую сторону конфликта финансировал другой уголовный лидер – северянин, тоже владелец рынка (в Бишкеке) и тоже депутат парламента, Ж. Сурабалдиев. Именно он платил деньги «добровольцам», которые вначале противостояли демонстрантам у Дома правительства 24 марта 2005 г., а затем вечером спровоцировали погромы и мародерство в Бишкеке. Еще одним

организатором и спонсором тех событий называли третьего крупного преступного лидера – Р. Акматбаева, брат которого также был депутатом парламента.

Сам К. Бакиев, став президентом, не брезговал преступными методами в борьбе с оппозицией. Счет нераскрытых заказных убийств шел на десятки, отстреливались депутаты и журналисты, люди исчезали без следа. Параллельно стряпались заказные уголовные дела.

Насильственная смена власти А. Акаева не привела к демократизации страны. Хаос, царивший в киргизских городах в дни той «бархатной» революции, массовое мародерство и неспособность преодолеть структурные изменения цивилизованным путем не пошли на пользу бакиевцам и не прибавили им политического авторитета. Киргизский президент так и не сумел выполнить одно из ключевых требований и своих экс-соратников, и свое собственное в бытность оппозиционером – отойти от клановой системы управления страной.

Демократ К. Бакиев довольно быстро превратился в авторитарного правителя, активно избавляющегося от бывших соратников. На ключевые должности в государстве он назначал многочисленных братьев и родственников, а также лично преданных ему людей. В удержании власти он явно делал ставку на насилие. Но специфика киргизского общества, как и многих других государств Востока, состоит в их родоплеменном устройстве. С государственных постов не просто снимались политические оппоненты и конкуренты, а отстранялись от власти целые кланы.

В результате К. Бакиев утратил всяческую поддержку населения, которому при нем жилось гораздо хуже, чем при А. Акаеве. Возникла стандартная революционная ситуация, когда низы больше не хотели такой жизни, а верхи уже не могли ими управлять. Опыт «тюльпановой революции» марта 2005 г. оказался востребован. Но на этот раз стихийности не было, даже анархия оказалась хорошо организованной.

Таким образом, сценарий апрельского народного восстания 2010 г. был предопределен теми же факторами, что и события марта 2005 г., когда колонны протестующих пошли на штурм президентского дворца, чтобы свергнуть режим Аскара Акаева. Главные среди них – тяжелое социально-экономическое положение населения, глубоко укоренившиеся во всех эшелонах коррупция, семейственность и клановость, а также слабость центральной власти и органов правопорядка. Нельзя сбрасывать со счетов и возросшую

роль криминальных авторитетов, связанных с наркомафией, активно пользующихся в своих целях отсутствием эффективной системы государственного управления и утратой местной правящей элитой чувства реальности.

Сыграла свою роль и консолидация киргизской оппозиции, вступившая весной 2008 г. в активную фазу. Началось практическое объединение многочисленных киргизских НПО и правозащитных организаций с оппозиционными партиями, согласование единых кандидатов «теневого правительства».

Точкой «обратного отсчета» жизнеспособности режима К. Бакиева эксперты считают последнее полугодие 2008 г. Среди знаковых событий называют, в частности, насильственную смерть оппозиционных журналистов, интриги относительно статуса американской базы в Манасе, нецелевое расходование многомиллионного российского кредита, оказавшегося в распоряжении сына президента Максима, арест бывшего министра обороны И. Исакова и некоторые другие коррупционные скандалы. Росло недовольство беспардонностью бакиевской семьи, которая все активнее вторглась в исполнительную власть – реорганизация силовых структур, которые возглавили брат, сын и личный друг президента, приватизация крупных государственных предприятий, проведенная в пользу президентского клана, очередное изменение киргизской Конституции, позволяющее обходить принцип всенародных выборов главы государства.

Хотя внешне эти события вели, казалось бы, к укреплению властных позиций К. Бакиева, реальные общественные симпатии все больше оказывались на стороне его оппонентов, причем раздельительные линии между президентом и оппозицией лишили К. Бакиева поддержки не только северных, но во многом и южных областей, на которые он ранее опирался. Критическим, с точки зрения дискредитации деятельности президентской команды, стало многократное повышение отпускных цен на электроэнергию, ощутимо ухудшившее и без того сложное материальное положение населения. Этот шаг был предпринят, несмотря на заметное снижение Узбекистаном цен на поставки углеводородов, которые составляют основу ТЭК Киргизии.

В подобных условиях начало протестных выступлений становилось только вопросом конкретной даты и места, а дальше историческая динамика неизбежно несла киргизское общество за рамки конституционного управления и правового поля.

Ударной силой революции 2005 г. была криминализированная молодежь. Тогда мародерство и погромы, которые учинили в Бишкеке пьяные молодчики, сошли им с рук. То же повторилось и 6 апреля 2010 г., когда начались акции протеста на севере республики, в городе Таласе. Формальным поводом стал резкий рост тарифов на электричество и тепло. Однако очень быстро протестующие перешли от митингов к захвату административных зданий, штурму тюрем и следственных изоляторов. Как по команде, такие же народные волнения прокатились по другим городам. А вскоре в Бишкек направились колонны автобусов с разгоряченными молодыми людьми. В столице к ним присоединились местные гастарбайтеры – жители глубинки, приехавшие в столицу на заработки, а также жители бедных окраин. Главным элементом бунтующих орд снова, как и пять лет назад, стал местный криминалитет. В этот раз наученная прошлым опытом толпа сразу принялась штурмовать государственные учреждения.

Разграблению и поджогам подверглись здания парламента, генеральной прокуратуры, налоговой службы. Не удалось взять Дом правительства, МВД и штаб-квартиру спецслужб. Для подавления массовых беспорядков власть разрешила применить оружие. Появились убитые и раненые с обеих сторон. В руках восставших оказалось около 100 единиц трофеиного оружия. Пока одни штурмовали твердыни власти, другие разоряли «дворянские гнезда» – дома родственников К. Бакиева и членов его правительства. Под «раздачу» попал дипломатический квартал. После этого настал черед другого имущества «бакиевской банды» – магазинов, клубов, аптек и т.п. А потом стали грабить все торговые заведения подряд.

Грабители, мародеры и самозахватчики земель – маргинальные сельчане, умело направляемые криминальными лидерами, – восприняли свержение «второго хана» за последние пять лет как сигнал к вседозволенности. Ведь так легко чувствовать себя безнаказанным, когда зачинщики погромов 2005 г. практически ушли от уголовной ответственности. Так просто найти виноватого во всех бедах – русского дачника или турка-месхетинца. И так легко громить дома и магазины, когда милиция уже две недели не выходит на работу!

Армия старалась соблюдать нейтралитет, милиция в основном попряталась, а преданный К. Бакиеву армейский спецназ защищал только некоторые государственные здания. Вскоре армия объявила о переходе на сторону восставшего народа. Так же

поступили милиция и спецслужбы. Выяснилось, что К. Бакиев не имел поддержки даже среди силовиков. Как и пять лет назад, жители города принялись срочно организовывать дружины самообороны, чтобы спасти Бишкек от полного уничтожения.

Несмотря на очевидную потерю власти, президент К. Бакиев не обратился за помощью ни к народу, ни к дружественным иностранным государствам или международным организациям, а улетел в Ош, откуда перебрался в родной Джалал-Абад. При этом он отказывался уходить в отставку и покидать страну, требуя неприкосновенности для ближайших родственников и предлагая перенести столицу Киргизии в Ош или Джалал-Абад. 8 апреля победившая оппозиция создала Временное правительство во главе с Розой Отунбаевой. Оно столкнулось с серьезными проблемами – оказалось, что навести порядок на улицах Бишкека гораздо сложнее, чем взять власть в республике. Даже объявленный 9–10 апреля национальный траур не помешал мародерам продолжать грабежи. Обуздать криминальную стихию не удалось. Под шумок произошло несколько рейдерских захватов предприятий. Были попытки местных жителей захватить, разграбить или разгромить базы отдыха на озере Иссык-Куль. В районе Бишкека произошел массовый захват земель, в том числе заповедных, с поспешной закладкой фундаментов. Мародеры были уверены, что последует амнистия «революционерам» и все награбленное и захваченное достанется новым хозяевам.

Пассивная реакция властей привела к тому, что в ночь с 10 на 11 июня на юге республики (сначала в городе Ош, а потом и в других населенных пунктах) вспыхнула кровавая межэтническая резня между киргизами и узбеками. За последующие четыре дня беспорядков, по официальным данным, погибли 275 человек, 45 пропали без вести, а более 75 тыс. человек были вынуждены бежать в соседний Узбекистан. Неофициальные источники умножают все эти данные на десять, и они близки к истине. Город Ош практически сожжен, пострадали также Ошская и соседняя Джалал-Абадская области. Не вдаваясь в подробности первопричин этих событий, следует признать, что главной из них является низкая культура местного населения – укоренившееся ощущение бедности, безнаказанности, бессмыслицы и бесперспективности собственной жизни.

Кто и как будет управлять «постреволюционной» Киргизией? Сумеет ли в ней укорениться демократия, уже пережившая рецидивы авторитаризма? Наконец, с кем будет иметь дело меж-

дународное сообщество и какова должна быть позиция России? Эти вопросы имеют практический интерес, но дать на них четкие ответы пока не представляется возможным. Трудности в поиске ответов во многом связаны с рядом специфических особенностей структуры и функционирования национальной элиты, ее неоднородностью, разобщенностью по региональному признаку, высоким удельным весом криминалитета, взращенного наркотрафиком.

Усилившаяся в последние годы коммерциализация процесса формирования властной политической элиты и оппозиционной контрэлиты привела к тотальной криминализации общества, поощряя срашивание силовых структур с криминалом и ослабление государственной власти в целом.

Политические партии в Киргизии обладают весьма незначительным весом. Их наиболее слабым местом является отсутствие политico-идеологических доктрин в целом, а тем более каких-либо различий в программах. Процесс становления партийной системы находится на начальной стадии, а ведущие политические силы – пока лишь партии того или иного харизматического лидера.

Особенность победившей на этот раз киргизской оппозиции в том, что она не поднялась из народных низов, а была как бы «спущена» с властного Олимпа. Глава нынешнего Временного правительства Роза Отунбаева дважды была министром иностранных дел Киргизии при двух разных президентах. Практически все ее соратники – бывшие политические союзники Бакиева.

Происходящее сегодня в Киргизии мало похоже на радикальные революционные изменения, скорее это – очередное переформатирование межклановых отношений, сосредоточенное вокруг главной проблемы азиатского способа производства – «власть – собственность», когда власть не равна управлению, а представляет собой лишь способ личного обогащения. При этом за редким исключением большинство киргизских политиков представляют из себя амбициозных лидеров, отражающих не общенациональные или партийные интересы, а региональные, кланово-трайбалистские или просто семейные и/или даже просто личные корыстные и честолюбивые пристрастия. Полное отсутствие устоявшихся норм политической жизни сегодня позволяет значительному числу людей, относящих себя к киргизской политической элите, осуществлять попытки самореализации в качестве лидеров нации, но парадоксальность ситуации состоит в том, что такого рода желающих слишком уж много для небольшой нищей республики.

Временное правительство объединяет людей с разными взглядами и подходами, которые на предстоящих в октябре парламентских выборах едва ли будут выступать как единая команда. Каждый из новых руководителей использует свое пребывание во власти для решения будущих задач, что тормозит принятие срочных решений, необходимых для легитимации. Значительная часть высокопоставленных чиновников активнейшим образом включаются в процесс передела собственности. Этим пользуется криминал, который, очевидно, еще долгое время будет чувствовать себя вольготно, поскольку правоохранительные структуры (МВД, органы госбезопасности и др.) находятся в деморализованном состоянии. Силовики, многие из которых физически пострадали в результате недавних волнений, оставшись без моральной и материальной помощи, были фактически обвинены в преступлениях против народа и не скоро рискнут реально защищать действующую власть.

Очевидно, что нынешнее руководство республики оказалось совершенно не готово к подобному развитию событий. Ситуация безвластия в среднесрочной перспективе вполне может вернуться. Отсутствие положительных результатов в сфере борьбы с криминалом и издержками передела собственности на фоне ухудшившегося экономического положения порождает протестные настроения среди населения. Возможно, на короткое время новому правительству удастся достичь определенных успехов в сборе налогов, в том числе и за счет фактической экспроприации собственности клана Бакиевых, однако уже сейчас ясно, что волна криминала, рейдерских захватов, социально-политической нестабильности приведет к спаду деловой активности, к проблемам в промышленности и в без того небогатой республике.

Временное правительство не выдвигает (и не разрабатывает) новой позитивной программы экономических или социальных реформ. Все реформирование в основном сводится к чистке бакиевской элиты из управленческого аппарата. При этом из-за революционной ситуации, в ходе которой немало крестьян направилось в Бишкек для насилиственного изъятия земель, в стране засяяно не более трети посевных площадей, что грозит серьезными перебоями с продовольствием. Перспективы экономического кризиса усугубляются сохранением закрытых границ со стороны Узбекистана и Казахстана, что прервало трансграничную и приграничную торговлю. Вопросы «чем кормить страну» и «как улучшить социальную ситуацию» Временное правительство намерено оставить

будущему «легитимному правительству» на период «после октябряских выборов». Таким образом, помимо угрозы политического существует угроза экономического кризиса, усиленного слабым управлением.

Это, в свою очередь, способно привести к установлению в стране двоевластия, поскольку заявлен слишком длительный срок переходного периода до легитимных выборов (шесть месяцев – с 10 апреля до 10 октября 2010 г.). В указанный период Временное правительство формально не может принимать легитимных решений относительно глубоких реформ. Все решения будут оставаться «временными» до их подтверждения будущим правительством, парламентом и президентом. Новая Конституция предполагает заметное расширение власти парламента и серьезное сужение полномочий президента. Источником народовластия объявляется Народный Курултай (аналог всенародного собрания или референдума). Многие положения проекта конституции, имеющие принципиальное значение для определения ведущей политической партии, прописаны запутанно, поскольку являются компромиссными для всех «революционеров». Поэтому нельзя исключать, что превращение Киргизии в многопартийную парламентскую республику приведет к калейдоскопической смене правительств, партий и различных политических движений.

В условиях сегодняшней глобализации переворот в стране, находящейся на стыке интересов ведущих мировых держав, не может оставаться ее внутренним делом. Насильственная смена власти в Киргизии и последовавшие за этим кровавые события поставили под вопрос не только региональную стабильность, но и решение таких глобальных мировых проблем, как антитеррористическая операция в Афганистане. Не случайно, что события в Бишкеке незамедлительно стали темой обсуждения президентов США, России и Казахстана.

Неожиданное трусливое бегство К. Бакиева из Бишкека в Минск вызвало серьезную озабоченность ближайших соседей. Казахстан и Узбекистан немедленно перекрыли границы, усилили пограничный режим китайцы, протяженность границы которых с Киргизией превышает 800 км. Забеспокоился и Таджикистан. США отменили намеченные ранее на 8 апреля двусторонние дипломатические консультации с Киргизией и временно приостановили использование своей военной базы в Манасе. Президент США Б. Обама, встретившись в начале апреля с президентом Ка-

захстана Н. Назарбаевым, просил его как действующего председателя ОБСЕ принять меры к прекращению кровопролития.

Наиболее четкую позицию заняла Россия. Президент Д. Медведев отметил, что киргизские события свидетельствуют о накопившемся у граждан недовольстве действующей властью, подчеркнув, что переворот является внутренним делом Киргизии. 14 апреля правительство России приняло решение предоставить гуманитарную помощь Бишкеку в виде гранта в размере 20 млн. долл. и льготного кредита в объеме 30 млн. долл., а также 20 тыс. т дизельного топлива и бензина и 1,5 тыс. т семян по льготным ценам для проведения весеннего сева. Решено также существенно увеличить импорт киргизских овощей и фруктов. Для Бишкека это немаловажно, поскольку ежегодно республика поставляет в Россию фруктов и овощей на 200 млн. долл.

Одновременно российское руководство высказало свою официальную оценку происходящих в Бишкеке событий. Как заявил Д. Медведев 16 апреля, «крах действующей политической системы в Киргизии, того режима, который находился у власти, связан именно с тем, что ему не удалось решить сложные вопросы социально-экономического плана, и, с другой стороны, то, что было создано, очень напоминало предыдущую систему управления. Систему, которая была основана на клановости, семейственности, дележке бизнеса и которая не очень сильно занималась другими проблемами». При этом российский президент особо подчеркнул, что «такой сценарий может повториться где угодно в тот момент, когда власти теряют контакт с народом».

Несмотря на то что во всех высказываниях российских политиков по поводу волнений в Киргизии доминировало пожелание мирного исхода событий, нашлись все же отдельные эксперты (как в натовских государствах, так и в некоторых странах СНГ), намекавшие на некий «злой умысел Кремля», способствовавшего якобы апрельскому перевороту. Полностью отвергая подобные утверждения как необоснованные и клеветнические, следует все же признать, что в 2009–2010 гг. российско-киргизские отношения развивались неровно.

В экономической области у России появились серьезные претензии к руководству Киргизии по поводу нецелевого использования двух кредитов в размере 450 млн. долл., предоставленных весной 2009 г., которые киргизская сторона направила на создание инвестиционного фонда, предназначенного для кредитования коммерческих проектов, реализуемых семейством К. Бакиева.

Обещанный ранее дополнительный кредит в размере 1,7 млрд. долл. для завершения строительства Камбаратинской ГЭС-1 «завис». Попытки разрешить противоречия в финансовой области, предпринятые в феврале 2010 г. на 11-м заседании Межправительственной Российско-киргизской комиссии по торгово-экономическому, научно-техническому и гуманитарному сотрудничеству, успеха не имели.

В итоге переговоров была подписана программа экономического сотрудничества на 2010–2013 гг., предусматривающая около 60 совместных мероприятий в сфере торгово-экономического, научно-технического и гуманитарного сотрудничества. В частности, Россия и Киргизия договорились развивать сотрудничество в нефтегазовой отрасли, создав совместное предприятие путем продажи части акций ОАО «Киргизгаз» «Газпрому», а также активизировать до конца 2011 г. реализацию программы геологического изучения недр на площадях «Кугарт» и «Восточное Майлису IV». Однако главная цель – получение кредита на строительство Камбаратинской ГЭС-1 – достигнута не была. В качестве причины российская сторона выдвинула необходимость технико-экономического обоснования строительства и проведения экспертизы проекта Всемирным банком. Россия также предъявила Киргизии претензии за незаконный реэкспорт нефтепродуктов общим объемом 370 тыс. т, которые она поставляла на льготных условиях. Объемы реэкспорта топлива в 2009 г. достигли 298 тыс. т, бензина – 9 тыс., дизеля – 47 тыс., топливного мазута – 15 тыс. т. И это при остром дефиците топочного мазута, который в то время испытывала Бишкекская ТЭЦ. Поэтому с 1 апреля 2010 г. Россия применила к Киргизии общие для всех экспортёров таможенные пошлины в 193,5 долл. за тонну и полностью прекратила поставки горючесмазочных материалов.

В сфере военно-политического сотрудничества двусторонние отношения складывались также непросто. Среди наиболее острых «раздражителей» – двурушничество К. Бакиева в вопросе о «закрытии-открытии» американской базы ВВС в Манасе, создание учебного центра на юге республики, в Баткенской области, финансировать который попеременно приглашались то россияне, то американцы, а также судьба совместного российско-киргизского военного предприятия на озере Иссык-Куль по производству торпед.

Одной из наиболее острых проблем, которую обе стороны стараются не выпячивать на передний план, является растущий

наркотрафик из Киргизии. Из десяти наиболее известных наркополиции маршрутов транспортировки афганского героина шесть проходят через киргизский город Ош. Примечателен такой факт – 1 апреля 2010 г. сотрудники МВД Киргизии в ходе спецоперации в городе Ош задержали более 160 упаковок гашиша афганского производства (около 107,8 кг) и 24,4 кг героина, а меньше чем через неделю, в ночь с 6 на 7 апреля, в Киргизии вспыхнула «революция».

В отношениях со своими ближними и дальними соседями Киргизия стремилась (и, очевидно, будет стремиться) проводить многовекторную внешнюю политику. Выгоды подобного курса очевидны – многовекторность приносит ощутимые материальные результаты, позволяя мобилизовать различные иностранные гранты, льготные кредиты, привлекать инвестиции. Однако сохранять баланс интересов не всем удается – пример тому К. Бакиев. Его непоследовательность при заключении соглашения с США о Центре транзитных перевозок в аэропорту «Манас», попытки разыграть «конкурентный сценарий» взаимодействия между США, Россией и Китаем по ряду не только тактических, но и стратегических вопросов успеха не имели. Негативный резонанс получило, например, предложение, сделанное им в январе 2010 г. китайской стороне, стать партнером в приоритетных гидроэнергетических проектах, под которые ранее были получены российские кредиты, почву для тревожных комментариев создали и просочившиеся в СМИ сведения об американских планах открытия тренировочного контртеррористического центра.

Многовекторность, несомненно, останется важнейшим приоритетом внешней политики нового киргизского руководства. Одним из знаковых шагов в этом плане стало решение Временного правительства об автоматическом продлении договора о нахождении базы «Манас» в стране еще на год. Подтверждены другие международные обязательства Киргизии. В целом в отношении событий в Киргизии между ближними и дальними ее соседями быстро сложился международный консенсус, который оказался не в пользу К. Бакиева. Попытки извлечь личную выгоду из многовекторной внешней политики и под ее прикрытием превратить страну в феодальную вотчину потерпели поражение.

Очевидно, что новому руководству республики стоило бы учесть уроки своих предшественников. Это касается как внутренней, так и внешней политики – ведь, как известно, служба некоторым господам одновременно не доводила до добра ни одного

из киргизских лидеров. Разумеется, выбор за киргизской стороной. Однако на данном этапе самым верным союзником Киргизии оказалась Россия, отказавшаяся вмешиваться в ее внутренние дела, но оказавшая ей незамедлительную материальную помощь.

Поэтому логичным для нового руководства страны был бы выбор действительно стратегического союза с Россией, страной, с которой ее связывает богатое прошлое, страной, которая не в теории, а на практике помогает не отдельным элитным группировкам, а непосредственно киргизскому народу. 12 июня 2010 г. Временное правительство Киргизии обратилось к России с официальной просьбой ввести миротворцев, чтобы как можно быстрее прекратить этнические столкновения на юге страны. Российские власти ответили на эту просьбу отказом, назвав происходящее внутренним делом Киргизии. 14 июня 2010 г. секретари Советов безопасности государств ОДКБ приняли решение оказать помощь Киргизии – предоставить авиацию, технику, военный транспорт, спецсредства. Однако в поставках оружия и посылке миротворцев ей было отказано. Подобная реакция государств ОДКБ не случайна – в совместном заявлении глав государств ОДКБ от 8 мая 2010 г. констатируется неконституционный характер смены власти в Киргизии, что вызвало в Бишкеке острую, болезненную реакцию, причем не столько со стороны Временного правительства, которое реалистично признает внеконституционный характер «восстания», сколько со стороны интеллигенции.

Как нам представляется, осторожная реакция России связана не только с отсутствием международной легитимации нового правительства, но и со сложившимся в постсоветский период фактическим разделением «соседской ответственности» Казахстана за Север Киргизии, а Узбекистана за Юг страны. Для Казахстана приоритетом является защита прав казахстанских собственников в экономической инфраструктуре страны и их территориального выражения в районе Иссык-Куля, для Узбекистана приоритетны права этнических узбеков и безопасность Ферганской долины. Игнорировать эти интересы нельзя.

Не стоит, видимо, забывать и прежние высокомерные декларации временного президента Киргизии Розы Отунбаевой о недемократичной и имперской России, к которой она теперь за гранью выживания собственного государства, уничтоженного «клановой демократией», обращается за военной помощью, не беспокоясь о национальном суверенитете.

Все это требует от российской стороны повышенной осторожности как в публичных оценках, так и в конкретных действиях.

Первостепенную важность приобретает подтверждение принятых ранее Бишкеком договорно-правовых обязательств. Особенно в том, что касается позиций русского языка, защиты прав и интересов российских соотечественников. Важное значение будет иметь и подписание ранее согласованных договоренностей о военном сотрудничестве и государственных гарантиях российскому бизнесу. В условиях нынешнего киргизского хаоса России особенно важно детально обсуждать и четко фиксировать обязательства за каждый миллион финансовой помощи и каждую тонну гуманитарных грузов. Их неразрывная, «пакетная» связь должна быть очевидна каждому временному и каждому постоянному правительству Киргизии.

Что касается позиции российской стороны в отношении существующих на территории Киргизии американских военных объектов, то она скорее всего будет базироваться на понимании важности совместного с США решения задач в борьбе с международным терроризмом. Тем более что Россия выступает за конструктивное сотрудничество ОДКБ и НАТО, полагая, что оно в итоге пошло бы на пользу региональной стабильности.

«Вестник аналитики», М., 2010 г., № 3, с. 66–73.

О. Хушкадамова,

востоковед

ЖЕНЩИНЫ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ ТАДЖИКИСТАНА

На IV Всемирной конференции ООН по проблемам женщин (Пекин, 1995) была одобрена новая концепция комплексного подхода и Программа действий, которая была принята по завершении работы Конференции. Пекинская платформа действий (1995) дала определение гендерной проблемы – равенство мужчин и женщин во всех сферах жизни и деятельности. Основные положения: 1. Равенство прав. 2. Равенство ответственности. 3. Равенство возможностей. 4. Равнопартнерские отношения мужчин и женщин. После Пекинской конференции в странах СНГ начались разработка и осуществление гендерной политики.

В Таджикистане в отличие от других стран – членов Содружества параллельно с приобретением независимости началось

гражданское противостояние, которое, как это ни парадоксально, ухудшило в первую очередь положение женщин, т.е. сошли на нет те возможности, которые были приобретены в области прав женщин еще в советские времена. По данным Всеобщей переписи населения 1989 г., в Таджикской ССР женщины занимали 25,8% руководящих должностей. Женщины в советские времена на высшем уровне в республике традиционно работали министрами соцобеспечения и здравоохранения, еще курировали идеологическую сферу в партийных структурах вплоть до вышестоящего органа. В 1989 г. женщины составляли среди руководителей отделов кадров и канцелярий 70,7%, детских домов и дошкольных учреждений – 94,5, заведующих библиотеками – 62,3, но среди руководителей предприятий и организаций базовых отраслей всего – 17,1%. Но период гласности и демократизации, приведший в том числе к упразднению квот, понизил статус женщины в обществе. Это ярко показали результаты первых относительно свободных выборов в Таджикистане в 1989–1990 гг. Среди 230 депутатов Верховного Совета республики 12-го созыва было всего девять женщин, или 3,9%.

В начале 90-х годов в стране параллельно с приобретением независимости началась гражданская война и на повестку дня были поставлены вопросы, характерные для всех войн независимо от географии. И, следовательно, было не до женщин и собственно их положения, тем более их роли в политических процессах и в системе управления. Хотя на митингах, предшествующих политическому противостоянию, среди участников были и женщины. И на войне среди униженных и убитых оказались представительницы слабого пола. И от войны пострадали женщины. Конечно, эта ситуация не могла не повлиять на их участие в принятии решений на всех уровнях. На выборах 1995 г. доля женщин упала уже до 2,8% в парламенте и 8,7% в местных представительных органах власти.

Дискриминация была явная и в органах исполнительной власти. В этом же году всего 3,3% женщин было среди первых лиц, их заместители из числа женщин составляли 5,0 и 19,4% среди руководителей структурных подразделений. Всего в двух городах из 68 председателями были женщины. Даже те должности, которые традиционно были женскими, такие как зампреды исполнкомов по социально-культурным вопросам, перешли к мужчинам.

В 1999 г. Республика Таджикистан ратифицировала Конвенцию «О политических правах женщин», Международный пакт по гражданским и политическим правам. Впервые термин «гендер»

был применен в правительственные актах в сентябре 1998 г. при утверждении Национального плана действий Республики Таджикистан по повышению роли и статуса женщин на 1998–2005 гг. Этот документ предусматривал, в частности, формирование резерва кадров для выдвижения в структуры управления на гендерной основе.

Указом президента «О повышении роли женщин в обществе» от 3 декабря 1999 г. была предусмотрена квота для женщин на должность заместителей руководителей государственных органов, организаций, учреждений и предприятий, территорий. Этот указ дал толчок увеличению количества женщин в системе управления. Если до него в двух хукуматах (администрациях) председателями были женщины, то теперь их количество возросло до восьми. К 2005 г. в руководящем составе органов госуправления было 15,5% женщин, в министерствах и госкомитетах – 7,3, в руководящем составе администрации Президента РТ – 12,3, в органах при президенте и правительстве – 10,6%. Заметно возросло женское представительство в составе территориальных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления в поселках и селах. В четырех городах и районах, в 26,9% сел (джамоатах) председателями были женщины. Отметились позитивные тенденции роста количества женщин среди заместителей председателей городов и районов – до 27,4%.

Однако, как показывает наш анализ, в основном низшие и средние звенья были подкреплены женщинами: 20% – начальники отделов и управлений в министерствах и ведомствах, 40% – в отдельных госорганах. В парламенте страны одна женщина была заместителем председателя Маджлиси Намояндагон (нижняя палата) и две возглавляли комитеты; в составе правительства была одна женщина; среди первых руководителей центральных органов управления – три; председателей городов и районов – четыре; председателей судов – пять. Эта пирамида управления наблюдалась и на местном уровне, но количество женщин было больше: 49,5% – среди заместителей председателей джамоатов, 35,7 – среди заместителей руководителей подразделений аппаратов председателей городов и районов, 35,2% – среди заместителей председателей городов и районов. Если до перехода на рыночную экономику должности директоров школ и главврачей были женскими, то теперь их стало мало среди этих традиционных номенклатур. По данным 2005 г. их было 15,6 и 26,3% соответственно. Среди руководителей хозяйств – 3,4%, администрации председате-

лей – 4,4 и предприятия – 4,6%. Доля работающих женщин составляла от 30 до 70%.

Сопоставительный анализ данных выборов в парламент страны 1995 и 2000 гг. показал, что ситуация в отношении женщин изменилась. На выборах 2000 г. участвовало в три раза больше женщин, чем на предыдущих, хотя число женщин-кандидатов было в десять раз меньше, чем мужчин-кандидатов. Из 287 кандидатов, выдвинувших свои кандидатуры по одномандатным округам, 29 составили женщины. Это чуть более 10% всех самовыдвиженцев. Мандат кандидата достался только 22 женщинам из 214 кандидатов, что также составляет 10% от общего числа кандидатов. Женщины были избраны депутатами в 4 из 41 одномандатного округа. Это также равно 10%. Выборы 2000 г. еще отличались тем, что успеха достигли женщины, которые были выдвинуты политическими партиями. Следует отметить, что как в 70-х, так и в 90-х годах и в самых крупных, и в средних странах устоявшейся демократии представительство женщин в парламентах на основе избирательной системы по партийному типу, т.е. пропорционального представительства, было всюду выше, чем в тех странах, где преобладающий тип избирательной системы был одномандатным (мажоритарным). Семь независимых женщин-кандидатов на выборах в 2000 г. не получили поддержки ни от одной из шести партий. Но эксперты не видят в этом дискриминацию по признаку пола. Среди мужчин-кандидатов аналогичный показатель.

Эти примеры вхождения женщин в мир большой политики связаны с тем, что после подписания мирного соглашения ситуация в стране стабилизировалась и женщины активно участвовали в выборах в 2000 г. Следует привести такие любопытные данные. В 1988 г. в странах мира наблюдалось рекордное число женщин-парламентариев – 14,8%. Однако предпоследние парламентские выборы в Таджикистане и уже новые выборы в 2005 г. показали, что партии не предоставляют мужчинам и женщинам равные шансы, женщин почти нет в руководящих партийных органах, как нет в этих партиях и специальных программах продвижения женщин во властные структуры. И подход к распределению порядка мест в партийных списках дискриминационный – женщины занимают не первые места, женщинам не дают возможности быть равными с мужчинами.

Приход женщины во власть создает условия для улучшения положения женщин, повышения их статуса в обществе в целом. Реализации этой азбучной истины и ее пониманию со стороны

женщин мешали стереотипы в отношении политиков из их числа. Убедить женский избирательный округ в том, что настали другие времена и теперь прекрасная половина, попадая во власть, поможет решать собственно их вопросы, не было возможным. И женщины-депутаты, пройдя этот тернистый путь в парламент, убеждаются в этом. Так, одна из женщин – депутатов Маджлиси Оли считает, что количество женщин-парламентариев на следующих выборах дойдет до 15 человек (ныне в нижнем парламенте страны 11 женщин. – *O. X.*). Но для этого, по ее мнению, прежде всего женщинам нужно объединиться, поддержать и понять друг друга при любых обстоятельствах.

В переходный период активизировалась работа общественных неправительственных организаций (НПО), в которых в основном работают женщины. Работа НПО в стране в первые годы независимости отличалась от их деятельности в других государствах Центральной Азии. Первый период их работы преследовал оперативную цель: восстановление разрушенных домов, помочь беженцам, оказание поддержки детям-сиротам, семьям, потерявшим кормильцев во время вооруженного конфликта. В 1995 г. в Таджикистане было всего три подобные организации, в 1998 г. – 54, в 2000 г. – 73, в 2005 г. – 152. Эти данные говорят о количественном росте НПО. Но вслед за ним начались качественные изменения в деятельности женских неправительственных организаций. Первые годы им было присуще сотрудничество по вертикальному принципу: донор – НПО – целевая группа. Со временем стал приоритетным горизонтальный принцип: проведение круглых столов, конференций, семинаров, корпоративных проектов. В настоящее время количество женских НПО составляет 15 213.

С начала 2000 г. неправительственные организации начали объединяться в коалиции для лоббирования своих интересов, в частности по увеличению представительства женщин в органах власти, как назначаемых, так и выборных. Хотя НПО не занимаются политической деятельностью, они, реализуя свою долгосрочную цель – оказание защиты гражданских и политических прав, гражданское и правовое образование, воспитание женщин-лидеров, их социализация, – тем самым предоставляют женщинам возможность реализовать себя, т.е. способствуют их вовлечению в политику. Тем временем сотрудничество власти и гражданского общества в лице женских и международных организаций привело к позитивным тенденциям. Так, в Маджлиси Намояндагон в феврале 2005 г. были избраны 11 женщин (из 63 депутатов), что со-

ставило 17,5% от общего числа. В Маджлиси Милли (Верхняя палата парламента) 4 женщины из 34 депутатов (12,1%), в местных маджлисах – 11,5%. По данным ООН, только когда среди депутатов парламента женщины составляют не менее 20%, в нем разрабатываются законы в интересах детей, т.е. будущего нации, страны.

Представительство женщин в других структурах власти примерно соответствует средним мировым показателям: в 2006 г. на ответственных государственных должностях – более 15%, среди госслужащих – 24%. Женщины как руководители сконцентрированы в низшем и среднем звеньях управления. На должностях начальников отделов и управлений в министерствах и ведомствах их в среднем 20%. В высших эшелонах власти – одна женщина на должности заместителя председателя Маджлиси Намояндагон и две возглавляют комитеты. В составе действующего правительства страны на должности вице-премьера – одна женщина. Больше всего женщин участвует в принятии решений на местном уровне и в районных администрациях. Здесь представительство женщин выше, чем в высших органах власти: среди заместителей джамоатов – 43%, заместителей председателей городов, районов – 34, глав городов и районов – всего 9%.

В повышении статуса женщин многое зависит от них самих, от их личного участия в своем позиционировании, их вклада в поднятие их же имиджа, образа. К слову, в СМИ страны очень редко появляются публикации о женских НПО или международных организациях, занимающихся проблемами женщин, хотя их количество возрастает из года в год. Яркой иллюстрацией этого тезиса может стать статья «Гендер. Патриархат... и безответчица». Несколько человек мужского пола по просьбе корреспондентов газеты «Миллат» («Нация») ведут разговор о гендерной проблематике в Таджикистане. Эксперты, занимающиеся женскими проблемами в разных НПО, по мнению авторов, отказались участвовать в дискуссии. Суммировать их высказывания-опасения можно следующим образом: общество должно остаться патриархальным, так оно является основой нашей культуры; все НПО больше поднимают вопросы феминизма, нежели гендера; НПО работают только из-за гранта. Хотя мужчины согласны с тем, что женщина сегодня стала кормилицей, но смотрят на это как на вынужденный временный фактор.

Словом, издание считает, что НПО, СМИ и другие структуры, занимающиеся гендерными проблемами, варятся в собствен-

ном соку. Возможно, международные организации еще не на должном уровне готовят журналистов, пишущих на гендерную тематику. Иначе как объяснить, что журналистка в интервью задает депутату вопрос примерно такого содержания: почему женщины становятся депутатами не через одномандатные округа, т.е. независимо, а через партийные списки? А ведь мировой опыт наглядно показывает, какие факторы способствовали общему увеличению женского представительства в высшем эшелоне законодательной ветви власти в странах «устоявшейся» демократии: наличие осознанной политической воли, которая выражается в том, что в качестве приоритета партийной политики выдвигается цель увеличения количества женщин-кандидатов в парламентах, избираемых по пропорциональной избирательной системе (политическая партийная квота); наличие законов, требующих, чтобы соотношение полов в списках кандидатов от партий соответствовало соотношению полов в стране; изменение избирательной системы с одномандатного (мажоритарного) на пропорциональное представительство. Вот над чем нужно поразмышлять женскому движению, политикам и журналистам, занимающимися гендерным аспектом в политике и управлении, ведь женщины составляют 49,8% населения страны.

А пока, согласно сообщению председателя Комитета по делам женщин и семьи при Правительстве Республики Таджикистан, 612 женщин занимают руководящие посты в органах государственной власти различных уровней. «Очень много женщин являются руководителями различных учреждений, главврачами больниц, директорами учебных заведений, руководителями общественных объединений». В республике начиная с 2008 г. реализуется Государственная программа «Воспитание, подбор и размещение руководящих кадров из числа способных женщин и девушек на 2007–2016 гг.».

«Ломоносовские чтения: Востоковедение»,
M., 2010 г., апрель, с. 199–206.

Р. Рахимов,
исламовед

СВОЕОБРАЗИЕ ИСЛАМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В статье рассматривается достаточно узкая тема, за которой, однако, скрывается обширная проблема центральноазиатского ис-

лама. Цель исследования – основываясь на некоторых данных, характеризующих реалии культуры и элементы религиозной практики оседлого населения Центральной Азии, – передать своеобразие местного ислама.

Вопрос заключается в том, насколько правомерна постановка проблемы центральноазиатского ислама как регионального выражения этого религиозного учения. Статья основывается на данных, собранных мною в процессе полевых исследований в районах древней оседло-земледельческой культуры в Центральной Азии. Разбор сюжетов представляет определенную трудность, главным образом из-за того, что его анализ продолжает оставаться вне поля зрения исследователей.

Данные, которыми я оперирую, иллюстрируют отношение к огню в культуре таджиков. Также затрагивается культ святых и связанный с ним институт паломничества в религиозной практике таджиков. Опыт изучения проблемы огня в культуре автохтонного ираноязычного населения Центральной Азии, неотъемлемой частью которого являются таджики, показывает, насколько хорошо исследователи информированы о внешней стороне использования этой стихии в быту и как мало нам известно о системе взглядов и убеждений, определяющих отношение к этому природному элементу. При исследовании отношения населения к этой стихии мироздания, некогда служившей объектом культа предков современных ираноязычных народов, обнаруживается, что не все было утрачено в результате процессов, неоднократно изменявших картину их мира.

Накопленный материал показывает, что огонь как эпицентр события и способ эмоционального переживания представлен практически во всех обрядах жизненного цикла таджиков, не только проявляя себя как необходимый элемент, но и передавая смысл церемоний. Так, обряд обведения молодоженов вокруг пламенеющего костра венчает цикл свадебно-брачных церемоний местного населения. Открытый огонь, очаг семейного огня или произведенный от огня дым, а также светильники присутствуют в обрядах материнства и детства, выступая как осознанное средство традиционной этнотерапии.

В сельской местности и в настоящее время эту стихию природы оберегают от осквернения, соприкосновения с мертвчиной, в частности с мертвым телом члена семьи: с угасанием жизни «угасает» и огонь в семейном очаге. В течение первых трех дней после смерти человека огонь в доме не зажигают. Такое отноше-

ние к огню породило исчезнувшую относительно недавно практику перенесения обреченного на смерть больного в специальное общественное помещение, где его оставляли до наступления смерти. После смерти и выполнения необходимых очистительных процедур в специально отведенном и соответственным образом приспособленном месте (обычно на берегу небольшого стока воды, под открытым небом) тело умершего предавали земле на кладбище. Эта практика позволяла не гасить огонь в очаге. В настоящее время, когда член семьи умирает дома, огонь гасят с той же целью – ограждения его от осквернения мертвым телом.

Проанализировав проявления почтительного отношения современных таджиков к огненной стихии, отметим, что свечи (или лучины) являются неотъемлемой частью поминальной обрядности местного населения. У исмаилитов Западного Памира существует приуроченный к поминальному обряду, проводимому на третий день после погребения умершего, трогательный обряд, заключающийся в воспевании в стихах пламени лучин. Огонь, зажженные свечи или обычай окуривания занимают важное место в целительных обрядах или знахарских ритуалах вторника и среды с целью, как считается, нейтрализации негативных аспектов этих дней недели. Свечи (или лучины) широко используются в практике паломничества и поклонения святым местам – мазарам, ассоциирующимся с мусульманскими хазратами (святыми) или с другими святыми объектами.

Устойчивость, которую демонстрируют фиксируемые элементы благоговейного отношения к огненной стихии в условиях Нового времени, прослеживается в существовании архитектурно оформленных святилищ огня, именуемых *чирог-хона/чирог-дон*, т.е. «помещение для лучин/свечей». Подобные объекты являются интегрированной частью некоторых мазаров мусульманских святых в Бухаре, определенные их формы (в виде специальных ниш) имеются в Самарканде.

Одна из форм святилищ огня на пути, ведущем к центральному объекту культа – святыне Хазрат Зудмурод (в Бухаре), будучи неотъемлемой частью почитаемого комплекса, представляет собой стройное полуподземное купольное строение цилиндрической формы из красного кирпича. Сводчатые ниши для зажигания ритуальных лучин или свечей устроены в стене святыни, во внутреннее пространство которой можно попасть, пройдя по вымощенной красным кирпичом просторной площадке и спустившись по ступеням. В *чирог-хоне* полумрак даже в ясный день. Свет через

узкую входную дверцу едва освещает лишь нишу, которая находится напротив входа, все остальное остается во тьме. Несложно представить картину, когда верующий, спускаясь по лестнице, проходит через дверной проем, загораживая при этом собой естественный свет. Тогда внутреннее пространство святилища оказывается полностью погруженным во мрак. Картина меняется, когда в нише-жертвеннике в темноте зажигаются ритуальные свечи как жертва Богу и душам предков паломника, их пламя обретает для него мистический смысл, превращаясь из рукотворного огня в некую силу, возносящую молитву верующего в небесную обитель предков.

Другое святилище огня является неотъемлемой частью мазара Чор Бакр, т.е. «четырех святителей», в Бухаре. Оно представляет собой небольшой в диаметре глухой надземный цилиндр (в виде минарета) с куполом, органически вписывающимся в купольный ансамбль. Ниша для зажигания свечей устроена в стене цилиндра.

В исследованиях (О.А. Сухарева, Е.Г. Некрасова) сообщается также о святыне, именуемой Ходжа Рушной (букв. «святой / господин свет»). Название этой святыни – замечательный пример персонификации света. Известно и то, что в Бухаре на мазаре легендарного героя Сийавуша (в зороастрийских списках – Съяваршан) до недавнего времени постоянно горел светильник.

Имеются также примеры существования в Центральной Азии святынь из жженого кирпича или мрамора, предназначенных для возжигания огня у могил мусульманских святых. По мнению специалистов, мраморные *чирог-доны* XVI–XIX вв., сохранившиеся на ряде бухарских мазаров, повторяют конструкции древнеиранских храмов огня, поддерживая, таким образом, дух доисламской религиозной практики предков современных таджиков. Исследователи (Е.Г. Некрасова, Б.М. Бабаджанов) отмечают, что эти святилища напоминают однокамерные мавзолеи с гипертрофированными куполами, порталами, со сводчатыми нишами, в которых и возжигались обернутые ватой лучины (*тилик*) или восковые свечи, для чего в конструкции выдалбливались особые отверстия.

Изложенные данные позволяют говорить о существовании выразительных форм почитания огня у современных таджиков. Подобное, подчас эмоциональное, отношение к этому явлению порождает проблему, которую, на мой взгляд, нельзя оставить без внимания. Дело в том, что подобное отношение к огню не только не совпадает с образцами, существующими в устных преданиях

местного населения, но и явно расходится с ними. В рассказах, повествующих об огненной стихии, отражены представления о ней как о творении *джиннов*. Как известно, в мусульманской мифологии *джинны* составляют воинство низвергнутого с небес огненного Иблиса. По Корану, *джинны* были сотворены из огня. Одного этого факта достаточно, чтобы представить негативное отношение к огню в учении Пророка Мухаммада. В Коране сказано: «И гeniev Мы сотворили раньше из огня знойного». Причем они были созданы из бездымного огня; их тела воздушные или огненные.

В ткань коранических рассказов вплетены представления, из которых явствует, что этот элемент природы связан с мифологемой мусульманского ада (*джаханнам, ан-нар*). Огненная стихия, которой, по зороастризму, залит весь Космос, в исламе заперта в *джаханнаме*. К нему представлен страж (*малик*). Одно из названий ада в исламе – арабское слово, значение которого – огонь, пламя, в котором, как и в других религиях, будут гореть его жертвы. Это слово практически всегда выступает синонимом адского пламени (ср. русское выражение «геенна огненная»). Коранический рассказ повествует о том, что жены пророков Нуха и Лута упорствовали в своих заблуждениях, за что «им было велено войти в Огонь» и т.д.

Как видно, сложилась парадоксальная ситуация, когда в культуре современных таджиков элементы культа огня находятся в центре церемоний, несмотря на демонизацию образа этого блага в Священном Писании мусульман. Иначе говоря, в среде оседлого населения Центральной Азии устоявшимся объектом трепетного отношения выступает то, что в учении Пророка Мухаммада является творением демонов или субстанцией, из которой демоны были сотворены. Можно было ожидать, что негативный образ огня, сложившийся в исламе, который народы Центральной Азии исповедуют с VIII в. как религию, пришедшую на смену зороастризму с его развитым культом огня, должен был навеки исключить использование этого элемента природы в обрядности, упразднив, таким образом, подобное святотатство. В действительности же этого не происходит. Более того, в наблюдаемых примерах почитания огня проявляются черты гармонизации отношений между местным исламом и элементами культа огня как наследия религии, на смену которой пришел ислам.

Пытаясь разобраться в таком парадоксе, я обнаружил, что сама исламская концепция огня характеризуется двойственностью. Коранические тексты содержат представления об огне как символе адских мук и в некоторых случаях как благословенной стихии од-

новременно. Положительный образ огня отражен, в частности, в восходящих к библейским преданиям о благодатном огне, через который Бог проявил себя кораническому персонажу Мусе (библ. Моисей) на горе Синай. В коранических текстах, а также в исламском мистицизме (это ощущимо и в философских концепциях ислама) свет как одна из функций огня признается не только атрибутом, но и сущностью Бога-Творца. В принципе позитивная интерпретация огня в исламе не слишком далеко отстоит от убеждений и воззрений древних иранцев, избравших эту стихию символом своей веры. Так, в одном из *айатов* читаем: «Аллах – свет небес и земли. Его свет – точно ниша; в ней светильник; светильник в стеклянном сосуде; стеклянный сосуд – точно жемчужная звезда. Зажигается он от дерева благословенного – маслины, ни восточной, ни западной. Масло ее готово воспламениться, хотя бы его и не коснулся огонь. Свет на свете!» В упоминаемом в этом *айате* сюжете о маслине, масло которой воспламеняется без прикосновения к нему огня, легко угадывается чудо нисхождения благодатного огня в Великую субботу в храме Гроба Господня в христианстве, где, между прочим, с субстанцией огня связана и идея кары грешников на том свете.

Феномен двойственности концепций в религии является собой пример того, как устойчивые элементы некогда существовавших верований находят нишу в недрах господствующей религии. Как кажется, из той же противоречивой концепции огня в коранических текстах происходят и интересующие нас проявления почтительного отношения таджиков к огню. Представляется, что сводить своеобразие центральноазиатского ислама к противоречиям, существующим по отношению к огню в Коране и в недрах народной культуры, было бы упрощением. Дело в том, что при такой интерпретации остается ощущение не до конца разгаданной тайны. Причина тому – признаки определенной системности в отношении к огню как к чудесному явлению, существующему в *другом* плане.

Поиски путей понимания чудесного подводят к границе, за которой, помимо прочего, скрыты истоки причин несовпадения концепций почитания огня у современных таджиков и в религии, официально ими исповедуемой. Следуя по этому пути, мы оказываемся в мире, доминирующим принципом бытия которого является относительная непроницаемость к «ветрам» перемен, не единожды проносившимся по просторам Центральной Азии.

Речь идет о традиционном женском укладе на Востоке. Проанализировав его, мы увидим особенности собственно женской картины мира, что, как в системе традиционной семейной обрядности (исключая обычай исмаилитов Западного Памира), так в реликтовых святилищах огня, чистейшим элементом природы оперируют исключительно женщины. Так, упоминавшиеся *чирог-доны* являлись культовыми объектами, которые еще совсем недавно могли посещать исключительно женщины, а мужчины не переступали за порог святилища. Данные научной литературы это подтверждают (Е.Г. Некрасова). Следовательно, о *чирог-донах* можно говорить как о собственно феминных объектах культа. Это положение подтверждается и тем фактом, что сохранившиеся святилища находились под присмотром пожилых женщин, которые руководят ритуалами их посещения. Предназначение *чирог-донов* служить исключительно женскими святилищами также находит отражение в первоначальном названии мусульманских святынь феминными именами. Примером тому может служить название уже знакомой читателю святыни Хазрат Зудмурод в Бухаре. Как в Греции мать земли Деметра уступила место святому Дмитрию, ставшему покровителем земледелия, так и в Бухаре место феминного эпонима уже упоминавшегося культового комплекса Биби Зудмурод заняло маскулинное имя Хазрат Зудмурод.

Возвращаясь к вопросу об отношении центральноазиатской женщины к огню, напомню, что видение ею мира и себя отражено не только в горении свечей в святилищах огня, но и в использовании чистейшего элемента природы в семейных церемониях. Поэтому мы вправе поставить вопрос о существовании в Центральной Азии разграничения объектов культа на преимущественно женские и преимущественно мужские. На эту особенность указывают многие факты. Собственные наблюдения показывают, что пространство центрального помещения культового здания мусульман – мечети – всецело принадлежит мужчинам. Этот пример наглядно иллюстрирует факт практического неучастия женщин в выполнении одной из основных религиозных обязанностей мусульман, в данном случае – в совершении молитвы в мечети, по крайней мере, наравне с мужчинами.

Среди прочих примеров – весьма ограниченное совершение женщинами паломничества в святыню мусульман – Мекку – из-за существующих определенных условий. Показателен также следующий пример: женщины не практикуют сорокадневного ритуального затворничества в особой комнатке, расположенной обыч-

но внутри усыпальницы мусульманского святого, в то время как для мужчин в этом отношении ограничений нет. На мой взгляд, нельзя связывать подобные примеры «ограничения прав» женщин на Востоке с эгоизмом мужчин. В равной степени ошибочно думать, что это выбор самих женщин. Подобное явление можно объяснить изначальным, появившимся на заре человеческой истории общественным договором, или, выражаясь фигурально, консенсусом, который был достигнут на основе рационального разделения полоролевых обязанностей на вне- и внутридомашние сферы. Видимо, это разграничение проявился и в разделении алтарей.

Из всего сказанного можно заключить, что в оседлой среде Центральной Азии женщины и мужчины черпают свои религиозные убеждения из разных источников. В среде местного населения прослеживаются и некоторые другие проявления несовпадения женской и мужской религиозности. Можно говорить о существовании в оседлой среде Центральной Азии определенных элементов преимущественно мужского и преимущественно женского культа. На это указывают некоторые особенности практики ритуального посещения богоильных мест (*мазаров*), связанных, как уже говорилось, с именами легендарных или реальных подвижников ислама, именуемых *хазратами/ходжами*. Анализ этих особенностей позволяет сделать вывод, что своеобразие центральноазиатского регионального ислама лучше всего раскрывается в области культа святых и паломнической практики.

Следует иметь в виду, что куль святых и институт ритуальных путешествий к святым местам не относятся к области догматических (теологических) концепций ислама. Поклонение *мазарам* в отличие от рассматриваемого канонического ислама (являющегося религией Писания и храма) представляет собой в большей степени религию Пути, так сказать, к чудесному, к магии объекта культа. В храме, куда женщинам нет доступа, верующий обращает свой внутренний взор к абстрактному Богу посредством абстрактных молитв. В этом случае Бог для человека, находящегося в молитвенной позе, становится и учителем, и судьей.

Культ святых и паломничество к священным местам позволяют верующему обратить взоры к духу конкретного подвижника религии (учителя и *пира*) или другого почитаемого объекта как к посреднику между Богом и им самим с конкретными целями. В этом случае страх перед Богом отступает, трансформируясь в надежду или, если можно так выразиться, становясь созвучным ей. Таким образом, появляется возможность говорить о культе святых

и паломнической практике не в контексте книжного ислама, а как об области народной религии, в значительной степени оторванной от доктринальных установок господствующей религии.

На этой области необходимо акцентировать внимание еще и потому, что она предоставляет исследователю возможность подвергнуть анализу широкий спектр проблем, относящихся к религиозной жизни верующего мусульманина. Прежде всего в поле зрения исследователя оказывается большое число разнообразных объектов почитания. Это не только культы святых как подвижников ислама и, соответственно, поклонение архитектурно оформленным склепам, мемориальным усыпальницам святителей, а также их реликвиям. Приковывают внимание также культы элементов природы – воды и огня. Не менее привлекателен культ святых мест естественного происхождения: горных вершин и скал, пещер, камней, родников, деревьев, целых рощ (например, барбариса) или отдельных кустов. Обращает на себя внимание и сакрализация бесчисленного множества предметов быта, текстов, четок, оберегов, амулетов и т.п.

Неотъемлемой частью данной проблематики является институт паломничества в религиозной практике местного населения. Ждут своего исследователя нерешенные проблемы, в частности мифология эпонимов *мазаров* и специфические особенности облика рукотворных почитаемых объектов. Важными аспектами этой проблемы являются пространственная организация святынь и цели, которые преследуют паломники-мужчины и паломники-женщины при совершении ритуального посещения. Последний вопрос связан с предпочтением, отдаваемым ими при выборе объекта (или объектов), составной частью входящего в культовый комплекс. Есть и другие вопросы, например принципы практического выполнения необходимых ритуалов и обрядовых действий при жертвоприношениях. Эти проблемы требуют отдельного рассмотрения.

Как уже говорилось, официальный ислам в целом не поощряет выполнения женщинами ряда религиозных обязанностей. Что касается совершения ими ритуальных путешествий к святым местам, то в этой сфере, за исключением ограничения входить внутрь усыпальницы, особых запретов не существует. Пребывать внутри центрального объекта почитания – мавзолея – и молиться там, подбирая подходящие слушаю коранические тексты, – прерогатива мужчин. Ритуальное посещение женщинами святыни ограничивается касанием лбом порогов или стены гробницы или мазанием

лица пылью с ее стены. Их молитвы – индивидуальные и спонтанные сакрализованные формулы, не имеющие книжной закрепленности.

Зийарат мужчин обычно включает ритуалы поклонения склепу (под открытым небом или под крышей усыпальницы *хазрата*), с которым связана мифология его *мазара* и круговых обходов его могилы. С целью познания Бога верующие-мужчины практикуют также сорокадневное созерцательное затворничество в особой комнатке (обычно внутри мавзолея). Все это говорит о том, что поклонение мужчин мемориальным сооружениям не есть надежда на чудо исполнения земных желаний, а в большей мере – путь к религии, который подразумевает исповедание официального ислама.

Прочие объекты вполне доступны для женщин. Более того, их посещение предписано в основном им. Как женщинам ограничен вход в архитектурно оформленное мемориальное сооружение, так и мужчинам негласно ограничено посещение мест женского поклонения. Существует одна особенность: объекты преимущественно женского почитания расположены на периферии центрального объекта культового комплекса.

В остальном же в рассматриваемых сферах народного ислама женщинам можно реализовать себя, но следуя не официальному исламу, а особой форме религиозной практики. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в таджикской среде при совершении паломничества даже к одной и той же святыне и выборе объекта (объектов) культа, составной частью входящего в ее комплекс, женские и мужские предпочтения часто не совпадают. Так происходит потому, что мужчины и женщины часто преследуют разные цели.

Прежде чем продолжить разговор на эту сложную тему, позволю себе небольшое отступление. Дело в том, что почитание святых и институт паломничества гораздо долговечнее и прочнее религиозных доктрин, которые модифицируются в зависимости от изменения религиозной ориентации населения. В этом качестве куль святых мест, объектов, предметов, а также паломничество сопровождают человечество на протяжении всей его истории. Благодаря этому сформировавшаяся практика становится неким интеллектуальным сосудом, в котором присутствуют черты религий, последовательно сменявших друг друга на протяжении многих тысячелетий.

Если под этим углом зрения посмотреть на *мазары* в целом, то становится очевидным, что в абсолютном большинстве случаев эти культовые объекты имеют далекое доисламское происхождение. Мифология эпонимов существующих мемориальных сооружений была подвергнута «переформатированию» исламом уже после его установления в регионе в качестве господствующей религии. Происходило (и происходит) это путем конструирования соответствующих склепов святых (чаще всего без мощей), возведения над ними погребальных сооружений, установления других мусульманских атрибутов на месте или рядом с прежними (доисламскими) объектами культа.

В центральноазиатском исламе такая практика была очень распространена. Поэтому в регионе наряду со знаковыми рукоизврорными объектами встречаются объекты собственно мусульманского культа (склепы, мемориальные сооружения, почитаемые шесты-туги, реликвии святых), соседствуют (или существуют самостоятельно) «маргинальные» почитаемые объекты естественного происхождения, куль которых, возможно, восходит к индо-арийским мировоззренческим источникам. По признаку слабой интегрированности в маскулинные объекты культа к маргинальным относятся упоминавшиеся выше горные вершины и скалы определенных геометрических форм (или напоминающие человеческую фигуру), пещеры и гроты, а также камни (часто метеоритного происхождения). В числе этих объектов – родники, деревья типа можжевельника, боярышника, алычи или целой рощи, к примеру, барбарисовых кустов и т.д.; почитаются вяз и платан.

Отдельную группу «маргинальных» объектов, за исключением некоторых высокогорных вершин, скал и пещер, путь к которым для женщин труднопреодолим, составляют *мазары*, к которым обращают свои взоры в основном женщины. Желание найти путь к чудесному сосредоточивает паломниц преимущественно около родников, водоемов с естественным выходом подземной воды на земную поверхность, камней и деревьев. Нужно сказать, что к посещению женщинами этих объектов в ритуальных целях официальный ислам относится несколько неодобрительно, что видно из того, что паломники-мужчины не проявляют к ним большого интереса, хотя они не препятствуют активному посещению женщинами этих объектов. Наверное потому, что с этим связано увеличение потока посетителей и, следовательно, пожертвований, необходимых как для содержания мемориалов, так и для экономического благополучия служителей культа. В целом в рас-

сматриваемой сфере народного ислама круг объектов женского культа гораздо шире и разнообразнее, чем мужского. Если основываться на этих признаках, то можно сделать вывод, что народный ислам представляет собой форму религиозной практики, которую в большей степени исповедуют женщины.

Зийарат мужчин «своих» объектов обычно принимает строго ритуализованный характер. Цели, которые они преследуют при поклонении *мазару*, практически мало отличаются друг от друга. Путь к религии, надежда на спасение от грехов и желание отмоловить их у карающего Бога способствуют концентрации сознания у паломника-мужчины, порождают стремление к созданию некой внутренней субстанции, связывающей его с прошлым, настоящим и будущим. Заметный отсутствующий вид, подчеркнуто медленные движения, проявления послушания настоятелю – все это указывает на состояние души паломника, пребывающего в раздумье.

В действиях женщин (имеются в виду посещения собственно женских объектов поклонения) нюансы, присущие поклонениям мужчин, менее выражены. Если посмотреть со стороны, то может показаться, что посещение святыни для женщин предполагает не внутреннее сосредоточение, как у мужчин, а своеобразную форму времяпрепровождения, в определенном смысле празднование соприкосновения с неким чудом. Похоже, что это чувство происходит из ощущения пребывания в некоем *месте силы*, где вибрирует энергетическое поле Земли. Это погружает в состояние умиротворения, почти в безмолвное наслаждение. Чувство *существования* в совокупности окружающего – кустах, деревьях, камнях, родниках, в цветах, в людях – вызывает волну особых (сдержанных внутренних) эмоций.

Признаки такого отношения к *зийарату* отчетливо прослеживаются в *мазарах*, расположенных за пределами городов или крупных населенных пунктов. В этих богомольных местах активность паломниц выражается в приготовлении обильных жертвенных угощений (в виде плова или мясных блюд), которые подаются к дастархану (скатерть, на которой раскладывается пища) окружающих паломников.

У таджиков существует поверье, что запах пищи, пропитанный субстанциями огня и воды, уносится по воздуху в обитель праведных душ, а также к источникам, где рождаются материи света и воды, за что человек получает желаемое: бездетный – ребенка; оказавшийся в полосе невезения – избавление от нее; боль-

ной – здоровье и т.д. Эти представления демонстрируют различие в совершении паломничества мужчинами и женщинами.

С точки зрения женского понимания явлений мира чудесное, т.е. нечто, стоящее по другую сторону человеческого бытия, при условии выполнения определенных обрядов может стать достижимым. Конечно, это тоже подражание готовым образцам. Но в отличие от целей и, соответственно, характерных черт поклонения мужчин при совершении *зийарата* для женщин гораздо важнее определить конкретную, имеющую земной характер, цель. С целью связан выбор объекта культа и пути ее достижения. Иначе выполнение той или иной магической церемонии не имеет смысла.

Отмеченные факты выявляют ощущимые особенности ритуального посещения мест поклонения мужчинами и женщинами. Они убеждают в том, что женское и мужское посещения *мазаров* отличаются друг от друга не только в плане выбора объекта почитания, но и с точки зрения целей, которые они преследуют. Складывается впечатление, что у женщин восприятие мира отличается от его восприятия мужчинами: у них Бог не карающий, а любящий, милостивый. Может быть, поэтому паломницы менее зависимы от служителей культа.

Очевидно, что отмеченные особенности в поведении женщин во время ритуального посещения *мазаров* происходят из доисламских обычаев, обрядов и символов веры. Из своеобразия совершения ими *зийарата* возникает ощущение, что в душах женщин все религии мира соединены как различные пути к единому Богу. Примечателен пример, дополнительно иллюстрирующий специфику женской религиозности в таджикской среде. Речь идет о том, что многие почитаемые женщинами объекты связаны с именами ‘алидов – персонажей шиитского ислама, притом что народы Центральной Азии в большинстве своем исповедуют суннитский ислам ханифитского мазхаба – богословско-правовой школы (толка).

Между прочим, с культом ‘алидов связаны не только женские почитаемые объекты, но и многочисленные, условно говоря, собственно мусульманские места поклонения. С.А. Абашин приводит названия многих святых мест в разных районах Центральной Азии, которые ассоциируются с культом ‘алидов. Только в одной Фергане зарегистрировано 18 объектов, связанных с культом ‘Али ибн Абу Талиба (В.Л. Огудин). Заслуживает упоминания почитание, как уже говорилось, горных вершин определенной (часто геометрической) формы или скал, напоминающих челове-

ческую фигуру, а также пещер и гротов (из-за трудности путей и подходов они часто недоступны женщинам для посещения). Среди этих объектов природы есть и те, что связаны с культом шиитских подвижников.

Более того, у таджиков имена шиитских святых составляют прочную основу маскулинной антропонимической модели. Сам ‘Али ибн Абу Талиб является скрытым *пиром*-покровителем, к имени которого мужчины апеллируют, когда возникает необходимость, например, мобилизовать свои внутренние ресурсы для подъема какой-либо тяжести, прыжков в высоту или длину, а также когда нужно садиться в машину, на верховое животное и т.п. При этом они произносят (в русском переводе): «К тебе обращаюсь, мой покровитель ‘Али – лев Божий». ‘Алиды являются любимыми героями многих легенд и преданий местного населения.

Если судить по этим признакам, то получается, что в таджикской среде Центральной Азии граница между исповеданием суннизма и шиизма весьма призрачна; она существует не на уровне народного ислама, где культ ‘алидов связывается с их принадлежностью к семье Пророка. Пути суннизма и шиизма расходятся больше на уровне религиозных убеждений в каноническом исламе, в основании которого, как и в других религиях, заложено семя, из которого обычно вырастает политика. Но это другой вопрос. Далее мы рассмотрим истоки, из которых питается специфика женской религиозности.

Нарисованная картина специфики женской религиозности на Востоке обуславливает интерес к причинам, ее породившим. Это приводит нас в то время, когда замужняя женщина была «растворена» в семье с ее традиционным демографическим благополучием. Унаследованные с далеких доисламских времен роли сделали таджичку пленницей внутридомашних обязанностей и тем самым ограничили ее социальное участие, включая и посещение мусульманских культовых зданий.

Функции, условно говоря, земного стражи, а также практически неделегируемые роли хозяйки и управительницы семейного огня как сакральной субстанции замкнули ее мир стенами дома с его двумя алтарями в виде каминно-очажного отделения (*касаба*), с одной стороны, и *михраба* – ниши в торцевой стене жилого помещения, ориентированной на Мекку (куда верующие мусульмане обращаются во время молитвы), – с другой. *Михраб* служит одновременно и для складывания стеганых одеял, матрасов и подушек, обычно покрываемых большим панно, вышитым шелковыми нит-

ками, отчего ощущение его назначения служить алтарем становится еще более выразительным.

Таким образом, установившееся традиционное разделение супружеских обязанностей на собственно женские (внутридомашние) и мужские (внедомашние) сформировало у женщин и мужчин разные концепции в видении мира. Идеология, согласно которой мир статичен от начала времен, а человек бессилен поколебать устоявшуюся в нем упорядоченность, ставшая уделом замужней женщины, способствовала сохранению многих символов религии и веры в условиях, возможно, неоднократной смены религиозной ориентации населения под покровом именно женского уклада. Замкнутость пределами дома и семьи давала простор для сохранения женщинами элементов достаточно выразительных образов и символов, зафиксированных еще в авестийских текстах. Это объясняет, почему даже в настоящее время местные женщины обращают свой внутренний взор туда, куда их далекие предки устремляли его задолго до завоевания арабами этого региона мира.

Производный от изначального разграничения ролей на гендерной основе принцип разделенности религиозного участия мужчин и женщин сформировал в конце концов и принцип разделения алтарей на концептуально оформленный книжный (догматический) и не-книжный (не-догматический), соответственно мужской и женский. В этой конструкции женская религиозность в отличие от преимущественно однополярности религиозного поведения мужчин питается из двух источников – ислама и *не-ислама*. Олицетворениями *не-ислама* являются доисламские верования и представления, составной частью вошедшие в ткань исламской обрядности и культов.

Таким образом, устоявшиеся проявления двурелигиозности в поведении центральноазиатской замужней женщины поясняют нам причины ограниченности ее активности рамками в основном двух обязанностей – нахождения около огня и, следовательно, около детей, в противоположность, к примеру, немецкой женщине, призванием которой, по Вильгельму II, является выполнение «ЗК» (Kinder, Küche, Kirche). В этой конструкции кухня и женский алтарь для таджички практически заменяют функции мужского *михраба* в общественном культовом здании мусульман. В настоящее время ситуация начинает меняться. Например, при вновь строящихся мечетях появляются отдельные помещения для совершения молитвы женщинами. При этом имамом, т.е. представителем в церемонии совершения ими намаза, выступает мужчина, голос ко-

торого транслируется по репродуктору из основного помещения, предназначенного для молитвы мужчин.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в таджикском обществе – не только в сельских районах, но и в таких крупных центрах цивилизации в центре мусульманской Евразии, как Бухара, Самарканд, Худжанд, – религиозное поведение замужней женщины отличается определенным своеобразием. Для выявления внутренних (мыслительных) проявлений специфики женской религиозности в общей системе традиционной обрядности таджиков «огненный ключ» оказывается наиболее подходящим. Огнем обычно ведают женщины, и в этой связи вполне понятно, что благоговейно-трепетное отношение к этой стихии в системе обрядности таджиков, как и в других традициях, отражает картину мира исключительно женщин, хозяек и управительниц семейного очага и огня как сакральных субстанций. Эти обязанности навсегда привязали таджичку к дому и семье с ее традиционно демографическим благополучием, таким образом оторвав ее от полноценного участия в исповедовании того ислама, нормы и принципы которого воплощены в религиозном поведении преимущественно мужчин.

В разбираемой теме двойственность представлений об огне оказалась центральной. Поиски корней двух ипостасей стихии огня приводят к источникам, которые отражают две фазы развития концепции этого природного блага. Одна из них – эмоционально окрашенное отношение к огню – ведет свое происхождение из глубины доисламских традиций в иранском этнолингвистическом мире, запечатлевшись в картине мира женщин; другая – проявления демонизации образов этого элемента природы – характеризует отношение господствующей религии (закрепленное в коранических текстах) к символу веры и религии народов, покоренных арабами, принесшими в этот регион учение Пророка Мухаммада.

Складывается впечатление, что в оседлой среде Центральной Азии процесс переориентации женщин – от элементов прежних (доисламских) культов к новым ценностям – еще не завершен, хотя при этом они вполне осознают себя мусульманками, видимо, по факту рождения в мусульманской среде. Принципиально важным является понимание формирования черт преимущественно маскулинного (книжного, коранического) ислама, тяготеющего к исламу единому, и преимущественно феминного (не-книжного, народного) ислама как региональной специфики этой религии, определяющей стратегию поведения центральноазиатских женщин.

В свете предпринятого исследования становится очевидным, что с начала установления в качестве официальной религии народов региона ислам фактически «обходил стороной» (и во многом продолжает обходить) именно ту область, которая касается сложившегося еще в доисламские времена женского уклада. Замкнутость пределами дома и семьи давала женщинам простор для сохранения ими поверий, представлений, образов и символов, зафиксированных еще в авестийских текстах. Это не только элементы культа огня, но и многие другие проявления сакрализации женщинами родников, колодцев, деревьев, кустов, камней и пр.

Установленные автором факты красноречиво свидетельствуют о том, что в Центральной Азии процесс «переориентации» женщин от элементов доисламских культов на новые (мусульманские) ценности пока не завершен. Следовательно, продолжает существовать основа для мирного сосуществования в культуре и религии оседлого населения региона элементов заповедей двух сменивших друг друга пророков – Заратустры и Мухаммада. Все это радикально меняет представление о центральноазиатском исламе. Не исключена вероятность того, что какие-то явления из этой области также ведут свое происхождение из индоиранской общности.

Подвергнутые анализу данные показывают, что ислам, по крайней мере в его центральноазиатском варианте, во многих, подчас принципиально важных, моментах не упраздняет полностью то или иное явление культуры или устойчивые элементы системы верований и представлений покоренных народов, а интегрирует их в систему собственно исламских ценностей. Вероятно, это обстоятельство и породило двойственность религиозных концепций в исламе, о чем говорилось выше. Этим достигается определенная гармонизация в отношениях ислама и элементов доисламского наследия. Поэтому в странах традиционного ислама можно наблюдать, что, казалось бы, Коран один, но нередко интерпретируется он по-разному, в зависимости от того, где его читают.

В соответствии с изложенными данными я придерживаюсь мнения о правомерности подхода к исследованию исламской обрядности в Центральной Азии в аспектах:

а) *единого ислама*, нормы и принципы которого, как и в других странах традиционного распространения ислама, определяют стратегию религиозного поведения в основном мужчин, обычно

воспринимающих мир таким, «каким он должен быть», т.е. в динамике;

б) регионального ислама, принципы которого воплощены в специфике религиозного поведения в основном женщин, обычно воспринимающих мир в его устоявшейся (статичной) форме. Исповедуемая ими идеология «мир как он есть» позволяет сохранять черты тех нравственных и морально-этических принципов, которые в религиозном поведении мужчин либо вовсе не прослеживаются, либо прослеживаются весьма слабо.

Отмеченные особенности религиозной жизни таджиков, как в зеркале, отражают общеизвестную точку зрения, согласно которой ислам представляет собой не только религию и веру, священную память и историю, он неотделим от всей совокупности их культуры, и в этом качестве данное религиозное учение пронизывает все сферы повседневной жизни народов региона в центре Евразии.

Сделанные выводы значительно меняют представление о центральноазиатском исламе. Примечательно, что региональная выраженность ислама в этом районе мира раскрывается в большей степени в области народного ислама. Изложенные данные иллюстрируют характер реагирования стереотипов культуры и религии на смену общественно-политических, социально-экономических и религиозных систем, происходящих обычно под воздействием извне, в данном случае обусловленную завоеванием Центральной Азии арабами, принесшими сюда ислам.

«Центральная Азия: Традиция в условиях перемен»,
СПб., 2009 г., с. 3–19.

С. Лузянин,

доктор исторических наук

Е. Сафонова,

кандидат экономических наук

**ГИДРОТЕХНИЧЕСКОЕ «НАСТУПЛЕНИЕ» КИТАЯ
В СРЕДНЕЙ АЗИИ:
ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ КАЗАХСТАНА И РОССИИ**

КНР принадлежит к числу государств Восточной Азии, которые способны оказывать и уже оказывают заметное влияние на сопредельные страны. От Китая в немалой степени зависит водоснабжение ряда территорий РФ и Казахстана.

В Китае сложилась довольно противоречивая водная ситуация. КНР занимает 5–6-е место в мире по объему возобновляемых гидроресурсов (в основном благодаря тому, что для больших прибрежных территорий страны характерен муссонный режим питания рек, когда летний муссон приносит много влаги и сопровождается паводками и наводнениями). На первый взгляд, Китай не должен испытывать нехватку воды. Однако в период зимнего муссона наступает сухой сезон с резким сокращением стока рек. Поэтому даже при относительно большом количестве среднегодовых водных ресурсов в сухой сезон наблюдается дефицит воды. Кроме того, нехватка воды в Китае, как и в большинстве других стран Азии, во многом обусловлена ее нерациональным использованием. Так, на единицу произведенной промышленной продукции в Китае затрачивается в 10–20 раз больше гидроресурсов, чем в Европе и США.

Несмотря на вододефицит в самом Китае, существуют объективные обстоятельства, способные превратить КНР в активного проводника собственной гидрополитики в региональном масштабе, так как Китай – это «гидродонор» Центрально-Азиатского региона и большой части Южной и Юго-Восточной Азии (ЮВА). В горных регионах КНР берут начало многие реки, в том числе Брахмапутра (Мацанг-Цангпо в Тибете), Инд (в Тибете называется Синдху), Меконг (Дзачу-Ланьцанцзян в Китае), Хонгха [Красная река] (Лишэхэ-Юаньцзян на территории КНР) и т.д.

Большая часть территории Центральной Азии, по меньшей мере, на 50% снабжается гидроресурсами из зарубежья. Так, около трети водных ресурсов Казахстана поступает из трансграничных рек, берущих свое начало в Китае. При желании контроль над стоком трансграничных рек может стать эффективным рычагом политики КНР в отношении стран, расположенных вниз по течению.

В западных районах КНР, перед которыми поставлена задача по развитию там гидроэнергетики, нефтяной, других отраслей промышленности, орошаемого земледелия, животноводства для нужд растущего и переселяемого туда населения, проблему водоснабжения можно будет решить только за счет трансграничных рек Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) и Казахстана.

Пекин намеревается использовать гидроресурсы более чем 30 рек, протекающих из Китая в Казахстан, в то время как Казахстан подавляющую часть своих вод получает из-за границы – из Китая (Иртыш, Или) или из Киргизии (Сырдарья).

Основным объектом совместного хозяйствования является река Черный Иртыш. Длина Черного Иртыша в КНР до границы с Казахстаном – 672 км, на территории Казахстана он впадает в озеро Зайсан. Из озера Зайсан вытекает собственно Иртыш, в который далее впадают притоки Ишим и Тобол. Экономические и бытовые потребности района уже на 21% превышают имеющиеся водные ресурсы. К тому же вода Иртыша сильно загрязнена. В Казахстане на реке Иртыш построены и работают Бухтарминская, Усть-Каменогорская и Шульбинская ГЭС. Водохранилище Бухтарминской ГЭС емкостью 490 км³ осуществляет многолетнее регулирование стока реки, а Шульбинской ГЭС – сезонное. Пекин ежегодно расширяет посевные площади под хлопок и зерновые в СУАР за счет увеличения водозабора из Черного Иртыша, после 2010 г. он возрастет до 5 км³ в год.

Китайское гидротехническое «наступление» в Средней Азии началось еще в 1970-е годы, когда более трети вод трансграничной реки Или (третьей по величине реки в Казахстане) было разобрано на орошение в большой мере именно на китайской территории, в результате чего возник кризис обмеления озера Балхаш.

Интенсификация Китаем режима использования трансграничных рек способна вызвать, на наш взгляд, следующие негативные последствия для Казахстана: нарушение естественного водного, климатического и общего природного баланса в районе озер Балхаш и Зайсан; ущерб рыбному хозяйству; снижение урожайности агрокультур и деградацию пастбищ; резкое падение биологической ценности воды вплоть до ее непригодности для бытового потребления в силу увеличения концентрации в ней вредных веществ. Пекин пока не присоединяется к двум основополагающим международным соглашениям – Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков (1997) и Конвенции об охране и использовании трансграничных водотоков и международных озер (1992). Однако он настаивает на регулировании трансграничного водотока путем проведения двусторонних переговоров (Китай–Казахстан, без привлечения России).

Правовая база китайско-казахстанских переговоров достаточно узка. Дополнительной правовой сложностью для Казахстана (как в данном случае и для РФ) является то, что истоки Иртыша, как уже указывалось, находятся в СУАР. Из международно-правовых документов следует, что владельцем речного стока, сформировавшегося на территории конкретного государства, является именно это государство. Следовательно, оно правомочно рас-

поряжаться этими водами и, как подразумевается, должно делать это рационально, т.е. без ущерба для экологии и для хозяйственной деятельности на водных пространствах и территориях, находящихся ниже по течению. Однако специально не оговаривается (и, по сути, этот вопрос остается за скобками), должно ли это государство отвечать за соблюдение хотя бы минимальных санитарных норм и соответственно расходов по очистке воды, которые вынуждено нести то государство, на территорию которого попадают загрязненные воды.

Китайские переговорщики стараются не педалировать самую острую проблему, связанную с повышением уровня водозабора из рек Иртыш и Или. Эта тактика, по всей видимости, сопряжена с намерением потянуть время и завершить свои гидропроекты в СУАР в запланированные сроки, таким образом, поставив соседей уже перед свершившимся фактом.

Китай постепенно меняет в свою пользу гидроэкологический режим Иртыша (это 70% русла реки), что отчасти дестабилизирует и водоснабжение юга Западной Сибири. Из-за перемены русла Черного Иртыша Россия уже недополучает свыше 2 км³ воды в год, из-за чего с острой нехваткой воды могут столкнуться Омская, Курганская и Тюменская области РФ. Забор воды из Иртыша привел к проблемам с водоснабжением и в Северном Казахстане (например, заметно обмелел 300-километровый канал Иртыш-Караганда). Член-корреспондент Национальной академии наук Казахстана И. Северский полагает, что из-за вмешательства КНР в течение Иртыша дефицит его стока возрастет настолько, что поддержание санитарного минимума воды в реке будет связано с большими трудностями, причем придется отказаться от судоходства, рыболовства и необходимого затопления пойменных угодий. Мощности каскада иртышских ГЭС на территории республики снижаются уже сейчас.

По мнению координатора проектов по гидроресурсам Национального экологического центра Казахстана К. Дускаева, увеличение забора иртышской воды может привести к экологической катастрофе в Прииртышье буквально через несколько лет: «Из Китая в Иртыш, а значит, и в Обь уже поступает вода, загрязненная тяжелыми металлами, нефтепродуктами и нитратами». Для России «иртышский вопрос» весьма актуален еще и потому, что по объемам сброса загрязненных сточных вод Иртыш ныне занимает 6-е место в стране. Существует угроза опасного загрязнения и реки Тобол со многими другими притоками Оби, которые текут в Рос-

сию из Казахстана. Химическое загрязнение воды зачастую носит необратимый характер, ибо не поддается исправлению. Поэтому уже сейчас можно подвергнуть большому сомнению восполнимость гидроресурса Оби.

Принимаемые Пекином без согласования с РФ планы по использованию вод берущих начало в КНР рек и их притоков чреваты для России и для Казахстана новыми экономическими и экологическими рисками. Несмотря на то что Иртыш – это трансграничная река и для России, Пекин, ссылаясь на необходимость индивидуального подхода в каждом конкретном случае, настаивает на продолжении переговоров о судьбе ресурсов Иртыша лишь в двустороннем формате с Казахстаном без подключения к ним РФ. По всей видимости, китайская сторона не спешит ограничивать свою экономику в использовании гидроресурсов и, тем более, идти на компромисс с партнерами в этом вопросе, полагая, что без адекватного водоснабжения невозможно быстрое непрерывное развитие экономики Китая, обеспечивающее нужды огромного населения страны.

Главным экономическим приоритетом российской «водной стратегии» на пространстве треугольника «РФ – Казахстан – Китай» видится разработка высоких технологий по эффективному водопользованию и водосбережению, тем более что наша страна обладает в этом отношении бесспорными конкурентными преимуществами: РФ имеет собственный богатый опыт управления гидроресурсами, а также накопленные десятилетиями обширные знания водной специфики не только Казахстана, но и всей Центральной Азии и ее гидротехнической инфраструктуры. Россия могла бы быть успешной в оказании технической помощи в реконструкции построенных в советский период и уже изношенных систем орошения, в содействии геологическим исследованиям по оценке ресурсов подземных вод, а также в осуществлении космического мониторинга состояния гидроресурсов.

«Азия и Африка сегодня», М., 2010 г., № 9, с. 34–38.

Жак Левек,
политолог (Канада)
ПОЧЕМУ ТЕГЕРАН УВЕРЕН
В СОБСТВЕННОМ УСПЕХЕ

После нескольких месяцев трудного торга с Россией и Китаем администрация Обамы добилась согласования нового пакета

санкций против Ирана, одобренных 6 июня 2010 г. Советом Безопасности ООН. Эти санкции должны принудить иранцев остановить работы по обогащению урана и полностью подчиниться контролю Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Поначалу Хиллари Клинтон говорила о «парализующих» санкциях, но в последние несколько месяцев этот термин отсутствует в ее лексиконе. Единственной по-настоящему парализующей мерой мог бы стать утвержденный Советом Безопасности запрет на импорт иранской нефти. Китай, для которого Иран – главный поставщик сырья, этому, естественно, воспротивился. Новый пакет санкций, бесспорно, заходит несколько дальше, чем предыдущий, не имевший никаких существенных последствий. Но, по твердому убеждению многих аналитиков в России и других странах (даже в Соединенных Штатах), и они окажутся недостаточно действенными и не заставят Тегеран отступить.

Что тогда? И Хиллари Клинтон, и министр обороны Роберт Гейтс утверждали в начале года, что если санкции не приведут к желаемому результату, то будут рассмотрены – и уже предварительно изучаются – все возможные решения проблемы, в том числе и военное. Израиль со своей стороны не раз угрожал бомбить иранские ядерные объекты. В настоящий момент Обама прилагает все усилия, чтобы сдержать Израиль. Но чего следует ждать, если и новые санкции не дадут желаемого результата? (Вашингтон и Брюссель объявили об односторонних санкциях, содержащих «кудающие меры».) Встречаясь с университетскими специалистами по международным отношениям и стратегическим проблемам, иранскими дипломатами и политиками во время двухнедельной поездки в Иран, я хотел понять, как они представляют себе будущее развитие событий. Выяснилось, что в их суждениях преобладает оптимизм, причем проявляется он вне зависимости от того, испытывают ли собеседники политические или идеологические симпатии к режиму аятолл.

Все эксперты, с которыми мне довелось встретиться в Тегеране во время поездки в апреле 2010 г., разделяют почти стопроцентную убежденность в том, что власти в действительности не стремятся обзаводиться ядерным оружием, а решения о создании его не принималось. Один высокопоставленный дипломат, специалист по отношениям с США, объяснял, что цель режима на деле состоит в том, чтобы сделать Иран «виртуальным ядерным государством» наподобие Канады и Германии, которые, заметил он, являются, как и его страна, участниками Договора о нераспростране-

нении ядерного оружия. «Виртуальное ядерное государство» – это то, которое освоило все стадии процесса обогащения урана и соглашается использовать его результаты исключительно в мирных целях. Мой собеседник выразил уверенность в том, что если Вашингтон и его союзники пойдут навстречу Тегерану, тот готов тут же дать обещание подчиниться требованиям дополнительного протокола о контроле со стороны МАГАТЭ. Как известно, этот протокол был составлен после присоединения Ирана к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Предлагаемые в нем меры контроля носят гораздо более глубокий характер, чем предыдущие. Не подписав дополнительный протокол, Тегеран не считает себя связанным его требованиями и подчиняется лишь отдельным, более ранним мерам контроля, причем весьма неохотно и в минимальном объеме. Именно это порождает недоверие и подозрительность в мировом сообществе.

Соединенные Штаты и в особенности их союзник Израиль не готовы согласиться с тем, чтобы Иран освоил все стадии процесса обогащения урана и стал «виртуальным ядерным государством». Их позиция объясняется тем, что любой участник ДНЯО имеет право сослаться на чрезвычайные обстоятельства и выйти из него, известив остальных о своем решении всего-навсего за три месяца. В этих условиях Иран почувствовал бы, что у него развязаны руки на будущее. Похоже, в настоящий момент его единственная цель именно в этом и состоит, но Вашингтон явно не склонен давать ему такой карт-бланш.

Все, с кем я встречался, – как критики, так и сторонники режима, – считают, что США крайне несправедливы к Ирану. В этом пункте все они проявляют иранский национализм, вообще говоря, далеко не одинаково присущий каждому из них. В официальных отчетах о ситуации в Иране МАГАТЭ и Мохаммед Эль Барадеи, занимавший пост генерального директора этой организации вплоть до конца 2009 г., постоянно утверждали, что, хотя Иран и отказывается отвечать на ряд вопросов, нет доказательств его стремления обзавестись ядерным оружием. А если так, значит, нас просто хотят считать виновными в любом случае, независимо от того, доказана вина или нет, утверждали мои собеседники.

На вопрос о возможных условиях компромисса, более или менее сравнимого с тем, который с согласия США предлагался в октябре 2009 г. и который Махмуд Ахмадинеджад поначалу, кажется, был не прочь принять, даже самые высокопоставленные специалисты не могли сказать ничего определенного. Выработка

решений в высших эшелонах иранской власти – процесс совершенно непрозрачный, и Ахмадинеджад играет здесь совсем не первую роль. А 16 мая (уже после моего отъезда из Тегерана) последовала неожиданная развязка. Благодаря посредничеству президента Бразилии Лулы да Силва и премьер-министра Турции Эрдогана Иран согласился пойти на компромисс, практически эквивалентный тому, который предлагался в минувшем октябре. Но его немедленно отверг Вашингтон, решивший довести до логического конца программу санкций, согласованных к тому времени с Китаем и Россией.

Это событие подтвердило мнение одного из иранских экспертов по ядерному досье, который говорил, что, по его убеждению, главное препятствие на пути к компромиссу имеет мало общего со спецификой самой проблемы, но коренится в глубоком взаимном недоверии и конфронтации между Ираном и Соединенными Штатами, в основе которых – прежде всего политика. «Всякий раз, когда мы в прошлом шли на уступки, – сказал он, – выдвигались новые требования». Подобное поведение, безусловно, отказывает в легитимности режиму, возникшему в результате революции, которая совершилась, среди прочего, против воли Вашингтона.

Так может быть, все дело именно в истории отношений между двумя странами? Нет сомнений в том, что несговорчивость и недоверчивость США во многом объясняются тем унижением, которое им пришлось пережить в 1979 г. во время исламской революции. Жесткая позиция Соединенных Штатов в данном случае напоминает их отношение к Кубе, которое до сих пор носит отпечаток оскорблений, нанесенного в свое время американцам Фиделем Кастро. Иранские дипломаты в один голос говорят, что судьбу иранского досье фактически решает не Барак Обама, а политики и дипломаты из прежних администраций США.

Поскольку после принятия новых санкций говорить о компромиссе больше не приходится, оптимизм ученых и высокопоставленных чиновников, с которыми я встречался, вызвал у меня известное беспокойство. Я, как и они, считаю, что нежелание Обамы предпринимать военную операцию против Ирана совершенно очевидно. Но не загоняет ли он сам себя в западню, позволяя своему государственному секретарю и министру обороны, которые хотят успокоить правых республиканцев и Израиль, при каждом удобном случае утверждать, что если санкции не принесут ожидаемых результатов, то будет рассмотрено и военное решение?

Разве сам Обама не заявлял, что перспектива превращения Ирана в ядерную державу неприемлема для Америки? Если провал дипломатических усилий и внутриполитические трудности вынудят президента перейти к обороне, его противники получат отличный козырь, постоянно напоминая ему об избранной им позиции.

США увязли в военных операциях в двух граничащих с Ираном странах – Ираке и Афганистане, а Обама (которого поддерживает общественное мнение) намеревается в ближайшем будущем вывести оттуда войска. С учетом этих обстоятельств можно не сомневаться, что военная акция американцев в Иране не будет полномасштабной и ограничится бомбардировками иранских ядерных объектов. Опасаются ли в Тегеране воздушного удара?

Все уверены, что до этого дело не дойдет. Один профессор и дипломат сказал мне, что если на это не пошел Джордж Буш, то уж Обама наверняка не решится. Звучит не слишком убедительно, ибо, с точки зрения американцев, ситуация требует как раз более энергичных действий, чем в период президентства Буша. Обама не предпримет этот шаг, возразил мне иранец, «потому что это означало бы крах всех его политических видов и планов на Ближний Восток». Положим, заметил я, Обама наверняка будет долго противостоять военному решению, но в этом случае не позволит ли себе Израиль, уже давно угрожающий при необходимости сделать то же самое в одностороннем порядке, решить, что имеет «законное право» на удар? «Нет, – ответил этот мой собеседник, как, впрочем, и большинство других. – У Соединенных Штатов есть все средства, чтобы при желании удержать Израиль от такого шага, и они это сделают, поскольку Ахмадинеджад не раз заявлял публично, что любая израильская атака будет рассматриваться как прямая агрессия американцев и оцениваться соответственно».

Здесь мы затрагиваем самую суть дела. В Тегеране преобладает убежденность, что в нынешней ситуации Иран располагает средствами для того, чтобы удержать американцев от любой военной агрессии – как прямой, так и косвенной. В случае угрозы, как нас уверяют, Ирану потребуется для ответа менее суток. Более детальной характеристики возможных ответных действий не дается, однако власти весьма прозрачно намекают, какими они могут быть в принципе.

В начале мая в Персидском заливе проводились крупные военные маневры. Как известно (и это подтверждают западные военные эксперты), Иран, которому принадлежит северный берег Ормузского пролива, в состоянии блокировать эти ворота в

Персидский залив, где сосредоточено 40% транспортных артерий всего мирового нефтяного экспорта. Вашингтон в таком случае, безусловно, попытается снять блокаду с пролива, используя размещенный в этом районе 7-й американский флот. Но тогда операция наверняка выйдет за рамки воздушных бомбардировок. У Ирана есть и другие возможности ответных действий. Уже довольно давно Тегеран последовательно активизирует свою роль посредника в Ираке. Он вносит немалый вклад в снижение уровня насилия в этой стране, используя свое влияние на шиитские политические группировки, чтобы положить конец вооруженным конфликтам между ними. Цель этих действий – ускорить вывод американских войск из прилегающих к Ирану районов. После мартовских выборов в Ираке Тегеран играет там роль посредника во внутреннем политическом торге по формированию коалиционного правительства. Но от него можно ожидать и прямо противоположных действий, направленных на то, чтобы американцы увязли еще больше.

То же происходит и в другом граничащем с Ираном государстве – Афганистане. Здесь стабилизирующую роль играет Хамид Карзай, который вызвал нескрываемое раздражение Вашингтона, пригласив Ахмадинеджада посетить Кабул, и постоянно напоминает, что Тегеран поддерживал сопротивление талибам задолго до (и после) 11 сентября 2001 г. Способность Ирана негативно повлиять на ситуацию и в этом случае может оказаться весьма значительной, не говоря уже о действиях организации «Хезболла» в Ливане. Кроме того, как показали первые три года после развязывания войны в Ираке, еще одна война против мусульманского государства, видимо, повлечет за собой рост активности числа всевозможных террористических организаций в арабском и мусульманском мире. Все это сознают в Вашингтоне, и именно поэтому Обама делает ставку на санкции, которые побудят Иран к компромиссу, приемлемому для США и Израиля. Но если он не будет достигнут, сможет ли Обама эффективно сдерживать Израиль? Памятая уроки прошлого, в этом приходится усомниться.

В Москве, куда я направился из Тегерана, напротив, распространена точка зрения, что Израиль способен бомбить иранские ядерные объекты чуть ли не этой осенью, что бы ни делал Обама. Многие российские специалисты полагают, что вероятные последствия для всего региона не остановят правительство Нетаньяху, поскольку оно считает превращение Ирана в ядерную державу уг-

розой существованию Израиля. Едва ли Нетаньяху действительно полагает, что иранские руководители такие уж самоубийцы, способные предпринять ядерное нападение на Израиль. Но, обзаведясь ядерным оружием, Иран сам станет «священной коровой» (как говорят в стратегических исследованиях), защищенным от ядерной атаки. Многие в Тель-Авиве убеждены, что в этой ситуации Тегеран удесятерит усилия, направленные на мобилизацию и поддержку организаций типа ХАМАС (наиболее радикальной из палестинских группировок) и ливанской «Хезболлы». К тому же, опираясь на возросшее политическое доверие народных масс в умеренных арабских государствах, Ирану будет гораздо легче настроить тамошнее население против властей и, следовательно, подтолкнуть правительства этих стран к более враждебной политике в отношении Израиля. Именно в этом, вероятно, заключаются самые вожделенные мечтания крайних радикалов в Иране.

Тут я вспомнил беседу с самым воинственным из моих тегеранских собеседников, государственным деятелем очень высокого ранга. Поначалу говоря со мной довольно спокойно, он объяснил, что Иран, в противоположность многим арабским странам, был против создания палестинского государства рядом с Израилем и ратовал за одно общее государство. Он сослался на пример ЮАР, где конец апартеида не привел к бегству или изгнанию белых африканеров, и особо подчеркнул, что появление единого государства на всей территории бывшей Палестины вовсе не означало бы изгнания евреев и что государство это даже могло бы быть светским, если бы так решили его граждане. Для Нетаньяху и многих израильтян подобное развитие событий было бы равнозначно концу еврейского государства. Так что в этом отношении мнения Ахмадинеджада и Нетаньяху вполне совпадают. Часто говорят, что крайности сходятся, поддерживая друг друга. Как и всех моих собеседников, я спросил этого деятеля, не боится ли он одностороннего нападения Израиля на свою страну. «Никоим образом», – ответил он мне, причем еще более уверенным тоном, чем остальные. Немного помолчав, он добавил со встревожившей меня серьезностью во взгляде и выражении лица: «Между нами говоря, я хотел бы такого нападения, потому что незамедлительным результатом этого будет конец Израиля...»

Одна из целей моей поездки в Тегеран и Москву заключалась в оценке неоднозначных российско-иранских взаимоотношений, а также в том, чтобы определить настроения и ожидания, которые обе стороны связывают друг с другом.

Еще до заключения российско-американского соглашения о новых санкциях в Тегеране было широко распространено чувство недоверия по отношению к России. Можно даже сказать, что среди преподавательского и научного состава Школы международных отношений при МИДе Ирана, Тегеранского университета, а также различных институтов и научно-исследовательских центров оно откровенно преобладало. В отдельных случаях это недоверие носило всеобщий характер, далеко не исчерпывающийся конъюнктурой момента, и даже граничило с презрением.

Специалист по России, которому несколько лет назад было поручено создать в Тегеране общество российско-иранской дружбы, признался мне, что потерпел неудачу, и объяснил ее полным отсутствием интереса к России и среди интеллектуалов, и в широких слоях населения. «Чему мы можем научиться у России – как в плане экономики и техники, так и в плане культуры? – сказал он. – Стоит отъехать на несколько десятков километров от Москвы, и вы убедитесь, что “третий мир” – Россия, а не Иран. У нас с европейскими странами гораздо больше общего». Похоже, чувство превосходства, унаследованное от великой персидской цивилизации, до сих пор присутствует. «Партнерство» между Ираном и Россией мой собеседник практически полностью объяснял необходимостью, продиктованной враждебным отношением США и их союзников к его стране.

Некоторые другие коллеги, говоря о том, почему они не доверяют России, неизменно упоминали исторический фон отношений между Российской и Персидской империями, омраченных конфликтами и войнами. По их словам, все они ясно понимают, что Иран является лишь картой, разыгрываемой Москвой в политической игре с Вашингтоном. В большинстве своем иранцы уверяли меня, что в высших эшелонах власти крайне немного сторонников тесных политических связей с Россией.

Тем не менее бывший помощник министра иностранных дел был не столь беспощаден, и в его словах ощущалось больше снисхождения и доверия по отношению к России, хотя и не без оговорок. «Мы понимаем, что Россия, не будучи уже сверхдержавой, вынуждена договариваться с американцами, и должны каждый раз трезво оценивать последствия таких договоренностей для нашей страны». Он признал, что Иран, имеющий статус наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), действительно просил принять его в полноправные члены, но этому воспротивились как Китай, так и Россия, опасаясь задеть самолюбие Вашинг-

тона. Но, согласно утверждениям помощника министра, на деле Иран рассматривается в ШОС именно как полноправный член и участвует во всех стадиях процесса выработки решений. Отметив успешное сотрудничество России и Ирана в постсоветской Центральной Азии и на Южном Кавказе, он выразил мнение, что в будущем отношения между двумя странами могут даже улучшиться. «По мере усиления влияния Ирана на Ближнем Востоке Россия будет нас больше ценить и уважать. Она увидит, – сказал он, – что это влияние наносит ущерб интересам США, а ее собственных интересов не задевает». Короче говоря, у Ирана, еще есть многое, что можно предложить России.

В московских академических кругах несговорчивость Ирана в ядерных вопросах явно вызывала общее раздражение на фоне достаточно широкого улучшения российско-американских отношений. Беспокойство относительно возможных последствий этой несговорчивости было намного заметнее, чем в Тегеране.

Некоторые коллеги видят в Иране обузу для России, от которой она должна избавиться. В кругах, близких к власти, как они утверждали, их точку зрения разделяет меньшинство. Они высказались, не слишком веря в возможность такого развития событий, в пользу принятия драконовских санкций по отношению к Ирану, поскольку никакие другие не способны подтолкнуть его к компромиссу. Другие исследователи, напротив, относятся к участию России в разработке новых санкций скорее неблагосклонно, хотя при этом и не испытывают особой симпатии к Ирану. Их озабоченность касалась не столько сохранения хороших отношений между Россией и Ираном, сколько совсем другого. Они не без оснований опасаются, что Россия, поддерживая все новые и новые санкции, не дающие желаемого результата, втягивается в процесс, который может привести к легитимации применения военной силы.

Здесь нужно подчеркнуть, что все российские политики и эксперты, вне зависимости от симпатий или антипатий к Ирану, опасаются катастрофических дестабилизирующих последствий, которые военная операция может повлечь за собой в примыкающих к России регионах мусульманского мира и далее на ее собственной территории. Спустя несколько месяцев после начала войны в Ираке в 2003 г. И. Иванов, тогдашний министр иностранных дел, открыто выражал недовольство тем, что эта война существенно увеличила террористическую активность на Северном Кавказе. Отметим, что российские представители, уговаривая иранских ру-

ководителей принять требования МАГАТЭ, оправдывают участие России в санкциях тем, что оно помогает отвести угрозу антииранской военной операции. Аргумент, без сомнения, циничный, но вовсе не абсурдный.

Как сказал один российский коллега, близкий к Кремлю, Иран относится к числу «досье, находящихся в личном ведении Путина», по которым он оставляет за собой право принятия всех значимых решений. Собеседник обратил внимание на то, что в течение предыдущих месяцев Дмитрий Медведев несколько раз публично заявлял, что избежать санкций против Ирана не удастся, Владимир Путин же высказался по этой проблеме всего один раз и в гораздо более расплывчатых формулировках. Мой коллега не сомневается: именно по указанию Путина Лавров публично заявил 18 марта, к явному раздражению присутствовавшей Хиллари Клинтон, что строительство атомной электростанции в Бушере будет завершено летом текущего года.

Можно сказать, что во всем этом достаточно хорошо просматривается подход Путина. Он, несомненно, хочет некоторого улучшения отношений с Соединенными Штатами и даже готов за это платить, но по минимальной ставке. Как и некоторые комментаторы, близкие к его окружению, он считает, что если США стали более уважительно относиться к интересам России на территории бывшего Советского Союза, то произошло это не столько из-за добродой воли администрации Обамы, сколько в результате ожесточенных баталий, которые, сомкнув боевые порядки, на протяжении долгих лет вела Россия. В его глазах именно эти стройные боевые порядки сорвали планы расширения НАТО на Грузию и Украину.

Впрочем, некоторые комментаторы, сочувствующие Путину, даже утверждают, что скорее Соединенные Штаты, связанные по рукам и ногам ситуацией в Афганистане и в Ираке, нуждаются в России, чем Россия – в США. В представлении Владимира Путина Москва должна расплачиваться за желательное для нее улучшение отношений с Вашингтоном «в час по чайной ложке». Политика расширения контактов по всем азимутам и без предварительных условий, которую Россия предложила Джорджу Бушу на следующий день после 11 сентября 2001 г., не встретила благодарного отклика и осталась в прошлом.

Такой подход хорошо отражен в согласованном варианте санкций, одобренном Советом Безопасности ООН. Они, безусловно, заходят дальше, чем предыдущие, и достаточно далеко, чтобы

привести в раздражение Тегеран, но отнюдь не достигают объема, который был желателен для Вашингтона.

Здесь следует отметить любопытный момент. Как известно, по просьбе Вашингтона Москва, оказывая давление на Иран и подталкивая его к компромиссу, отложила поставку ракетных комплексов ПВО ближнего радиуса действия С-300, которая была предусмотрена заключенным в декабре 2007 г. контрактом на сумму 800 млн. долл. Наличие такой системы затрудняло бы воздушный удар по Ирану и делало его существенно более дорогостоящим для израильтян. Но при этом Россия, судя по всему, настояла на том, чтобы среди новых санкций, согласованных Москвой и Вашингтоном, ракеты С-300 не упоминались, хотя продажа Ирану различных видов вооружений поставлена под запрет. В ответ на вопрос, почему так произошло, чиновники Госдепартамента заверили, что Россия, по их убеждению, и в дальнейшем «будет проявлять сдержанность» и что поставка ракет не состоится.

Чуть позже посол Ирана в Москве заявил, что если поставка будет сорвана, Россия полностью утратит доверие мирового сообщества. Контракт о продаже ракет С-300 будет вторым (наряду с завершением – или незавершением – строительства электростанции в Бушере) критерием, который позволит судить, свидетельствует ли наметившийся отход России от Ирана о том, что она намерена постепенно «сдаться» своего союзника американцам.

Напомним в заключение, что внесение в Совет Безопасности резолюции о новом пакете санкций было ускорено сенсационным, неожиданным и для Вашингтона, и для Москвы компромиссным соглашением по иранскому ядерному досье, заключенным в Тегеране 16 мая при участии бразильского президента и турецкого премьера. Иранцы, по-видимому, ставили перед собой цель предотвратить внесение резолюции о санкциях в Совет Безопасности.

Отвергая заключенное соглашение, Вашингтон явно поставил себя в трудное положение. На этот раз против новых санкций выступили не Россия и Китай, традиционные и неизменные сторонники Ирана в Совете Безопасности. Поскольку Бразилия и Турция не располагают правом вето, их голосование против санкций не имело юридических последствий. Тем не менее Вашингтон оказался перед серьезной политической проблемой. Лула – президент самого большого демократического государства в Латинской Америке, он пользуется очень хорошей репутацией не только в странах «третьего мира», но и на Западе. Что же касается Турции,

то она не просто демократическое государство, но и член НАТО, альянса, которому США придают особое значение. То обстоятельство, что в Совет Безопасности ООН голос этих двух стран, с чьей ролью и мнением американцы не посчитались, был подан против резолюции, не позволило администрации Обамы сохранить столь важный для нее консенсус в этом вопросе и поставило под сомнение законность самих санкций.

Почти в той же мере трудности испытывает и Россия, в несколько меньшей степени – Китай. Обе страны считают себя друзьями Ирана. Исходя из этой предпосылки, Россия в течение многих месяцев пыталась согласовать с Тегераном условия компромисса, подобного тому, согласие на который добились Лула и Эрдоган. При этом она давала понять, что если компромисса не достигнут, ей волей-неволей придется присоединиться к санкциям. Знаменательно, что Иран предпочел заключить компромисс не со своим «чрезмерно взыскательным другом», а с Бразилией и Турцией, которым и в экономическом, и в политическом плане он обязан куда меньше, чем России. Этим иранцы хотели еще раз продемонстрировать, что не поддаются давлению, даже дружескому. В результате та роль на международной арене, которую уже давно прочила себе Россия, выступая в качестве незаменимой посредницы между Ираном и западным миром, оказалась под ударом.

К тому же, и это вдвойне досадно для Москвы, все указывает на то, что поспешность, с какой Хиллари Клинтон обнародовала проект новых согласованных ею санкций и внесла их (раньше, чем предполагалось) в Совет Безопасности ООН, была вызвана опасениями Вашингтона, что Россия и Китай вновь начнут колебаться. В самом деле, сразу же после того, как было объявлено о соглашении, заключенном турецко-бразильским тандемом, Дмитрий Медведев публично заявил, что это соглашение необходимо внимательно изучить. Почти тут же пакет санкций был внесен в Совбез, где посол России Виталий Чуркин заявил, что решение о времени внесения, как обычно, было принято не его страной, а авторами текста резолюции (Вашингтоном и его союзниками). Неудивительно, что Москва и Пекин еще до начала дебатов в Совете Безопасности давали понять, что недовольны поведением Вашингтона.

Не предлагая пересмотреть содержание санкций, российский министр иностранных дел заявил, что условия тегеранского соглашения следует изучить, и открыто выразил сожаление в связи с тем, что компромисса не достигли раньше. В течение нескольких последующих дней высказывались опасения, что Россия и Китай

будут затягивать дебаты в Совете Безопасности. В итоге они не сделали этого лишь потому, что и в Пекине, и особенно в Москве Иран в это время, несомненно, вызывал еще больше раздражения, чем Соединенные Штаты.

*«Россия в глобальной политике»,
М., 2010 г., № 4, с. 105–176.*

Анна Кашина,

аспирантка ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова

**ДЕМОКРАТИЯ ПО-ТУНИССКИ
ИЛИ «КОРОЛЕВСТВО БЕН АЛИ»?**

В Тунисе 25 октября 2009 г. состоялись очередные парламентско-президентские выборы. Сюрприза не произошло – действующий президент Туниса Зин аль-Абидин Бен Али был переизбран на пятый срок. Большая часть мест в парламенте – 161 из 214 – досталась, как и следовало ожидать, правящей партии – Демократическому конституционному объединению (ДКО). Президент и члены парламента в Тунисе избираются одновременно, сроком на 5 лет. Последние выборы мало отличались от предыдущих (1999 и 2004). Все шло по той же схеме, если не считать некоторых поправок, внесенных в избирательный кодекс, о которых речь пойдет ниже.

Безусловный фаворит выборов Зин аль-Абидин Бен Али пришел к власти в результате верхушечного переворота 7 ноября 1987 г., когда первый президент Туниса, 84-летний Хабиб Бургиба, бессменно правивший страной три десятилетия (последние 12 лет – на пожизненной основе), был отстранен от исполнения своих обязанностей по «медицинским показаниям». Бескровная смена власти получила название «жасминовая революция». И если Бургибу именовали «Великим борцом», имея в виду его ведущую роль в борьбе за независимость страны, то Бен Али снискнул почетное звание «Человек перемен», ибо сам факт государственного переворота был подан как начало «новой эры», или «эпохи перемен».

Первые шаги нового президента – снятие ограничений на деятельность легальных оппозиционных партий, провозглашение курса на развитие политического плюрализма. В 1988 г. Бен Али отменил положение Конституции о пожизненном президентстве и сократил количество возможных переизбраний главы государства до двух сроков. Однако в 2002 г. была введена конституционная

поправка, которая предоставила Бен Али возможность стать президентом в пятый раз.

Несмотря на декларирование демократических ценностей, Бен Али и возглавляемое им ДКО имели на выборах 2009 г. (как, впрочем, и на предыдущих) фактические преимущества. Так, агитационная кампания за Бен Али началась раньше кампании остальных кандидатов. Уже в ноябре 2007 г. на улицах городов и сел мелькали плакаты с надписью: «Мы с тобой, Бен Али, в 2009 г.!» Кроме того, еще до официальной регистрации кандидатов на высший государственный пост Бен Али получил публичную поддержку Всеобщего тунисского союза труда (старейшей профсоюзной организации), ассоциаций предпринимателей, женских и других общественных организаций.

Новая программа президента «Вместе ответим на вызовы» состояла из 24 пунктов, в которых он обещал к 2014 г. вывести Тунис на уровень развитых стран, продолжить путь демократизации, построения гражданского общества на основе свободы слова и плюрализма, развивать инновационные технологии, бороться с безработицей и поддерживать женщин и молодежь.

Кстати, особенностью выборов 2009 г. стало расширение участия в них молодежи благодаря недавней поправке, внесенной в избирательный кодекс, снизившей возрастной ценз для имеющих право голоса с 20 до 18 лет. Это позволило расширить избирательный округ на 500 тыс. человек. У режима была уверенность, что молодежь проголосует за Бен Али. Во-первых, потому что власти контролируют университеты и студенчество. Во-вторых, молодежная политика занимает не последнее место в политической программе ДКО (учреждение молодежного радио, молодежного канала, инициатива Бен Али провозгласить 2010 г. Годом молодежи на международном уровне и т.д.).

В предвыборной программе президента перечислялись и немалые достижения прежних лет. Именно Бен Али «спас» Тунис от нависшей в 1980-х годах угрозы исламизма. Ему удалось избавить страну от кварталов нищеты, а плавные экономические реформы («структурная адаптация» к рынку) позволили улучшить условия жизни значительной части населения страны. ВВП на душу населения в 2009 г. превысил 5 тыс. динаров, или 3800 долл. США (в 1989 г. – 1 тыс. динаров, или 1200 долл.). Две трети тунисских семей живут в личных домах, и у пятой части населения есть машина, а лет десять назад обладателями своей машины была лишь десятая часть населения. Примерно 65% жителей страны сейчас

проживают в городах. Практически все дети в возрасте 6 лет поступают в школу. Растет численность выпускников вузов. Средняя продолжительность жизни выросла до 74 лет против 67 в 1987 г.

В списке кандидатов в президенты кроме Бен Али (от партии ДКО) значились Ахмед Ибрахим, новый генсек движения «Ат-Таджид» (бывшая Коммунистическая партия), Мухаммед Бушиха от Партии народного единства (ПНЕ) и Ахмед Инубли от Демократического юнионистского союза (ДЮС). В Тунисе существует около десятка оппозиционных объединений численностью менее сотни человек, которые не представляют реального противовеса правящей партии (в ДКО формально состоит около 2 млн. человек) и служат лишь фасадом демократии.

Партии Туниса можно разделить на три группы:

1. Партии, представленные в парламенте (ПНЕ, ДЮС, «Ат-Таджид и др.»).

2. Партии, не представленные в парламенте и претендующие на роль активной оппозиции (Форум за демократию, труд и свободу, Демократическая прогрессивная партия).

3. Партии, действующие нелегально («Нахда», Коммунистическая партия тунисских рабочих).

Отметим, что все кандидаты на пост президента были выдвинуты партиями, представленными в парламенте, а значит, относительно лояльными режиму. До 2008 г. поддержка хотя бы одним депутатом парламента была обязательным условием выдвижения кандидата в президенты. А до 1999 г. для этого была необходима поддержка как минимум 30 ответственных выборных должностных лиц (депутатов или председателей муниципальных советов).

В 2008 г. Бен Али, давно обещавший облегчить условия выдвижения в президенты, внес поправку в Конституцию, согласно которой участвовать в президентских выборах может лишь кандидат от легальной оппозиционной партии, непрерывно исполнявший обязанности ее главы не менее двух лет до даты выборов (а не пяти лет, как было ранее). Эта недостаточная, по мнению оппозиции, уступка вызвала шквал критики, ибо являлась «неприкрытой попыткой выбросить из игры главных оппозиционеров страны».

Действительно, кандидатам, представленным от партий Форум за демократию, труд и свободу (ФДТС) и Демократическая прогрессивная партия (ДПП), пройти в список участников президентской гонки не удалось. Лидер ФДТС, врач Мустафа Бен Джаяфар подал заявку на регистрацию своей кандидатуры, но так

же, как и выдвиженец от ДПП А.Н. аш-Шабби, получил отказ из-за «несоответствия кандидатуры формальным требованиям».

ДПП выдвинула аш-Шабби в качестве своего кандидата на пост президента еще в феврале 2008 г. Основатель ДПП и ее бес-сменный генсек, аш-Шабби в 2006 г. по собственному желанию перепоручил свой пост М. аль-Джариби. В начале 2008 г. он вос-становился на посту, но в марте того же года была внесена упомя-нутая выше конституционная поправка. Поэтому по формальному признаку аш-Шабби не мог быть допущен к участию в президент-ской гонке. В августе 2009 г. он призвал бойкотировать пред-стоящие выборы, назвав их «несвободными, нечестными и непро-зрачными», и заявил, что не будет «участвовать в выборах, где нужно прорываться в узкие двери, почти наглухо закрытые для народа».

В ходе этой предвыборной кампании жалобы на нарушения законодательства о выборах поступали и от других представителей оппозиции. Так, Ахмед Ибрахим не раз обвинял государственные СМИ в несоблюдении принципа беспристрастности. «Плакаты с изображением президента висят по всей стране уже два года, а ме-ня показывали по государственному телевидению всего семь ми-нут, – возмущался кандидат, – накануне выборов».

Многие СМИ называли именно А. Ибрахима, в прошлом преподавателя университета, «реальным конкурентом» Бен Али. Основной избирателем его партии – это жители мыса Кап-Бон, рай-она Джебель Джеллул, горнодобывающих районов (Гафса, Ра-дайф) и т.д. Именно там в 2008 г. прокатилась крупнейшая за по-следние годы волна забастовок с требованиями к властям об улучшении условий труда. Ибрахим неоднократно повторял, что он представляет «ответственную оппозицию, которая не только критикует», и намерен «на равных» конкурировать с Бен Али, подчеркивая необходимость расширения демократических ре-форм.

Предвыборные программы кандидатов от ПНЕ и ДЮС не отличались оригинальностью и в общих чертах повторяли пред-выборную программу Бен Али. Как и на прошлых выборах, ПНЕ выдвинула в 2009 г. своего руководителя М. Бушиху в кандидаты на президентский пост. Руководство партии избегает критики по-литики Бен Али, хотя и считает, что необходимо осторожнее отно-ситься к приватизации госсектора и шире использовать механизмы государственного регулирования экономики. Программная плат-форма ПНЕ сводится к общедемократическим принципам (урав-

новесить законодательную и исполнительную власть, гарантировать свободу прессы и т.д.). Бушиха выступал под лозунгами «Вместе к прогрессивному и справедливому Тунису!», «Укрепим республиканские институты!» и обещал в случае победы организовать национальный диалог по вопросу занятости, привлечь в область образования и здравоохранения частный сектор, пересмотреть систему социальных гарантий, реформировать аграрный сектор и бороться с коррупцией. В сфере внешней политики лидер ПНЕ назвал приоритетными сотрудничество в рамках Союза арабского Магриба (САМ) и поддержку палестинского народа.

Кандидат от ДЮС А. Инубли, юрист по образованию, вышел с агитационным лозунгом «К солидарности всех социальных сил и регионов!». Он призвал расширить прерогативы тунисского парламента, провести серию реформ в духе построения парламентской демократии, развивать политический плюрализм, обеспечить взаимодействие государственного и частного секторов, сохранить арабо-мусульманскую идентичность Туниса, уважать силу права и принципы гражданского общества, а также стремиться к равенству всех социальных групп.

В исходе этой битвы «карликов с гигантом» сомнений не возникало. Хотя на этот раз за Бен Али проголосовал меньший процент избирателей, чем обычно. Несмотря на видимую политическую активность кандидатов от оппозиции на выборах, о какой-либо реальной альтернативе действующему президенту говорить не приходится.

По сути, главная интрига прошедших выборов заключалась в том, каким будет новый состав парламента. Дело в том, что выборы в Палату депутатов осуществляются по смешанной мажоритарно-пропорциональной системе, которая была введена в 1993 г. и ныне резервирует для легальной оппозиции 25% парламентских мест. Подсчет голосов сначала происходит по мажоритарной системе, выявляется партия-лидер, которая занимает 75% всех мест в парламенте, оставшиеся 25% распределяются между другими партиями. За эти места и развернулась настоящая битва.

В парламентских выборах принимали участие, кроме ДКО, еще восемь партий, которые образуют легальную оппозицию. Стоит отметить, что общее количество мест в парламенте увеличивается пропорционально росту населения страны (в 2004 г. в парламенте было 189 мест), законодательство о выборах также увеличивает квоту парламентских мест для партий оппозиции – с 9% в 1994 г. до 20% в 1999 г. и до 25% в 2009 г. Ни один незави-

симый кандидат в парламент не прошел, хотя было порядка 20 кандидатур по независимым спискам. Власти опасаются, что под «прикрытием» независимых кандидатов могут скрываться исламисты, поэтому при существующей избирательной системе беспартийному кандидату в принципе практически невозможно добиться избрания в парламент.

Аналитики отмечают, что оппозиция сильно уступает правящей партии из-за своей разобщенности и существующих избирательных механизмов, благодаря которым в парламент попадают исключительно лояльные, тщательно подобранные кандидатуры. В погоне за мандатами кандидаты «переходили» из одной партии в другую. Шансы попасть в депутатское кресло выше у тех участников, кто возглавляет список, поэтому кандидаты пытались предугадать, чей список в том или ином избирательном округе будет более успешным, и самым неожиданным образом меняли свою партийную принадлежность.

В ходе избирательной кампании снимались списки оппозиционных партий, неугодных режиму. Причем, со слов некоторых партийных деятелей, именно в тех округах, где эти партии могли бы действительно набрать немало голосов.

До сих пор в Тунисе ведут подпольную деятельность запрещенные партии – «Нахда» (бывшее Движение исламской направленности), Коммунистическая партия тунисских рабочих (КПТР) и Республиканский конгресс.

В целом, можно констатировать, что расстановка сил в тунисском парламенте после выборов кардинально не изменилась. Оппозиционные партии с имеющимся у них количеством мест не в состоянии существенно повлиять на политику «партии большинства». Кроме того, оппозиционные силы, представленные в парламенте, чаще всего являются сателлитами правящей партии и не способны существовать без государственной поддержки. Их программы в основном повторяют программу ДКО, а партийные газеты существуют на дотации государства. Министр административного развития Туниса З. Музаффар признал в одном из интервью, что «оппозиция в Тунисе еще молодая, и ей надо многое сделать, чтобы убедить массы голосовать за нее». С другой стороны, оппозицию, которая могла бы реально получить поддержку большого количества избирателей (например, Демократическую прогрессивную партию или «Нахду»), до выборов не допускают. Она, по заявлению ее активистов, не получает государственного финансиро-

вания и равного с остальными партиями доступа к прессе, поэтому вынуждена вести пропаганду через Интернет и европейские СМИ.

Что касается высокого рейтинга ДКО на выборах, то этому есть два объяснения. Во-первых, нерастраченный престиж партии ДКО как наследницы «Нового Дустура». Во-вторых, сохранение патерналистских настроений, т.е. привычка людей голосовать за существующую власть. Свою роль играет и отсутствие хотя бы одной легальной оппозиционной партии, которая могла бы составить противовес правящей.

По данным официальной тунисской прессы, за ходом выборов следили, не считая местного избирательного комитета, журналисты и международные наблюдатели из 23 арабских и западных стран (за исключением США), а также наблюдатели из Африканского союза. Между тем официальный представитель Государственного департамента США заявил, что США «заботчены» тем, что на выборах не было международных независимых наблюдателей. А международная организация «Хьюман раитс вотч» разочарованно отметила, что до объективного освещения выборов в Тунисе еще далеко, так как власти продолжают давление на «журналистов с особым мнением».

Так, 29 сентября 2009 г. прилетевшего из Парижа Х. Хамами, основателя и лидера запрещенной КПТР, полиция задержала и фактически посадила под домашний арест. Ему также не позволили вылететь в Париж на пресс-конференцию, посвященную выборам в Тунисе. Указанные действия связывают с интервью Хамами телеканалу «Аль-Джазира», в котором он обвинил тунисское правительство в репрессиях и нарушениях прав человека. Персоной нон-грата в Тунисе оказалась и корреспондентка газеты «Монд» Ф. Беже, которую по прилете в тунисский аэропорт 20 октября 2009 г. не впустили в страну. Предположительно, из-за ее публикации в этой газете о притеснениях Хамами. Между тем, по центральному «7-му каналу» тунисского телевидения в день выборов демонстрировали интервью с тунисцами, подтверждавшими, что «голосование проходит открыто, без давления, в доброжелательной атмосфере».

Феномен развития Туниса заключается в том, что на фоне положительной социально-экономической динамики идет целенаправленное «завинчивание» гаек оппозиционным партиям и движениям. Еще в 1980-х годах над Тунисом висела серьезная угроза исламизма. Сегодня людям приходится выбирать между свободой и безопасностью, и они склоняются к последней.

В целом политические тенденции здесь имеют много общего, например, с Египтом. Это фактически пожизненное президентство, стремление установить «республиканскую монархию». Большинство населения довольно такой политикой; считается, что она позволила избежать гражданской войны, подобной той, что бушевала в Алжире в 1990-х годах. Но цена политической стабильности – ограничение демократических свобод, общественных и индивидуальных.

Выборы в Тунисе – это «театр и показуха перед Западом», как заявил обозреватель телеканала «Аль-Джазира» А. Бен Арфо накануне выборов в статье «Тунисские выборы и урожай Бен Али». Он обвинил власть в том, что она «поглотила» единственного возможного достойного конкурента ДКО на политической арене – Всеобщий тунисский союз труда, в то время как за деятельность Всеобщего союза тунисских студентов неусыпно следит полиция. После оглашения результатов выборов в Тунисе были заблокированы вещание и сайт «Аль-Джазиры». В ответ на это арабское бюро «Информации по правам человека» со штаб-квартирой в Каире заявило, что «Бен Али победил, а демократия проиграла».

Но в данном случае важна не столько критика, сколько то, как авторитетные западные аналитики оценивают будущее Туниса. А в этом их мнения расходятся. Одни, учитывая возраст действующего президента Туниса и отлаженность системы «под одного человека», предвещают острый политический кризис в условиях вакуума власти, который способен свести на нет все успехи модернизации. Другие же, в частности Николя Бо и Катрин Грасье, авторы книги «Правительница Карфагена», предполагают, что в Тунисе произойдет передача власти внутри «семейного клана Трабелси». А именно: президентское кресло займет «по наследству» либо нынешняя первая леди Туниса Лейла Бен Али (в девичестве Лейла Трабелси), либо зять Бен Али – Мухаммед Шакер аль-Матри.

Впрочем, и самому Бен Али, вполне возможно, не составит затруднений внести еще одну поправку в Конституцию под предлогом популярности его политики и «неиссякаемой» поддержки со стороны населения, с тем чтобы снять существующее ныне ограничение на возраст кандидата в президенты. Однако даже в случае, если у Бен Али не будет формальных препятствий, чтобы претендовать на шестой президентский срок, состояние здоровья в силу возраста делает сомнительной его физическую возможность

управлять страной. По этой причине задача поиска преемника является актуальной для президента Туниса и правящей партии.

*«Азия и Африка сегодня»,
M., 2010 г., № 6, с. 35–40.*

Е. Савичева,

политолог

ЛИВАН И ЕГО ДИАСПОРА: ПРЯМАЯ И ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Не будет преувеличением утверждать, что современный мир во многом есть результат многовековых перемещений человеческих сообществ. Упомянем в качестве примера массовые миграции германских, славянских, тюркских, иранских и других племен в IV–VII вв., запечатленные в истории под названием Великое переселение народов, и далее – обширные арабские, нормандские, османские, монгольские завоевания, освоение Нового Света и других земель в период Великих географических открытий и последовавшую за ними колониальную эпоху. Выходцы из разных социальных слоев, люди разных этнических принадлежностей и различных вероисповеданий устремлялись туда, где они надеялись обрести лучшую жизнь, туда, где благоприятнее выглядели условия для их самореализации.

Таким образом, миграционные потоки людей, стремящихся в более развитые, богатые, благополучные земли – явление далеко не новое, если не сказать, извечное. Растущая мобильность населения в разных странах мира обусловлена, помимо прочих мотивов, непрерывно увеличивающимся разрывом в уровнях жизни, благосостояния, культуры, здравоохранения и т.д. между высоко-развитыми и развивающимися государствами. Не удивительно, что в настоящее время абсолютно преобладающим вектором перемещения мигрантов стало движение из стран бедного «Юга» в государства богатого «Севера». В отдельно рассматриваемом ниже случае с Ливаном к вышеперечисленным факторам можно присоединить перманентное состояние глубокого внутреннего раскола в местном обществе, что в разные периоды усугублялось извне воздействием региональных и международных конфликтов.

Арабский Восток является собой классический пример региона с интенсивным миграционным течением, в основном идущим из этих стран в более развитые экономические зоны (исключая группу

пу нефтедобывающих государств, которые сами превратились в региональный центр сосредоточения трудовых ресурсов). Причины, породившие массовую миграцию, лежат на поверхности. Это – политическая неустойчивость, экономическая депрессия и социальная напряженность, высокий уровень безработицы в арабском мире. Приведем лишь несколько цифр, относящихся к Ближневосточному региону: примерно 30–40% населения живут на 2 долл. в день, тогда как 5–7% владеют 50% национального дохода, 50% жителей неграмотны, 20 млн. человек – безработные.

Обратим внимание и на серьезные демографические проблемы в регионе. По данным одного из зарубежных экспертов, население Ближнего Востока и Северной Африки выросло с 78,6 млн. в 1956 г. до 307,1 млн. в начале XXI столетия. Согласно некоторым прогнозам, его численность достигнет 376,2 млн. в 2010 г., 522,3 млн. в 2030 г. и 656,3 млн. в 2050 г. Такая демографическая динамика неизбежно приведет здесь к исчерпанию земельных и особенно водных ресурсов, поставит регион в зависимость от источников импорта продовольствия, увеличит долю молодых людей в работоспособном возрасте (15–30 лет) с 20,5 млн. в 1950 г. до 145,2 млн. в 2050 г. Сохраняющиеся высокие темпы прироста населения также позволяют предположить, что в ближайшие два десятилетия региону потребуется порядка 100 млн. дополнительных рабочих мест. Социологические опросы, проведенные в странах региона, показали, что 51% молодых людей в возрасте от 17 до 21 года хотели бы эмигрировать в другие страны. Доля лиц с высшим образованием, желающих покинуть родные края ради поиска возможности для успешной реализации своего потенциала, столь же высока. До четверти выпускников арабских светских учебных заведений эмигрируют.

Ситуация усугубляется спецификой развития самих арабских обществ. В них давно назрела необходимость серьезной социально-экономической и политической модернизации и реформирования. Однако даже если в некоторых странах и предпринимаются попытки подобного рода, то, как правило, они не доводятся до логического завершения. А в большинстве случаев правящие режимы, не готовые к осуществлению системных преобразований, тем более в условиях острой внутриполитической борьбы и нестабильной (порой даже взрывоопасной) ситуации в регионе, предпочитают силовые «развязки» решения проблем, фактически отвергая альтернативу длительного, поэтапного, объективно болезненного процесса трансформации общества. И как

итог – колоссальный разрыв в уровнях развития арабских и западных государств, например, соотношение уровней доходов самой преуспевающей страны севера и самой бедной страны юга Средиземноморья составляет 15:1.

Пример Ливана в данном контексте заслуживает внимания уже потому, что в историю этого государства изначально был вплетен миграционный лейтмотив, так же как и логически вытекающее из этого словосочетание «ливанская диаспора». Кризисы, международные, региональные и внутренние конфликты и ставший их неизбежным следствием упадок в экономике и социальной сфере – все это заставляло жителей небольшой арабо-средиземноморской страны на протяжении многих десятилетий покидать родные края и искать счастья далеко за ее рубежами. Только в период опустошительной гражданской войны 1975–1989 гг. из Ливана уехали 900 тыс. человек, и лишь немногие из них впоследствии вернулись на родину. В настоящее время Ливан в национально-демографическом плане является собой необычайный пример: за рубежом проживают порядка 15 млн. уроженцев этой страны и их потомков, тогда как население самой страны насчитывает около 4 млн. человек.

В течение всего XX в. крупные волны миграции совпадали для Ливана с кризисными периодами истории: начало века, ознаменовавшееся сначала ослаблением, а затем и гибелью Османской империи, Первая и Вторая мировые войны, длительная гражданская война, неоднократные вооруженные вторжения извне, оккупация Израилем юга Ливана и т.д., – после чего поток мигрантов из разрушенной «ближневосточной Швейцарии» уже не ослабевал. И если в первой половине XX в. за рубеж в основном уезжали ливанцы-христиане, то во второй половине столетия за ними активно потянулись и мусульмане. Отличительной чертой миграций из Ливана является и то, что миграционные потоки из страны имели всплески, но фактически никогда не иссякали. Активная миграция ливанских христиан за рубеж в первые десятилетия XX в. была обусловлена, помимо всего прочего, и спецификой складывавшейся в стране конфессиональной системы. По традиции, христиане – марониты, православные, армяне – в основном получали образование в частных лицеях и престижных университетах, таких как Американский университет в Бейруте и Университет Святого Иосифа, где программы преподавания были французскими или американскими. Так, в 1968 г. в Американском университете Бейрута учились 55% христиан и 45% мусульман, в Ливанском универси-

тете – 46 и 54% соответственно, а в Университете Святого Иосифа доля студентов-христиан составляла 85%. Кроме того, местные христиане, по большей части марониты, контролировали значительную часть внешнеторговой сферы, что расширяло их возможности для общения с приезжими иностранцами и ознакомления с потенциальной возможностью самореализации за рубежом. В дальнейшем, когда образовательные диспропорции между религиозными общинами начали сглаживаться (в том числе и за счет перевеса в уровне рождаемости среди мусульман), Ливан стал поставщиком рабочей силы за рубеж из всех проживающих на его территории конфессий.

По данным Министерства эмиграции Ливана, из страны в основном уезжает молодежь в возрасте от 20 до 29 лет. При этом 85% мигрантов – это мужчины, что в условиях хоть небольшого, но перевеса количества женщин в стране может создать дополнительную социальную напряженность. Женщины из Ливана в основном уезжают ради замужества или для воссоединения с проживающими за рубежом семьями. Необходимо отметить, что для большинства ливанских мигрантов (90,5%) побудительным мотивом для расставания с родиной служат экономические причины, тогда как 5% направляются в другие страны для получения высшего образования. По данным статистики, пропорция между мигрантами – неквалифицированными рабочими и специалистами – практически равная (последних – 47%).

На ранних этапах переселения арабы активно ехали осваивать американский континент, в том числе латиноамериканские государства, где были и остаются сильны позиции Римско-католической церкви. В отличие от европейских мигрантов, ставшихся обзавестись солидной недвижимостью и скопивших земли в Америке, обладающие коммерческой жилкой ливанские христиане предпочитали крупные города. Именно там они надеялись основать хоть и маленько, но свое собственное дело: мастерские, магазинчики, рестораны и кафе. Из этих мелких предприятий порой вырастали крупные промышленные и торговые компании. Особую волну миграции создали ливанские евреи, ряды которых в середине XX в. пополнились еврейскими переселенцами из Ирака и Сирии. И если в 20–30-е годы они не поддались призыву переехать в Палестину, а в годы первой арабо-израильской войны служили в ливанской армии, то начавшаяся в 1958 г. в Ливане гражданская война вынудила многих евреев покинуть родину.

До сих пор характер расселения ливанских мигрантов и их потомков за рубежом имеет ярко выраженную урбанистическую окраску. В США, например, ливанская диаспора сосредоточена в сугубо «городских» штатах – Мичиган (только в пригороде Детройта Деборне проживают порядка 150 тыс. американцев ливанского происхождения), Калифорния, Огайо, Флорида и Массачусетс; в Австралии – в Сиднее, в Бразилии – в Сан-Паулу, в Канаде – в Монреале. Именно промышленные центры в послевоенные годы (после Первой и Второй мировых войн) давали возможность мигрантам найти достойную работу, которая служила обязательным условием для их интегрирования в общество, развития личности, накопления первоначального капитала, а следовательно, и возможности дать образование детям. И именно в среде второго и последующих поколений мигрантов размывалась граница «мы – чужие», что вкупе с присущей любому амбициозному мигранту активностью позволило некоторым гражданам достичь высших ступенек карьерного роста в бизнесе и государственном управлении. Один из самых ярких таких примеров – мексиканский бизнесмен Карлос Слим, сын мэронаита Юсефа Салима, по прибытии в Мехико сменившего имя на Юлиана Слима. Карлос Слим смог создать телекоммуникационную империю, которая подняла его на второе место в списке самых богатых людей планеты. Сейчас личное состояние Слима оценивается в 60 млрд. долл. Не только на своей родине, но и по всему миру прославились выходцы из Ливана и их потомки: актриса Сальма Хайек (Мексика), певица Шакира (Колумбия), экс-глава совета директоров Fox Broadcasting Co. и United Paramount (TV) Network Люси Салхани (США), бывший глава Ford Жак Нассер (Австралия), известный кризисный топ-менеджер и президент Renault-Nissan Карлос Госн (Бразилия), поднявший на ноги компанию Swatch Николя Хайек (Швейцария), создатели мультфильма «Том и Джерри» Джозеф Барбера и Уильям Ханна, кинопродюсер Марио Кассар (США) и др.

Сейчас ливанцы представляют собой наиболее крупную и притом рассредоточенную по миру арабскую диаспору. 70% мигрантов (родившихся в Ливане и уехавших за рубеж) проживают в США, Австралии и Канаде. При этом ливанцы наряду с египтянами чаще других арабских переселенцев добиваются гражданства в стране-реципиенте.

Процесс формирования ливанской диаспоры начался приблизительно в конце XIX в., когда арабы стали покидать родину, спасаясь от гнета османских правителей. Их, жителей автономного

Горного Ливана, прибывавших на судах в крупные американские и европейские порты, называли тогда сирийцами. Волны миграции в первые десятилетия XX в. устремлялись далеко к американскому континенту в связи с тем, что его не затронула война, там были обширные неосвоенные пространства, активно развивались промышленность и бизнес. И лишь после Второй мировой войны ливанцы начали более активно осваивать истерзанную Европу, которая нуждалась в значительных трудовых ресурсах.

Самое многочисленное ливанское землячество к настоящему времени сформировалось в Бразилии. Там, по разным данным, к ливанцам причисляют себя около 7 млн. человек, что почти в два раза больше населения современного Ливана. Бразилия на рубеже XIX–XX вв. привлекала арабских мигрантов (наряду с немцами, итальянцами и японцами) прежде всего начавшейся индустриализацией и урбанизацией. Кроме того, у арабов-христиан здесь была возможность безо всяких помех отправлять свои религиозные обряды. Все эти факторы вместе взятые обусловили появление крупной ливанской диаспоры именно в этой латиноамериканской стране.

Вместе с тем симптоматично, что в последние два десятилетия поток мигрантов из арабских стран, в том числе из Ливана, в Латинскую Америку ослаб, а предыдущие поколения ассимилировались в пестрое бразильское общество. Этот факт отметил и президент страны Луис Игнасио Лула да Сильва в ходе организованных в 2005 г. торжеств по случаю 125-летия с начала массовой ливанской миграции в Бразилию. По словам да Сильвы, ливанцы смогли внести значительный вклад в создание бразильской нации и интегрировались во все сферы жизни местного общества, привнеся в них свою энергию и талант.

Арабские мигранты первых поколений практически полностью растворились и в социуме Аргентины, где, по оценкам Госдепартамента США, насчитывается около 500–600 тыс. ливанцев, сирийцев и других арабов. Аналогичные процессы имели место и в Мексике, Венесуэле, Колумбии. Отметим, что во второй половине XX в. Латинская Америка перестала быть «землей обетованной» для выходцев из Ближнего Востока – теперь они предпочитали ехать в более развитые страны. Так, в настоящее время в Мексике проживают лишь около тысячи мигрантов, которые родились в Ливане и прибыли на постоянное место жительства в эту латиноамериканскую страну сравнительно недавно, тогда как общее число потомков ливанцев составляет здесь около 500 тыс. человек,

большинство из которых являются христианами и проживают на полуострове Юкатан.

Похожая ситуация сложилась и с ливанскими мигрантами первых волн, направлявшимися в США. Гражданин любых политических, идеологических, религиозных и иных убеждений мог найти здесь себе применение и попытаться реализовать «американскую мечту». Между тем в США ехали в основном арабы-христиане, потомки которых к настоящему времени практически полностью интегрировались в американское общество, отступив от национальных традиций и родного языка. В США, как и в других американских государствах, ортодоксальные (православные) ливанцы часто становились адептами католицизма и протестантизма, отчего они уже окончательно сливались с местной социальной средой.

Сейчас в Соединенных Штатах проживают около 1,5 млн. человек, идентифицирующих самих себя в качестве ливанцев. При этом в отчетах Статистического бюро страны отмечается, что таковыми зачастую считают себя люди, у которых на деле имеется лишь память о предках. Ливанцы составляют самую обширную из арабских диаспор США (29% от общего числа арабов), и лишь 12,2% из них не стали американскими гражданами (аналогичный показатель по всей арабской общине в два раза выше). Ливанцы лучше других арабских мигрантов владеют английским языком (многие из них уже забыли арабский) – только 13,7% получили при тестировании оценки ниже «очень хорошо». По такому показателю, как наличие среднего и высшего образования, потомков ливанцев обогнали только египтяне: среди считающих себя ливанцами среднюю школу окончили 85,6% граждан, а 38,6% отучились в высших учебных заведениях, получив степень бакалавра и выше. Экономические достижения у потомков ливанских мигрантов также оказались более впечатляющими, чем у других арабов, в частности, у них самый высокий уровень занятости и заработной платы.

В последние два десятилетия одним из самых популярных миграционных направлений для Ливана стала Канада. В первую очередь это связано с высоким уровнем жизни в этой североамериканской стране, ее потребностями в молодой и квалифицированной рабочей силе, а также с более мягким миграционным законодательством, нежели в США (где начали жестко ограничивать въезд уже в 1960-е годы). Кроме того, в Канаде вторым государственным языком является французский, которым ливанцы традици-

онно владеют достаточно уверенно. Так, по данным переписи 2001 г., большинство ливанцев и их потомков осели в двух самых густонаселенных провинциях – Онтарио (41,2%) и во франкофонном Квебеке (34,1%), где миграционное законодательство наиболее щадящее.

В Канаде ливанцы представляют собой шестую по численности неевропейскую диаспору, и она продолжает расти. Примерно половина от обосновавшихся здесь к началу нашего столетия ливанцев (143,6 тыс.) родились на своей исторической родине, что, однако, не помешало им наряду с китайцами, украинцами, поляками и индусами быстро интегрироваться в канадское общество. Согласно канадской статистике, 97% мигрантов владеют одним из официальных языков – английским или французским, а 31% – обоими языками (показатель вдвое выше среднеканадского). По сравнению со среднестатистическим канадцем, выходцы из Ливана чаще заканчивают школы и высшие учебные заведения, а учебные степени в высокотехнологичных областях они здесь получают примерно в среднем в два раза чаще. При этом, однако, средний ливанский мигрант имеет зарплату на 2 тыс. долл. меньше, чем средний канадец, а 28% из них не получают прожиточного минимума.

И вот что еще характерно: большинство ливанских мигрантов в Канаде являются христианами – католиками (42%), православными (11%) и протестантами (10%), тогда как мусульмане составляют около 30% от всей диаспоры. Интересен тот факт, что здесь, как и в США, некоторая часть ливанцев вообще не ассоциирует себя с какой-либо религией – около 6% ливанских канадцев в ходе переписи 2001 г. указали, что не принадлежат ни к какой конфессии.

Высокая степень ассимиляции, религиозная и языковая общность создали благоприятные условия, при которых ливанские канадцы включились в активную политическую жизнь. 70% выходцев из этой ближневосточной страны, имеющие право голоса, регулярно реализуют его на федеральных и муниципальных выборах, а 36% состоят в различных общественных организациях. И все-таки жизнь ливанских и других арабских мигрантов в Канаде нельзя назвать безоблачной. Усиливающееся миграционное давление на канадское общество, растущая конкуренция на рынке труда, проявление националистических тенденций привели к тому, что 23% выходцев из Ливана ощущают себя жертвами расовой, религиозной или этнической дискриминации.

Схожая ситуация сложилась с ливанскими мигрантами и в Австралии. Они приступили к активному освоению «зеленого континента» в последней четверти минувшего века. По данным статистики за 2001 г., в Австралии проживали 162,2 тыс. человек, считающих себя ливанцами, половина из которых – потомки мигрантов уже во втором поколении. Притом 80% мигрантов ассимилировались настолько, что даже дома общались на английском языке. В связи с тем, что в последние десятилетия за рубеж из Ливана стало уезжать больше мусульман, в Австралии разница между количеством мусульман и христиан не столь высока, нежели в США или странах Латинской Америки. По данным на 2006 г., среди австралийских ливанцев 53% были христианами, а 40% – мусульманами. Несмотря на то что мигранты и их потомки составляют большую часть населения Австралии и в стране проживают представители 250 этнических групп, не все эмигранты спокойны за свое благосостояние и жизнь.

Всем памятны события декабря 2005 г., когда арабская молодежь громила магазины и переворачивала автомобили на улицах Сиднея. Так мигранты отреагировали на нападения молодых людей европейского обличия на выходцев из арабских стран. Первоначальной же причиной, вызвавшей беспорядки, стало нападение неких мужчин арабской наружности на двух пляжных спасателей в пригороде Сиднея. Сиднейские события вновь подтвердили, насколько хрупкой субстанцией является этноконфессиональный баланс в любой стране, насколько остро в современном мире стоит проблема самоидентификации различных социальных групп и, соответственно, разделения на «своих» и «чужих». В той же связи упомянем, что глобализация перевела в новое измерение широкий круг международных аспектов, включая ту же миграционную проблематику. Она же привнесла специфические черты и в сами миграционные процессы, заставив по-иному взглянуть на их причины и следствия. Есть все основания говорить о том, что проблема миграций из разряда второстепенных перешла в число «горячих тем», став новым вызовом мировому сообществу.

Весьма остро проблема ассимиляции иностранных мигрантов всталась в Европе. Приняв миллионы беженцев, гастарбайтеров и прочих, европейские государства столкнулись с проблемой поиска баланса между традиционными ценностями – свободой слова и личности – и ценностями и потребностями других этносов. Между тем арабская диаспора в Европе, насчитывающая миллионы, послужила питательной средой формирования так называемого

«евроислама». Сегодня ислам – вторая по числу приверженцев религия в Европе. Во Франции, например, мусульманская община – крупнейшая на континенте, и она насчитывает от 5 до 7 млн. человек, составляя около 10% общей численности населения страны. Иммиграция в и без того плотно населенную Европу поставила перед государствами ЕС задачу приобщения переселенцев к европейским ценностям, обеспечения их рабочими местами, предоставления им социальных гарантий. Усиление международной конкуренции, снятие таможенных барьеров в рамках ВТО, появление высокотехнологичных секторов, не требующих привлечения неквалифицированной рабочей силы, – все эти современные факторы парадоксальным образом способствуют созданию ситуации, отнюдь не радующей коренных европейцев и вызывающей их растущую озабоченность: ведь их рабочие места все чаще достаются чужакам, которых к тому же становится все больше.

В ряде европейских стран массовый приток иностранных рабочих из афро-азиатского мира породил острые социальные, религиозные, этнические и расовые противоречия. В принципе европейским государствам с их давними демократическими традициями и уважением прав человека свойственна терпимость по отношению к иммигрантам. Однако в последнее время иммиграция все чаще воспринимается там как явление, негативно отражающееся на всех аспектах жизни европейского сообщества, подрывающее его стабильность и безопасность. Результаты социологических опросов дают неутешительный прогноз: процент жителей стран ЕС, недоброжелательно воспринимающих иностранцев – мигрантов и гастарбайтеров, приближается к 50%.

Какие вызовы и угрозы пестят для Европы массовая миграция, в том числе арабо-мусульманская? Отметим, что последствия этого процесса могут быть неоднозначными и противоречивыми, причем для обеих сторон. Известный российский востоковед А.В. Малашенко полагает, что в ближайшие десятилетия Европе предстоит претерпеть «коррекцию идентичности», а исламская традиция «становится органической и легитимной частью европейской культуры». К сожалению, непосредственное сосуществование и взаимодействие компактных этноконфессиональных общин сегодня зачастую наполняется конфликтогенным содержанием. Иммигранты, недовольные условиями жизни и не в полной мере готовые адаптироваться к новой среде, являются собой социальную базу для нестабильности, в том числе политической, в странах Запада. Негативное восприятие мусульман-иммигрантов

связано с тем, что последние с большим трудом интегрируются в общественную, политическую и культурную жизнь принимающих стран, сохраняя при этом генетическую и конфессиональную привязанность к своим истокам. Безусловно, многим арабам-иммигрантам труднее, чем другим иностранцам, приспособиться к условиям жизни в европейской стране. Они, особенно на первых порах, очень нуждаются в помощи своих земляков и этнических общин, которые постепенно успели обрести внутреннюю структуру, живут по своим особым правилам и законсервировали внутри себя религию, культуру, нравы и обычаи своей родины. И в результате внутри общеевропейского пространства возникают своеобразные, чуждые окружающей социополитической среде анклавы, жизнь в которых зачастую регулируется неписанными законами, обычаями и чье население де-факто оказывается за пределами официальной юрисдикции.

Огромный приток иммигрантов со всего «третьего мира», в том числе из арабских стран, создал значительные проблемы для европейского населения. Это, прежде всего, безработица; кроме того, стремительно выросла преступность (особенно с приставкой «этно-»), возникли опасения и насчет будущего ряда стран: в демографическом плане – из-за высокой рождаемости в мусульманских семьях, и в плане культурном – памятую о возможной перспективе «растворения» национальной самобытности в «поликультурном» обществе. Нелегальная миграция, кроме того, представляет питательную среду для террористических и экстремистских проявлений, для наркотрафика и прочих разновидностей криминала.

Самой «востребованной» европейской «станцией назначения» для арабских мигрантов является Франция. Сюда в основном едут выходцы из бывших французских колоний – Алжира, Туниса и Марокко. Но, несмотря на то что и у Ливана с Францией существуют давние исторические связи, это государство не стало для его мигрантов самым популярным. В начале нашего столетия во Франции проживало почти 2,4 млн. выходцев из арабских стран, из которых только 35 тыс. – ливанцы (статистика охватывает только родившихся в Ливане мигрантов, а не их потомков). Правда, миграция во Францию имеет свои особенности: в этой стране оседает больше всего студентов, отучившихся во французских высших учебных заведениях. Это означает, что родина мигрантов лишается получивших европейское образование высококвалифицированных специалистов. Вместе с тем едущие во Францию ли-

ванцы и без того обладают одним из самых высоких уровней образования, они наряду с египтянами и сирийцами лучше других арабских переселенцев адаптируются к новым условиям жизни и быстрее обретают гражданство. Основную массу арабских мигрантов во Франции составляют выходцы из стран Maghrib, многие из которых не обладают достаточным образовательным и культурным уровнем для успешной ассимиляции. Кроме того, как показала практика, темпы миграции существенно опережают возможности государства по регулированию миграционных процессов и адаптации к их последствиям. Недовольство мигрантов или местных жителей, а также их взаимные антипатии нередко переходят критическую черту и выливаются в серьезные социальные коллизии. Примеров тому много, из числа последних – масштабные беспорядки, начавшиеся в парижском пригороде Иль-де-Франс и выплеснувшиеся на другие пригороды с преимущественно иммигрантским населением.

Между тем проблема ливанской миграции во Франции и других государствах Европы стоит не столь остро. Как уже отмечалось, миграционные потоки из Ливана характеризуются своей дисперсностью. Если большинство выходцев из Туниса и Алжира следуют в основном во Францию, из Марокко – в Бельгию и Швейцарию, из Ливии – в Италию, из Египта – в Грецию и Великобританию, то ливанцы рассредоточились по всей Европе. Так, в Швеции в начале века проживало около 20 тыс. ливанцев, более 10 тыс. – в Великобритании и Дании. Количество ливанцев и их потомков в Германии оценивается в 46 тыс. человек (2006) и большинство из них – мусульмане-шииты, обосновавшиеся здесь в 1975–1989 гг. И если неквалифицированные рабочие предпочитают ехать в государства, близкие по языковому признаку, то получившие высшее образование ливанцы находят себе применение в различных странах.

Такая ситуация, помимо прочего, связана с развитием постиндустриального общества и глобализацией, размывающими границы в высокотехнологичных областях и финансовой сфере – отличному программисту вовсе не нужно грамотно писать по-датски или по-шведски, но обязательно требуется обладать должной квалификацией и знанием англоязычной терминологии. Естественно, что проблема замещения рабочих мест мигрантами-гастробайтерами, запросы которых по части оплаты труда обычно на порядок ниже, не может не волновать европейцев. Таким образом, увеличивающееся миграционное давление создает напряжен-

ность не только в конфессиональной области, но и попутно в сфере трудовых отношений. И подобные проблемы характерны не только для развитых государств, но и для стран Африки, куда также устремляются миграционные потоки из арабских стран. Правда, для Черного континента ситуация на рынке труда существенно отличается: пришлые мигранты оказываются более квалифицированными, предприимчивыми и расторопными, чем местные уроженцы, многим из которых приходится пополнять и без того обширную армию безработных.

Ливанцы активно «осваивали» Африку в десятилетия мировой рецессии (1918–1945), затем намного позже – во время гражданской войны (1975–1989), когда потоки ливанцев хлынули не только в Северную Америку и Европу, но и в Западную Африку: Нигерию, Гвинею, Сьерра-Леоне, Либерию, Бенин. Причем бывшие французские колонии в Африке выбирали себе для проживания в основном мусульмане-шииты из Южного Ливана. В африканских государствах бизнесмены из числа ливанских переселенцев являются уважаемыми гражданами, а ливанские землячества инвестируют свои средства не только в экономику, но и в социальную сферу, в благотворительность. Однако наблюдатели и местные власти беспокоят такая проблема, как возможная вовлеченность богатых ливанцев в «теневую» экономику, их же нередко подозревают в оказании нелегальной помощи экстремистским структурам. Проблемой вовлеченности мигрантов в «теневую» экономику глубоко обеспокоены в власти Сьерра-Леоне, где в 2005 г. была значительно повышена плата за регистрацию трудовых мигрантов. По мнению экспертов из организации «Африканско-канадское партнерство», подобным образом правительство Сьерра-Леоне пытается лимитировать деятельность ливанских предпринимателей, особенно в области торговли алмазами. Официально экспорт алмазов в Сьерра-Леоне контролируют девять компаний, среди которых есть и ливанские, посредниками же выступают около 80 физических и юридических лиц. Однако размах нелицензионной добычи и подпольной торговли алмазами дает специалистам повод предположить, что ливанцы активно в нее втянуты.

Отдельного рассмотрения заслуживает тема ливанской миграции в страны Персидского залива. Переселение ливанцев, равно как и других арабов, в аравийские монархии явилось в свое время логичным следствием нестабильности внутри стран-доноров и ускоренного экономического роста стран-реципиентов в связи с ак-

тивным освоением нефтяных богатств. Стоит вспомнить, что в конце 1950-х – начале 1960-х годов «заливные» государства столкнулись с острой нехваткой рабочей силы, динамика роста которой не поспевала за развитием нефте- и газодобывающих отраслей, химической промышленности, транспортной инфраструктуры. Однако перекос был довольно скоро компенсирован, в основном, благодаря «межарабской» трудовой миграции, где ливанцы с палестинцами шли в первых рядах. Вторым по значимости «арабским» направлением для ливанской миграции после стран Персидского залива является Египет.

Самая большая доля ливанских мигрантов отправилась в другие арабские государства после начала гражданской войны 1975–1989 гг. Противостояние между христианами и мусульманами расщепило поток переселенцев по конфессиональному признаку: в страны Америки и Европы выезжали в основном христиане, тогда как в другие арабские, а также африканские государства – мусульмане. По данным на 1982 г., за семь первых лет гражданской войны в Ливане оттуда уехали 276 тыс. человек, из которых 110 тыс. направились в нефтедобывающие страны Персидского залива, 10 тыс. – в другие арабские государства и 16 тыс. – в африканские страны. И если Африка привлекала малоквалифицированных работников, а также мелких коммерсантов, то в аравийские монархии ехали самые востребованные – инженеры, техники, специалисты в области бизнеса и финансов. По данным ООН, страны Персидского залива за всю войну стали прибежищем примерно для 40% из 900 тыс. ливанцев, уехавших из страны. Чаще всего ливанцы уезжали на заработки в ОАЭ (28%), страны Африки (27%), Саудовскую Аравию (23%), Кувейт. На настоящий момент предоставить более или менее точную информацию о количестве трудовых мигрантов из Ливана, находящихся в других арабских государствах, будет весьма затруднительным. Это объясняется, в частности, тем, что некоторые страны-реципиенты не ведут подобной статистики, а также и тем, что многие мигранты живут, не имея при этом постоянного статуса пребывания и не получая гражданство.

По имеющимся данным, только за последнее десятилетие XX в. из Ливана уехали на постоянное место жительства или на временные заработки около 350 тыс. граждан, т.е. почти 10% населения. Очередная волна миграции захлестнула Ливан во время и после конфликта с Израилем в июле 2006 г. Уровень безработицы достиг тогда 20%, более 500 тыс. граждан лишились крова, что

вынудило 100 тыс. человек покинуть родину. В ходе боевых действий наименеещий ущерб был нанесен самым бедным, северным районам страны, поэтому в миграционный поток влились в основном жители южных районов и Бейрута, формировавших большую часть ВВП страны.

Массовый миграционный отток из Ливана вызывает опасения у Бейрутского правительства и экономистов международных финансовых институтов. Хотя после гражданской войны и вторжения Израиля в 2006 г. власти страны приняли программу, стимулирующую возвращение переселенцев (восстановление жилищ для репатриантов и т.д.), однако лишь малая толика уехавших за границу граждан возвращается на родину, тогда как остальных пугает ее нестабильное настоящее и неопределенное будущее. И здесь необходимо отметить не только материально-финансовые, но и морально-психологические факторы, побуждающие ливанцев оставаться в странах-реципиентах. Например, по данным экспертов Программы развития ООН, ливанские мигранты в последние десятилетия стали тратить по новому месту жительства заметно больше средств на воспитание и образование своих детей. Другими словами, родители заранее ориентируют и готовят молодежь к дальнейшей жизни и работе на «чужбине», находя это лучшей альтернативой по сравнению с возвращением в Ливан (где безопасность и благополучие существования давно уже не гарантируются).

Следует также указать на то, что период независимого развития Ливана характеризовался активным проникновением сирийских интересов. Это состояло в многолетнем присутствии 35-тысячного контингента из «братьской соседней страны», в плотной опеке Дамаском ливанской политической и деловой сфер. В частности, на рынке рабочей силы наблюдалось засилье сирийских гастарбайтеров (по неофициальным данным, их число в отдельные моменты приближалось здесь к миллиону), а в самых прибыльных отраслях ливанского бизнеса вовсю хозяйничали дамаские спецслужбы. И такое положение сохранялось вплоть до момента, когда после убийства Р. Харири дамасское руководство попало под мощное международное давление и сирийские войска вынуждены были весной 2005 г. покинуть Ливан.

Между тем доходы мигрантов являются едва ли не основной доходной статьей для Ливана. По оценке Всемирного банка, в 2006 г. 26% ВВП страны (около 5,6 млрд. долл.) составляли средства, переводимые мигрантами на родину (в начале 1980-х годов

этот показатель достигал 40%). Причем около половины переводов поступали от 400 тыс. ливанцев, работающих в странах Персидского залива, в основном в Саудовской Аравии, ОАЭ и Кувейте. Эти средства, увеличивающие покупательную способность ливанских семей, тем не менее никак не способствуют развитию производственного сектора (инвестиции если и вкладываются, то главным образом в сферу услуг).

Миграция породила проблему «утечки мозгов» из Ливана, которая со временем обостряется. Страна, которая крайне нуждается в восстановлении социальной, политической и экономической инфраструктуры, неуклонно и притом безвозвратно теряет самые квалифицированные и к тому же молодые ресурсы. Эту ситуацию пока не удается переломить. Самыми привлекательными странами ливанцам кажутся Канада, США, Франция, Австралия и Швеция. Вместе с тем правительство в Бейруте рассчитывает на содействие ливанского лобби за рубежом (по образцу и подобию уже сложившегося израильского или кубинского в США), которое помогло бы в реализации программ восстановления ливанского государства. Так, мигранты активно лоббировали принятие Конгрессом США и парламентом Канады заявлений в защиту суверенитета Ливана. В 1999 г. при правительстве Салима Хосса (совмещавшего посты премьера и главы МИД) был издан министерский декрет, которым предусматривалось изучение потенциальных возможностей ливанской diáspоры для привлечения в страну инвестиций и улучшения ее имиджа за рубежом. Серьезными изысканиями по теме национальной миграции занялся Ливанский исследовательский центр миграции, созданный при Университете Нотр-Дам. К задаче привлечения в страну квалифицированных трудовых ресурсов подключилась и ООН – в Ливане действует программа TOKTEN (Transfer of Knowledge Through Expatriate National). В рамках данного проекта к работе в Ливане привлекаются высококвалифицированные специалисты из числа эмигрантов, которые оказывают консалтинговые, проектировочные, администрации услуги в области образования, геологоразведки, строительства, сельского хозяйства и пр. Ливанские университеты и другие учреждения настойчиво приглашают мигрантов к прохождению стажировок и последующей работе на родине.

Доминанта конфессионализма, изначально заложенная в государственное устройство страны, всегда влияла на жизнь ливанской diáspоры за рубежом, и через нее же опосредованно это влияние возвращалось на родину. Так, большую роль в создании и

развитии маронитской партии «Катаиб» сыграли рожденные в Египте братья Пьер и Морис Жмайели (сыновья первого – Башир, а после его гибели Амин Жмайели – избирались в 1982 г. на президентский пост); шиитская диаспора Западной Африки активно поддерживала «Амаль», а осевшие в развитых государствах Запада христиане-эмигранты отдавали симпатии «Свободному патриотическому движению» Мишеля Ауна либо конкурентам из право-христианских «Ливанских сил»; наконец, фонд «Настоящее ради будущего» Рафика Харири действовал в интересах суннитской общины.

В большинстве государств, где осели ливанские мигранты, уже на протяжении десятилетий действуют клубы, гуманитарные и деловые ассоциации разного рода, совместные организации, социальные интернет-сети и т.п., которые организуют культурные мероприятия, курсы арабского языка, налаживают связи с иностранными бизнесменами и помогают им в выходе на ливанский рынок. Влиятельными инструментами в этой работе являются, например, Всемирный союз маронитов, Американо-ливанская торговая палата, Всемирный ливанский культурный союз, Союз ливанских эмигрантов-шиитов. Помимо прочего, через диаспоры осуществляется финансовая подпитка «малой родины». Во время и после гражданской войны основанные мигрантами компании подключались к восстановлению страны. Самый большой интерес для них представляли сферы строительства, сельского хозяйства, коммуникаций, финансов. Так, в начале 1990-х годов эмигранты инвестировали капиталы в 42 из 86 существовавших в Ливане банков. Во многом усилиями мигрантов, живущих в Европе и Северной Америке, произошла переориентация ливанского экспорта с арабских государств (куда, например, в 1984 г. шло до 95% ливанской продукции) на рынки развитых стран. Перед ливанским правительством всегда стояла задача сплотить мигрантов под лозунгом их общей принадлежности и патриотической приверженности своей родине, употребить их влияние в странах-реципиентах для того, чтобы обратить внимание последних на внутреннее положение в Ливане. Пожалуй, самым ярким примером приложения финансового и интеллектуального потенциала на благо родины вне конфессионального аспекта является деятельность покойного Рафика Харири (погибшего в результате теракта в Бейруте в феврале 2005 г.). Родом из Сайды, молодой Харири в поисках лучшей доли уехал в 1965 г. в Саудовскую Аравию, где поначалу работал учителем, а затем бухгалтером. В 1969 г. он основал там строитель-

ную компанию CICONEST, выполнявшую заказы королевского двора, а в 1978 г. получил местное подданство. Успешно развивая свою «бизнес-империю» и приобретая активы в нефтяной, телекоммуникационной, строительной и финансовой областях, он параллельно инвестировал значительные средства в восстановление Ливана. При этом Харири, осознавая значимость проблемы «утечки мозгов» для своей родной страны, вкладывал деньги в обучение ливанцев всех конфессий, а также и в другие социальные проекты. Р. Харири и его сподвижники – ливанские предприниматели из числа мигрантов в странах Персидского залива – оказывали помощь православному Теологическому институту Иоанна Дамаскского (Университет Баланда) и Университету Святого Иосифа, а также основали «Исламскую ассоциацию высшего образования». В 1992 г. Р. Харири возвращается на свою историческую родину и впервые становится премьер-министром (пост, который он затем покидал и вновь на него возвращался).

В целом можно говорить о том, что нынешнее ливанское правительство гораздо более заинтересовано в инвестиционном содействии соотечественников, мигрантов, нежели в их приобщении к политической жизни страны. При изучении жизни ливанских диаспор за рубежом экспертами ООН выявлены и иные факторы, которые мешают эффективному участию эмигрантов в восстановлении страны. Так, на практике оказалось, что многие ливанцы за рубежом фактически лишены права голоса на выборах в местные законодательные органы, однако процедура восстановления ливанского гражданства крайне усложнена, (и это – несмотря на наличие соответствующего законодательства).

Таким образом, остается констатировать: потенциал ливанских диаспор, которые глубоко ассимилировались в развитых государствах, а в странах Персидского залива и Западной Африки зарабатывают самые крупные капиталы, на благо самого Ливана используется далеко не в полной мере. И в этом плане бейрутской администрации предстоит еще приложить немало усилий. В первую очередь, опыт мигрантов, их профессионализм и капиталы должны быть задействованы на благо восстановления инфраструктуры Ливана и адекватного кадрового наполнения. Естественно, результативность этого процесса будет зависеть от многих обстоятельств, в том числе и тех, что выходят далеко за рамки небольшого ливанского государства.

«Вестник РУДН. Серия «Международные отношения», М., 2010 г., № 2, с. 86–100,

Эльдар Касаев,

политолог

МОДЕРНИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ (Эволюция политизации ислама на национальном и региональном уровнях)

Исламу принадлежит особое место в становлении системы региональных международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке. Во многом это определено той ролью, которую сыграла мусульманская религия в судьбах народов этих регионов, их социально-экономической и политической жизни. Под знаменем ислама разворачивался первый этап национально-освободительных движений в ряде восточных стран. Наряду с национализмом ислам нередко выступал в качестве составной части мобилизующих идеологических концепций, которые использовались политическими лидерами Востока в борьбе за независимость или в процессе модернизации. Мусульманские движения стали неотъемлемым элементом политического спектра переходного общества.

Ближний и Средний Восток – это историческая родина ислама и традиционный ареал формирования мусульманской культуры. Здесь находятся главные святыни последователей основных направлений в исламе (суннитов и шиитов). Сегодня этот регион продолжает оставаться эпицентром исламского влияния на все другие страны мира, население которых исповедует эту религию, в том числе Россию и часть государств СНГ. Это влияние включает в себя распространение исламского духовного наследия, мусульманских культурных традиций, достижений современной исламской мысли, а также опыта политических и социально-экономических преобразований на основе исламской модели развития или попыток ее претворения в жизнь.

Вместе с тем воздействие исламского фактора на региональные международные отношения часто отождествляется с деятельностью исламистов (сторонников использования ислама в политических целях), направленной на приобретение власти, часть из которых выступает под лозунгами возрождения истинного ислама и отрицает свою приверженность к процессам индустриализации и модернизации. Так ли это на самом деле? Являются ли попытки создания исламистами на территории Северного Кавказа суверенного мусульманского государства, приводящие к кровопролитным

вооруженным столкновениям и политической нестабильности в регионе, средством модернизации? Рассмотрение и подробное ознакомление с условиями возникновения политизированного исламского фундаментализма, его особенностями и эволюцией в различных мусульманских странах поможет четче разобраться в истинных и мнимых целях этого движения, а также выявить его особенности в масштабах России.

Отечественные политологи, историки, социологи стали в последнее время уделять внимание превращению исламского фундаментализма на Ближнем и Среднем Востоке в самостоятельный фактор международной и региональной политики. На характер очередного этапа в развитии исламского фундаментализма повлияли, главным образом, два обстоятельства.

Во-первых, это изменения, произошедшие в нашей стране и в мире за последнее десятилетие, многие из которых объективно способствовали возникновению новых предпосылок для роста фундаменталистских тенденций в исламе. Прежде всего это выражалось в фактическом создании монополярного мира, значительной утрате влияния России на Ближнем Востоке, образовании на постсоветском пространстве новых государств «исламской ориентации», руководство которых декларирует приверженность мусульманским ценностям или включает свою территорию в «районы традиционного распространения ислама».

Во-вторых, всплеск мусульманского радикализма в отдельных государствах Ближнего и Среднего Востока инициировал в свою очередь обострение противоречий между представителями различных течений и направлений в самом исламе.

Вопросы, связанные с изучением феномена исламского фундаментализма и его влияния на социально-политическую обстановку в странах Ближнего и Среднего Востока, уже сравнительно давно находятся в поле зрения зарубежных и отечественных исследователей. Вместе с тем воздействие (прямое или косвенное) «радикального ислама» на формирование региональных международных отношений, с учетом значительной вовлеченности в дела региона других государств, может представлять определенный практический интерес.

Одной из первых проблем, с которой сталкивается исследователь при рассмотрении исламского фундаментализма, является неоднозначность трактовки самого термина. Иногда даже высказывается мнение о существовании нескольких разных «фундаментализмов». Считается, например, что в исламских странах с пере-

ходным типом экономики в религиозной сфере присутствуют и взаимно влияют друг на друга три тенденции, которые некоторые отечественные исследователи определяют как типы религиозного сознания в исламе:

1. «Ортодоксальная», или «традиционистская» (носители которой оправдывают существующее положение и противодействуют каким-либо экономическим и социально-политическим переменам и в принципе возражают против изменений исламского вероучения).

2. «Возрожденческая» (выступают за очищение ислама и возврат к его истокам, т.е. так называемые фундаменталисты).

3. «Реформаторская», или «модернистская» (требуют модернизации исламской практики в соответствии с изменившимися условиями реальной жизни).

Со своей стороны замечу, что в идеологии исламского возрождения доминируют традиционистская и возрожденческая тенденции. Обе они взаимопротивостоят, вступают в противоречия и вместе с тем составляют единое целое. В то же время, указывая на два основных направления (традиционизм и модернизм), нельзя не выделить в традиционной форме еще одно направление – исламский фундаментализм.

Внешне традиционизм и фундаментализм схожи, так как и тот, и другой выступают за возрождение традиционных исламских норм поведения, обычая, наказаний. Более того, и тот, и другой порой применяют, хотя и в разной степени, экстремистские методы. Однако за общей формой существуют серьезнейшие расхождения. Каковы же они? Традиционизм использует традиционную форму для сохранения традиционных отношений. Фундаментализм же делает то же самое, стремясь к радикальной перестройке или даже к революции. Кроме того, различие между традиционизмом и фундаментализмом заключается еще и в том, что традиционисты ограничиваются территорией своей собственной страны, а фундаменталисты стремятся выйти за ее пределы. Некоторые исламоведы скептически оценивают термин «фундаментализм». Так, например, известный политолог Дж. Эспозито воспринимает «фундаментализм» как термин, слишком перегруженный христианскими понятиями и западными стереотипами, а также как термин, заключающий в себе монолитную угрозу, которой не существует.

Однако наличие достаточно широкого спектра подходов к определению понятия «исламский фундаментализм» на практике

часто сводится к более упрощенной трактовке. Многие обозреватели, аналитики, специалисты-практики, журналисты рассматривают исламский традиционализм как сравнительно устоявшееся понятие, обозначающее, в том числе, политику, направленную на сохранение или возрождение традиционной исламской модели общественных отношений как условия дальнейшего успешного развития мусульманской общины (уммы). При таком подходе собственно исламский фундаментализм предстает как явление, возникающее на основе традиционализма в период очередной революционной фазы, когда появляется необходимость радикального возвращения к истокам по принципу: «Назад – в будущее». В целом можно выделить ряд характерных черт, свойственных исламскому фундаментализму.

1. Обращение к истокам вероучения в целях перестройки общественных отношений на основе базовых религиозных ценностей – возрождение истинного ислама.

2. Активные действия по установлению исламской власти, приведению законодательства в соответствие с положениями Корана и Сунны, продвижению во все сферы общественной жизни норм морали, существовавших во времена Пророка и его ближайших сподвижников.

3. Более или менее радикальный характер проводимых в соответствии с идеологическими установками политических, социальных и экономических преобразований (так называемая исламская революция).

4. Осуществление активного внешнеполитического курса в направлении достижения единства с аналогичными движениями за рубежом; проведение международной деятельности по распространению идей исламского возрождения.

Последнее, в частности, характерно не только для Ближнего и Среднего Востока, но отчасти и для регионов Северного Кавказа и Средней Азии. С учетом изменений в религиозно-политической обстановке в странах Ближнего и Среднего Востока, вызвавших в последние годы известную нивелировку различий в формах и методах действий сторонников многочисленных направлений традиционализма и фундаментализма, можно указать на появление более универсального определения понятия «исламизм».

Если в середине 1990-х годов исламизм трактовался как новый фундаментализм, то сегодня его чаще употребляют в значении «политический ислам», а исламистами на Ближнем Востоке нередко называют уже всех тех, кто активно использует исламскую рели-

гию как средство достижения политических целей. Очередная волна политизации ислама в современном мире происходит на фоне процессов, которые одни обозреватели, чаще всего на Западе, объясняют как следствие «цивилизационного противостояния», а другие, преимущественно в исламских странах Востока, определяют как своего рода новую fazу неизбежного конфликта между постиндустриальной и альтернативной ей традиционалистской моделями развития.

В обоих подходах исламский фундаментализм, выступающий в качестве фактора региональной международной политики, приобретает в известной мере конфронтационный и деструктивный смысл. Вместе с тем значение этого феномена в социальной жизни и политических отношениях на Ближнем и Среднем Востоке представляется гораздо шире и не может рассматриваться вне контекста объективных условий его возникновения. В последнее время в вопросах соотношения ислама и политики стали формироваться два подхода к оценке идеологии и практики современного исламизма.

Первый подход заключается в трактовке происходящих в мусульманском мире событий с позиций возрождения ислама. Второй – за активизацией исламского фактора стоят конкретные экономические и политические интересы.

В первом случае прослеживается идея о том, что современный исламский фундаментализм – это закономерное явление в рамках очередной волны исламского ренессанса и исламской модернизации. Оно отражает стремление части мусульман к возрождению истинных исламских ценностей в условиях процесса глобализации, а также связано с сохраняющимся цивилизационным противостоянием. В этой связи следует заметить, что существующее несправедливое положение в международных отношениях, отсутствие реально устраивающих население развивающихся стран результатов в построении демократического, гражданского общества, нерешенность острых социально-экономических проблем – все это выступает факторами, способствующими переходу радикальных исламистов на позиции политического экстремизма. При таком подходе проблема так называемого исламского терроризма в ряде случаев предстает как отражение экстремальных форм борьбы за равноправное участие в мировой политике, реакция на засилье западных стран в мировых делах, как борьба за национальный или конфессиональный суверенитет.

Политологическая оценка с таких позиций происходящих событий дает иные, чем с применением иного подхода (если можно так выразиться, политического ислама), результаты. Исходным пунктом этой методики, как правило, выступает анализ геополитических мотивов (нефть, сферы влияния) в международных делах. При этом сторонники данного подхода полагают, что, например, за ваххабизмом в России, движением «Талибан» в Афганистане, организацией «Братья-мусульмане» в Египте стоят конкретные политические силы, которые используют религиозный радикализм этих и подобных движений в интересах решения своих корыстных, в конечном итоге, задач.

Под таким углом зрения исламские экстремисты предстают как бы орудием в проведении политики отдельных западных или восточных государств, направленной на достижение конкретных геополитических целей: создание позиций или установление контроля в жизненно важных регионах – торговые пути, транспортировка энергоносителей, добыча отдельных видов минералов.

Таково схематичное и далеко не полное изложение различных взглядов на проблему соотношения ислама и политики в современном обществе. Однако есть и некоторые дополнительные возможности для прогностического анализа дальнейшего хода распространения идеологии исламского фундаментализма и ее влияния на международные отношения, которые лежат в иной плоскости.

Возможно, продуктивным будет изначальный совокупный учет социально-экономических интересов различных слоев исповедующего ислам населения. В конечном итоге спрос электоральных групп на радикальный ислам, который предполагает решительные шаги по установлению «исламского порядка» (социальная справедливость, равенство, введение в действие шариата – божественного, а не людского законодательства), рождает соответствующее предложение. При этом социальная база исламистов будет пополняться за счет представителей тех групп населения, которые связывают удовлетворение своих социально-экономических и соответствующих им политических интересов с установлением исламской формы правления.

Следует напомнить, что выход исламских фундаменталистов на авансцену политической жизни, увенчавшийся приобретением ключевых позиций во властных структурах ряда стран Ближнего и Среднего Востока или установлением их доминирующего идеологического влияния на общество, или же образованием мощной оп-

позиции правительству в этих государствах, был обусловлен, прежде всего, социально-экономическими причинами.

Напряженная экономическая ситуация, вызванная, в известной мере, подчиненным положением восточных стран западным транснациональным корпорациям, позволила радикальным исламским группировкам привлечь симпатии представителей беднейших слоев населения. Кроме того, исламские движения, основы которых изначально составляли радетели за чистоту ислама, требовавшие возвращения к временам праведных халифов, социального равенства и справедливости, приняли на себя функцию выразителей интересов части социальных слоев и групп, возникших, в том числе, и как результат попыток модернизации традиционного общества на основе заимствованных моделей. В данном случае исламским фундаменталистам удалось использовать протестные настроения части населения в интересах обеспечения поддержки планов по реализации своих идеологических установок. Их социальная база формировалась во многом благодаря специфической роли исламской религии в политической жизни Востока. Говоря о различиях общественного устройства в христианском и мусульманском мире, стоит отметить, что ислам как религиозная доктрина и форма социальной организации всегда играл на мусульманском Востоке несколько иную роль, нежели христианство в Европе. Он заполнил собой все поры мусульманского общества, определил характер экономических отношений и формы политической администрации, социальную структуру, культуру и быт правоверных. Духовная жизнь в мусульманских странах протекает в рамках ислама, является исламской как по сути, так и по форме. Для мусульманина выступить против ислама означает выступить против всего того, что есть в жизни и в обществе, противопоставить себя ему, оказавшись вне его и закона. Обоснованность введения исламской формы правления, согласно представлениям исламских фундаменталистов, заключается даже не столько в универсальности норм шариатского права для значительной части афро-азиатских обществ, сколько в его альтернативности законодательству, принимаемому в соответствии с западным (изначально, в период древности, – античным) путем развития. Кроме того, в жизненности заложенных еще во времена Пророка Мухаммеда принципов конституционной слитности уммы, которая, вне зависимости от национальной и культурной принадлежности, объединяет всех правоверных.

Политическая деятельность исламских фундаменталистов различается в зависимости от их положения в обществе: легальное в Судане, Марокко, Палестинской автономии, Ливане, полулегальное в Йемене, Саудовской Аравии и нелегальное в Алжире, Египте. В большинстве стран Ближнего и Среднего Востока группировки фундаменталистской ориентации подразделяются на умеренные, радикальные и экстремистские. Основным критерием этого разделения служит, как правило, степень их вовлеченности в оппозиционную или антиправительственную деятельность, а также готовность к применению насилиственных и вооруженных методов в достижении поставленных политических целей. Вместе с тем, общая идеологическая платформа исламского фундаментализма (как в шиизме, так и в суннизме) в целом, несмотря на имеющиеся различия, сохраняется.

Проблема насилия при осуществлении «исламского призыва» в концепциях различных направлений движения фундаменталистов обуславливается имеющимся противоречием между декларируемыми принципами мирного сосуществования представителей различных вероисповеданий и требованиями джихада, который является священной обязанностью каждого мусульманина, и решается фундаменталистами в зависимости от конкретных социально-политических условий их деятельности.

Установление «исламского порядка» в понимании мусульманских фундаменталистов означает возврат к первозданным ценностям исламской цивилизации, реконструкции раннего исламского государства («халифата Тимамата») и возвращения к положению, которое существовало во всех областях – социальной, экономической, политической и культурной – в эпоху Пророка Мухаммеда и его ближайших сподвижников, на основе возрождения фундаментальных духовных ценностей. Вся жизнь общества, которая, по замыслу фундаменталистов, отвечает идеям социальной справедливости и гармонии, регламентируется положениями шариатского законодательства. В производственно-экономической сфере допускается как частная собственность, основанная на личном труде, так и общественная – государственная и кооперативная; средства производства используются в интересах всей общины; распределение осуществляется по принципу «от каждого – по способностям, каждому – по благочестию».

Перечисленные выше некоторые характерные черты и установки исламского фундаментализма в той или иной мере присущи в целом большинству исламских движений, проповедующих идео-

логию возрождения истинного ислама. Однако роль исламского фундаментализма, как и вообще исламского фактора, специфична для разных государств Ближнего и Среднего Востока.

В 1990-х годах наметилась тенденция к образованию своего рода многополярности очагов исламского фундаментализма. В частности, выделился ряд стран, на территории которых в силу разных причин происходил рост исламских движений, придерживающихся фундаменталистской идеологии. Среди них Алжир, Египет, Судан, Палестинская автономия, Йемен, а также Иран и Афганистан. Кроме того, продолжалась деятельность исламистов в Саудовской Аравии, которая приняла форму религиозной оппозиции, а также в других мусульманских регионах Востока. Этот процесс не прекращается, и в будущем возможен перенос активности исламистов в другие страны, которые со временем могут также войти в зону влияния исламских фундаменталистских группировок.

Немаловажное значение для всестороннего анализа региональных международных отношений на Ближнем и Среднем Востоке приобретает учет деятельности различных исламских неправительственных религиозных организаций, не имеющих прямого отношения к группировкам исламистов. Как правило, активность этих организаций носит межмусульманский характер и не имеет ярко выраженной радикалистской направленности. Среди пользующихся наибольшей популярностью таких объединений можно выделить, например, суннитскую Группу уведомления и предупреждения о грядущем Страшном суде и исламского призыва, которая возникла в Индии в начале XX в. и затем распространилась в Пакистане, Бангладеш, других регионах Азии, в большинстве арабских стран, а также Европе и Америке. Главный духовный центр этой организации находится в Дели, откуда осуществляется руководство национальными ассоциациями по всему миру.

Религиозная доктрина группы, основанная на Коране и Сунне, испытала на себе значительное влияние суфизма. Суфийская практика используется в религиозном воспитании и наставлении, а некоторые организационные принципы дервишеских орденов служат основой работы по привлечению новых сторонников. В своей проповеднической деятельности члены группы исходят из того, что, наставляя на путь истинный человека за человеком, они постепенно добываются устранения греховности из общества. Они не поддерживают, хотя и не отвергают, идею «удаления дурных поступков», которой придерживаются некоторые радикальные тра-

диционалисты, в частности, в Саудовской Аравии. По их воззрениям, добиться отречения от греховного возможно путем напоминания о наказании в день Страшного суда. Их убеждения запрещают юридическо-богословские изыскания, поскольку они считают, что в нынешнее время утрачены условия, позволяющие такого рода творчество.

Тем не менее на сегодня можно констатировать, что процессы, происходившие в указанных выше странах, оказывали более или менее заметное влияние на региональные международные отношения не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в более широких масштабах. В качестве примера можно сослаться на такой, ставший сегодня уже общепризнанным, факт, как применение некоторыми ведущими западными государствами политики «двойных стандартов» в отношении различных стран Ближнего и Среднего Востока. В частности, США время от времени поднимают вопрос о государственной поддержке терроризма отдельными восточными странами. В этом контексте проглядывается не только двойственность американского подхода к тем или иным субъектам международного права, но и неспособность американских политиков осуществлять взятые на себя добровольно в одностороннем порядке обязательства по контролю за нераспространением террористических проявлений на почве религиозного экстремизма.

Попытки установления США «нового мирового порядка» исходя из их собственных интересов, без учета реалий многополярного мира, приводят к возрастанию неуправляемости так называемого исламского фактора. Это влечет за собой невозможность оказания другими членами международного сообщества реального сдерживающего воздействия на распространение исламского экстремизма. Ставка на использование военной силы в подавлении очагов терроризма или ликвидации отдельных лиц, квалифицируемых США в качестве спонсоров международного терроризма, не только не эффективна, но и чревата непредсказуемыми последствиями.

Как показывает опыт подобных акций в отношении представителей «исламского терроризма», они зачастую дают обратный эффект: способствуют росту популярности экстремистов в своей среде и авторитету среди тех слоев населения, которых можно отнести к их социальной базе, а также активизируют протестные настроения среди мусульманских общин. В частности, неудавшиеся попытки администрации США рассчитаться с Усамой бен Ладеном за взрывы американских посольств в африканских государст-

вах, нанеся ракетные удары по базам моджахедов в Афганистане и по фармацевтической фабрике в Судане, привели к тому, что «главный спонсор международного терроризма» в одночасье приобрел такую известность в мире, о которой не мог даже и мечтать, сражаясь (кстати, при поддержке все тех же американцев) против советских войск в Афганистане и создавая финансовую и экономическую инфраструктуру борцов с «неверными» режимами по всему миру.

Видимо, отнюдь не случайно, что в исламских странах, с которыми США наиболее активно сотрудничают в области борьбы с терроризмом и которые используют рекомендации американцев без учета национальной специфики реальной религиозно-политической ситуации, сталкиваются с невозможностью ликвидировать терроризм на своей территории (например, в Египте).

Более того, силовые и полицейские методы способствуют расколу, росту напряженности в традиционном обществе, ведут в конечном итоге к нарушению прав человека (в их западном понимании). В этих условиях исламские фундаменталисты получают возможность не только критики режима за проводимую им прозападную политику, идущую вразрез с местной традицией, но и приобретают имидж борцов за независимость. Как заявлял верховный наставник «Братьев-мусульман» в Египте Мухаммед Хамид Абу ан-Наср, члены этой организации требуют введения шариата как гарантии свобод и защиты имущества в интересах независимости этой страны, освобождения ее от любых форм иностранного проникновения или вмешательства во внутренние дела.

Сложившаяся практика, при которой США игнорируют прогностический анализ социально-экономических причин, ведущих к воспроизведству террористических проявлений, связанных с исламским экстремизмом, заключается в ошибочности американской концепции универсальности созданной ими социально-экономической и политической системы и ее приемлемости регионами с совершенно иной структурой общественных отношений.

Характерным примером в этом ряду может служить Иран в последний период правления шаха, накануне революции 1979 г. Наблюдаемая в настоящее время неспособность США учитывать эту несовместимость ведет к тому, что в глазах мирового сообщества деятельность американцев выглядит не только как продолжение политики «двойных стандартов», но и в качестве государственной поддержки терроризма.

Например, до недавнего времени США оказывали финансовою помощь Йеменской Республике, на территории которой расположены религиозные институты и частные школы, в которых проходили идеологическую и военную подготовку экстремисты – выходцы из Алжира, Египта, Ливии, Судана и других мусульманских стран, а также самого Йемена. Однако в силу огромного влияния исламского фактора на внутриполитический курс президента Али Абдаллы Салеха йеменское правительство вынуждено было использовать различные ухищрения для продолжения финансирования этих учебных заведений в статьях бюджета.

Попытки США в ходе осуществления военной акции на Балканах разыграть «исламскую карту», в том числе и в интересах подрыва позиций наиболее радикально настроенных исламских фундаменталистских движений, если и достигли цели, то только частично.

Во-первых, исполняя роль защитников мусульман в Косово, США не удалось в полной мере привлечь к себе симпатии мусульман в других странах, уменьшив тем самым их поддержку традиционным борцам за дело ислама – фундаменталистам.

Во-вторых, пуски «Томагавков» по православной Сербии производились тогда, когда еще свежи были в памяти аналогичные действия в отношении мусульманских Судана и Афганистана, а также Ирака, и психологически воспринимались как звенья одной цепи, своего рода продолжение одного курса.

В-третьих, эффект устрашения фундаменталистов оказался слабее, чем ожидалось. Так, например, движение ХАМАС в своем заявлении по поводу косовских событий призвало арабские и исламские государства принять меры по оказанию срочной помощи мусульманам Косово и предотвращению повторения трагедии, которая выпала на долю палестинского народа. В то же время оно осудило действия США, которые прикidyваются защитниками мусульман Косово, хотя поддерживают сионистскую оккупацию Палестины и террористические действия против палестинского народа. Отмечалось также, что американское вмешательство – это попытка под прикрытием лозунга о правах человека достичь собственных целей, заключающихся в установлении полного контроля на Балканах.

Наряду с субъективными факторами, связанными с международной деятельностью отдельных государств на Ближнем и Среднем Востоке, которая способствует время от времени радикализации исламских движений в этих регионах, существуют более

глубинные и пролонгированные причины развития исламского экстремизма в современных условиях. Заметно, что тенденция к росту фундаменталистских устремлений определенной части мусульманского населения характерна для разных типов стран Ближнего и Среднего Востока. Однако это обстоятельство, включая разные исторические и социокультурные стартовые условия этих стран, если и влияет, то только в известной мере, на процесс запуска механизма генезиса повышенного спроса на радикальный ислам.

Таким образом, современный ренессанс исламского фундаментализма как в качестве государственной религии, так и в виде знамени, поднимаемого неправительственными религиозно-политическими организациями, имеет под собой вполне конкретную основу исторического характера, обусловленную традиционными социально-экономическими различиями между западным и восточным обществами.

Так, в современных странах Запада уже давно сложилось гражданское общество, тогда как на Востоке оно отсутствует по определению. Трудности его формирования в арабских странах являются одной из причин популярности исламистских идей, особенно у беднейших слоев городского и сельского населения, но также и у представителей определенных прослоек средних классов и незанятых интеллектуалов, получивших светское образование на Западе и не нашедших должного применения своим знаниям у себя на родине.

По итогам проведенного исследования становится очевидным, что в условиях дисбаланса в современной системе международных отношений, в силу ее фактической монополярности, продолжающихся процессов модернизации и глобализации (по сути – форсированной вестернизации), действующих и на мировом, и на региональных и субрегиональных уровнях, напряженность по линии «Запад – Восток» будет сохраняться и, возможно, даже усиливаться. Одним из проявлений этой напряженности является процесс «ползучей исламизации», протекающий во всех без исключения арабских странах, результатом которого становится усиление позиций религиозно-фундаменталистских сил, представленных многочисленными исламистскими организациями и движениями, действующими как на территории отдельных государств, так и на уровне всего региона. Поскольку главной целью исламистов является приход к власти и закрепление своих позиций в ключевых государственных институтах на легальной демократи-

ческой основе (Палестинская автономия, Марокко) или нелегальной (Египет, Алжир), то в обозримом будущем можно ожидать ужесточения внешнеполитической риторики отдельных государств региона, что может негативно отразиться на ситуации в самом регионе и в сопредельных регионах, где исламский фактор оказывал и продолжает оказывать существенное влияние на формирование политических реалий.

С учетом того, что в России мусульманское население, по разным оценкам, составляет до 20 млн. человек, внешняя политика России на исламском векторе должна будет проводиться с учетом интересов этой части населения, с тем чтобы не допустить нарастания напряженности внутри страны в процессе принятия внешне-политических решений.

Основная гипотеза, выдвинутая в начале статьи, о том, что исламизация всех сфер жизнедеятельности арабских стран, особенно политической сферы, в конечном счете приводит к радикализации их внешней политики, в ряде случаев (Палестинская автономия, Ирак, Ливан) получила косвенное подтверждение. Дело в том, что арабский регион не является монолитным образованием, он неоднороден.

Во-первых, существуют два субрегиона – Магриб и Машрик, связующим звеном между которыми является Египет.

Во-вторых, существуют страны, традиционно ориентированные на Запад (Египет, Марокко, Саудовская Аравия, другие монархии Персидского залива), и те, в которых сильны антизападные настроения (Ирак, Ливан, Судан, Палестинская автономия, Сирия).

В этой связи говорить о единой сбалансированной арабской региональной политике можно лишь с определенной долей условности.

Тем не менее стоит отметить близость позиций руководства всех арабских стран по ключевым региональным проблемам (палестинская проблема, восстановление Ирака, нераспространение ядерного оружия и оружия массового уничтожения). Однако в случае последовательной смены прозападно ориентированных правящих элит в ряде арабских стран и прихода к власти в них исламистских сил с большой вероятностью можно ожидать радикализации внешней политики не только на национальном, но и на региональном уровне в среднесрочной перспективе. Произошедший в Палестине летом 2007 г. фактический раскол автономии на две территории (сектор Газа под контролем ХАМАС и Западный

берег реки Иордан под контролем ФАТХ) подтверждает верность этого прогноза.

Говоря в целом о процессе ближневосточного урегулирования и о нарастающем влиянии исламизма на ситуацию в арабском мире и сопредельных регионах, следует отметить явную неэффективность (в практическом смысле) большинства мер и шагов, предпринимаемых ведущими западными державами и региональными и международными организациями (ЕС, ООН, Квартет, ЛАГ) в данной сфере.

Несмотря на многократные призывы России к вовлечению в мирный диалог всех заинтересованных стран, в том числе Сирии и Ирана, сколько-нибудь существенного прогресса в этом направлении не наблюдается. К тому же большинство исламистских организаций оказывается выключенным из конструктивного политического диалога, в основном потому, что их главным требованием является прекращение существования Израиля как самостоятельного субъекта международного права. Поэтому любые договоренности, достигнутые до настоящего момента между основными участниками мирного процесса, остаются, по сути, декларациями о намерениях. Почти 60-летняя история арабоизраильского конфликта является самым убедительным тому свидетельством.

Конфликт уже давно интернационализирован, он расколол мировое сообщество; Ближний Восток, являясь стратегическим регионом с точки зрения ведущих западных держав и России, еще на протяжении нескольких десятилетий будет оставаться очагом повышенной напряженности, прежде всего, в политической, экономической и гуманитарной сферах, наряду с усилением позиций радикального исламизма не только в арабских странах, но и в мусульманском мире в целом. Единовременное и эффективное политическое решение этой проблемы на данный момент не выработано и не может быть выработано только лишь в силу современной конъюнктуры, сложившейся в системе международных отношений на рубеже XX–XXI вв. Отвечая на вопрос, поставленный в начале статьи, следует отметить следующее.

В идейном отношении исламский фундаментализм амбивалентен. С одной стороны, для отрицания модернизации он использует традицию, провозглашая определенные ее элементы единственно законными символами исконно мусульманского мироустройства, но себя авторизует непосредственно через обращение к священному тексту. С другой – он не чужд реформаторст-

ву, но принципиально исключает новацию (собственные новации подаются как возрожденные традиции). Кроме того, исламизм отсекает реформаторский принцип развития позитивного содержания традиции в соответствии с требованиями среды.

Одновременно у фундаментализма есть вполне модернистские черты: сильная предрасположенность к развитию не просто отдельных мировоззренческих характеристик, но именно тоталитарной идеологии с элементами рациональности; убежденность в примате политики; понимание высшей цели как преобразование центральных политических институтов. Вывод из этого следующий: исламский фундаментализм, как и многие другие религиозные и политические течения, в той или иной степени подвержен необратимому процессу модернизации.

В последнее время на территории нашей страны отмечается значительная активизация «дааватской» (миссионерской, призывной) деятельности духовенства Ирана, Турции, Сирии, Иордании и ряда других исламских государств. Одним из социальных следствий этой деятельности может явиться общее усиление исламского фундаментализма в местах компактного проживания мусульман: на Северном Кавказе, в Поволжье и на Урале.

Прежде всего, религиозное оживление привело к бурному росту инфраструктуры. Только в Татарстане за последние годы выстроено более 1 тыс. мечетей, в Дагестане – свыше 2 тыс. (а по неофициальным данным – до 5 тыс.), в Башкирии – около 600.

Отечественная система исламского образования не способна готовить в таком темпе квалифицированные кадры, а свято место пусто не бывает: их приходится импортировать. Эти «нелицензионные зарубежные поставки» преимущественно с Ближнего и Среднего Востока вызывают тревогу не только государства, но и самих мусульман. Почему?

Казалось бы, зарубежная помощь в строительстве мечетей, издании религиозной литературы, подготовке кадров духовенства, создании учебных заведений оказала существенную поддержку российским мусульманам в усвоении духовно-нравственных ценностей и богословских основ ислама. Однако из-за значительной политизированности ряда международных исламских организаций, участвовавших в оказании поддержки российским правоверным, наряду с собственно исламскими ценностями ведется пропаганда идеи о том, что их религиозным долгом является борьба за независимость и, как следствие, создание суверенного исламского государства внутри России.

Принимая во внимание прогнозы, в соответствии с которыми к 2030 г. численность российских мусульман может достичь 30 млн. человек, а также динамичное социально-экономическое развитие арабских стран, создающее в ближайшей перспективе мощный плацдарм для дальнейшего возрастания помощи российским мусульманам из-за рубежа, стоит весьма серьезно отнестись к возможности такого рода модернизации.

Впрочем, среди общественных деятелей встречаются люди, понимающие, что асимметрия между ростом мусульманского населения в России и, напротив, депопуляцией остальной его части создает угрозу geopolитической катастрофы, когда исламский регион Идель-Урал (Поволжье) расколет Россию пополам. Чтобы этого не случилось, политолог Сергей Градировский разрабатывает проект «Русский ислам», исходя из предпосылки усиления роли ислама в России, а также из необходимости ладить с представителями этой конфессии для укрепления целостности государства. Достаточно напомнить, что в период 1992–1994 гг. на территории Чечни, Кабардино-Балкарии, Дагестана и Башкирии с помощью саудовских исламских организаций были созданы молодежные лагеря для изучения основ мусульманской религии, в которых преобладала пропаганда фундаменталистских течений ислама.

В частности, идея построения исламского государства и утверждения шариата считает необходимым выход мусульманских регионов из состава России и образование ими конфедеративного или федеративного государственного образования с ориентацией на исламские страны. Пантюркистские идеи воссоздания «государства Великого Турана», охватывающего территорию современных исламских государств Азии, Ближнего и Среднего Востока, разделяют некоторые организации и националистические движения северокавказских республик, Южной Осетии и Абхазии. Распространение данной идеологии может способствовать возникновению антагонизма в отношениях между различными группами населения и конфессиями российского общества.

Помимо того, что политизация ислама, чуждая традиционному российскому исламу, порождает угрозу территориальной целостности Российской Федерации, она еще подпитывает исламский радикализм и экстремизм, а также отрицает светский характер государства.

В этой связи стоит заметить, что российское законодательство содержит положения, в соответствии с которыми религиозное объединение не участвует в выборах в органы государственной

власти и в органы местного самоуправления, а также не принимает участия в деятельности политических партий и политических движений, не оказывает им материальную и иную помощь. Усиление государственного контроля за соблюдением этой нормы закона всеми религиозными организациями, в том числе и мусульманскими, могло бы содействовать сдерживанию политизации ислама в России.

Сможет ли буква закона остановить идеологов исламизма и их последователей? Каким будет будущее мусульманских регионов России? Насколько сильна «исламистская угроза» для нашей государственности? Вопросы можно множить, но одно ясно наверняка. Для России возможны два варианта модернизации через исламский фундаментализм: стать мишенью для радикальных мусульман всего мира либо превратиться в дружественную страну, готовую для диалога культур. Ислам как одна из мировых религий и в России проповедует гуманизм, смирение, ставит во главу угла общечеловеческие ценности, призывает к благочестию и праведному образу жизни, соблюдению этических и морально-нравственных императивов. Президент России Дмитрий Медведев, поздравляя всех мусульман нашей страны с праздником Уразабайрам, справедливо отметил некоторые незыблемые ценности, на которые опирается ислам: милосердие, стремление к созиданию, забота о ближних. Глава государства также выразил надежду, что мусульмане и впредь продолжат бережно относиться к сохранению традиций веры, содействовать развитию плодотворного межконфессионального диалога. Дмитрий Медведев продолжил, но уже на более высоком уровне активно выступать за толерантные и доверительные отношения мусульман с представителями других религий. Выступая 12 ноября 2009 г. с традиционным посланием перед Федеральным Собранием Российской Федерации, президент особо подчеркнул, что проживающие в нашей стране люди разных национальностей и конфессий должны иметь возможность для совместного полноценного общения. Применительно к Северо-Кавказскому региону первое лицо государства заявило следующее: «Мы (российские власти) сделаем все возможное, чтобы жизнь людей на Северном Кавказе была благополучной. А с теми, кто будет мешать нам, – разберемся».

Отрадно, что в XXI в. духовная жизнь миллионов российских последователей традиционного ислама во многих регионах становится богаче и разнообразнее, а их вклад в укрепление общественного согласия и взаимопонимания между народами нашей

единой Родины – все более весомым и значимым. Однако идеология исламизма зачастую строится на псевдоисламских в религиозном смысле ценностях.

Во-первых, набирающему обороты современному российскому исламизму присуще большинство недостатков. В частности, противоречивость идеологии и неоднородность убеждений, что влечет за собой несовершенство и нелогичность некоторых его норм.

Во-вторых, данное обстоятельство позволяет сделать вывод о возможности использования политическими лидерами только тех аспектов шариата, которые выгодны в той или иной ситуации. В таком случае исламский фундаментализм проявляется не как религиозное, а как политическое движение, стремящееся захватить власть любым доступным способом, в том числе и путем насилия-ственного свержения законной российской власти.

Мусульманская умма в России раздроблена: Поволжье, Урал, антагонично настроенные республики Северного Кавказа. Эти регионы сполна испили чашу многочисленных внутренних противоречий и конфликтов касательно исламского фактора. Во власти к этому обстоятельству единого подхода нет. Одни считают, что раздробленность полезна, поскольку позволяет действовать по известному принципу «разделяй и властвуй». Другие убеждены, что лучше было бы последовать примеру Екатерины II, которая после ряда мятежей мусульман объединила, учредив в Оренбурге Магометанское управление и взяв тем самым конфессию под контроль государства, и пресечь дальнейшее распространение исламизма.

Какая позиция возобладает сегодня? Со своей стороны замечу, что ключ к преодолению рецидивов исламского фундаментализма, обострившегося в России на волне демографического увеличения мусульман и связанных с мировым финансовым кризисом социально-экономических проблем, сегодня следует искать не в прямой борьбе с ним, как с неким материализовавшимся злом, а в оздоровлении российской экономики и улучшении уровня жизни наших граждан. Лишь эти действия федеральной и региональной власти способны сначала «законсервировать», а затем, возможно, и полностью нивелировать негативные проявления исламизма на территории мусульманских регионов России.

«Вестник аналитики», М., 2010 г., № 3, с. 41–58.

Виктор Волконский,
доктор экономических наук
ВОЗВРАЩЕНИЕ В СФЕРУ СМЫСЛОВ

Период безраздельного доминирования Запада во всех сферах жизни, начавшийся с крушения СССР, судя по многим признакам, может скоро окончиться. Наиболее вероятный прогнозный сценарий, по моему мнению, состоит в том, что на длительный срок установится ситуация, которую ныне называют многополярным миром. Одно из главных изменений, которое должно произойти и уже происходит при переходе к новому историческому периоду, – перенос внимания общества с практически-утилитарных проблем на духовно-идеологические, выход из тупика бездуховности, которым характеризуется период конца XX – начала XXI в. Должно произойти повышение роли надличностных Смыслов, возникновение новых объединяющих символов и учений или оживление, обновление и оздоровление старых.

Пока этот сценарий не имеет никаких четких очертаний или серьезных теоретических проработок. С моей точки зрения, с наибольшей вероятностью картина мира на несколько десятилетий (а может быть, и столетий) после 2020 г. будет характеризоваться повышением экономической, политической и духовно-идеологической значимости и независимости от западного Центра таких «полюсов», как Китай, Россия, Индия, исламский мир, Латинская Америка. Естественно, пока в отношении этого нового мироустройства можно задать много вопросов и не получить ни одного достаточно убедительного ответа. Не понятно даже, приведет ли устранение монополии Запада и финансового капитализма на власть и влияние к сокращению или росту числа военных конфликтов, увеличится ли или уменьшится безопасность населения, возрастет или сократится разрыв между бедностью и богатством в мире.

Мы верим, что многообразие жизненных укладов и верований, путей их совершенствования, которое сулит ожидаемый многополярный мир, будет благом для человечества и предпосылкой для его духовного объединения, окажется более успешным, чем безальтернативное доминирование одного Центра. Но это в решающей степени будет зависеть от тех теоретических и идеологических концепций, которые окажутся наиболее привлекательными и соответствующими культурно-цивилизационному содержанию и

историческим традициям народов нашей планеты, а также современной экономико-политической и технологической реальности.

После крушения СССР, которое было тяжелым ударом для коммунистической идеологии, едва ли не наиболее активной духовной силой в мире, оппозиционной глобализму, становится ислам. По свидетельству многих политологов, для настоящего времени характерен процесс радикализации исламских движений во многих странах. В России – 20 млн. мусульман, и крайне важно сохранить духовно-идеологическое единство наших народов. Ислам часто называют самой социально ориентированной из мировых религий. Коммунистическая идеология во многом отвечала социальным установкам ислама. Теперь сохранение единства наших народов зависит в первую очередь от их способности создать новую идеологию, которая оживляла бы и укрепляла традиции нашей духовной близости, а как следствие – и социально-политического единства.

В данной статье я рассматриваю три недавно опубликованных сочинения, в которых представлены две духовно-идеологические концепции, выдвинутые в рамках исламской традиции. Одна из них представлена книгой Г. Джемаля «Освобождение ислама»¹, другая – произведениями А. Бахтиярова «Путь восприятия Сердца» и «Размышления о вере»². Оба автора дают близкие оценки исторической ситуации, сложившейся в настоящее время в мире, однако их взгляды на задачи, стоящие перед человечеством, и на пути решения этих задач существенно различаются. Разумеется, я не считаю, что могу предложить приверженцам ислама пути решения мировых проблем, которые соответствовали бы их мировоззрению. Моя цель – обсудить упомянутые выше книги А. Бахтиярова и Г. Джемаля с точки зрения человека русской культуры, развившейся на базе православия. Речь пойдет о возможности применения живой духовности этих книг к нашим проблемам и общим задачам. В частности, попытаюсь оценить, насколько каждая из этих работ отвечает идее многополярного мира.

---

¹ Джемаль Г. Освобождение ислама. – М.: УММА, 2004.

² Бахтияров А.Р. Путь восприятия Сердца: От Сердца к Сердцу. – Москва. – Казань: Алтай-ТАУ, 2007; Бахтияров А.Р. Размышления о вере. Зачем верующему Коран? – Казань: Алтай-ТАУ, 2009.

Гейдар Джемаль: Идеология радикального ислама. Вот как трактует «чистый ислам» один из наиболее глубоких интеллектуалов – представителей радикального ислама – Гейдар Джемаль: «Безусловное различие, проходящее внутри человеческой массы красной нитью, делящее человечество на несовместимые друг с другом половины, – это отношение к смерти. С одной стороны стоят те, кто носит свою смерть внутри себя, для кого она – реальный центр их существа, не то, что “случится” с ними когда-нибудь, в неопределенном витальном будущем, но то, что составляет именно суть актуального здесь-присутствия. Эти люди составляют кадровую основу религии единобожия, даже если они на данный момент по превратностям биографии, среды и т.п. являются атеистами или исповедуют какие-то случайные идеологии. Они по своей конституции предназначены для армии духа, именно их называют модным словом “пассионарии”… Для других же смерть есть нечто категорически внешнее… максимально виртуальная, “исчезающее малая” возможность. Мощной действительностью, вытесняющей смерть со всех горизонтов, для таких людей оказывается само общество, которое они воспринимают, как некий пир, праздник солнца. …Они верят, что даже самое ничтожное и заброшенное существо при определенном упорстве и везении может повысить свой уровень потребления. И тем самым внести свой вклад во всеобщее дело вытеснения смерти в полную невозможность…»

По Г. Джемалю, «чистое христианство и чистый иудаизм – это ислам». Суть авраамического монотеизма – противостояние Року. В этом, конечно, есть определенная правда. Но, думаю, ни один христианин не согласится, что главный признак человека из «Армии духа» – то, что он «носит смерть внутри себя» и не пытается «повысить свой уровень потребления» и «внести вклад во всеобщее дело вытеснения смерти». Если не знать, что автор – виднейший деятель ислама, то можно подумать, что это идеи гностиков или катаров. Честь и хвала автору, который показывает нынешнему интеллектуалу, невежественному в духовной проблематике и религиозной истории, глубинный смысл центрального в исламе понятия джихада. Это «крайнее, напряженнейшее усилие преодоления инерции, борьба с ничтожным внутри себя и с агрессией ничтожного снаружи». Г. Джемаль во всех аспектах вскрывает истину: мир плывет по течению или безудержно катится к бездне, точнее, к «финальной битве двух полярных сил, раскололших человечество: силой нормального, подлинного, противостоящего

гнилостным, распадным, энтропийным процессам, силой, направленной вверх на соединение с первым и единственным Принципом всего сущего, силой ислама, с одной стороны, и силой инерции, фальши, самодовольства, кощунственной арлекинады, демонической жажды контроля, иными словами силой кафирского неоглобализма – с другой».

Перенос акцента с «внутренней священной войны» в Духе (Великий Джихад) на «священную войну» в физическом мире (малый джихад) – это признак фундаментальной причины нынешнего ослабления исламских стран – «ослабление самой веры». Большинство истинно верующих (и не только мусульман, но и всех авраамических религий) соглашается, что человечество – в кризисе. Доказательством этому служит то, что происходит ослабление веры: «Для верующих стали возможными, терпимыми, даже привычными вещи, которые абсолютно несовместимы с исламом», что «арлекинада, кривляние, подмена и фальсификация – эти обаязательные приметы Сатаны – стали доминирующим типом общественной жизни». Авраамическая традиция монотеизма дает альтернативу, оппозицию непреодолимому для человека причинно-следственному механизму (в древнегреческой культуре это Рок), тому, «что идет против потока тварного существования». Это воля Творца. Мученик, предавший себя воле Бога (шахид), своей смертью свидетельствует, что такая оппозиция существует.

Яркая и убедительная картина мира, представленная Г. Джемалем, не вызывает несогласия и отторжения у читателя, воспитанного на иной, не столь радикальной культурной и религиозной традиции. Безусловное неприятие вызывает то, что он главным знаком, главным символом Божественного послания считает Смерть. «В центре исламского послания стоит Смерть». Автора, видимо, вовсе не смущает, что его главный символ так напоминает символы и ритуалы, например, такого тайного общества, как американское братство «Череп и кости», которое в свое время сотрудничало с нацистами и которое считается одним из четырех тайных или полутайных обществ, составляющих мировое правительство. Отрицание жизни как противостояния смерти и прекрасного дара человеку от любящего Бога фактически означает полное отрицание ценности всего тварного мира. По Г. Джемалю, «история человечества начинается с пребывания Адама в раю, который он утратил. И с тех пор (в лице своих потомков) не перестает деградировать». Абсолютный враг духа – диктатура слепой судьбы, это Рок. Две его ипостаси – власть времени и власть общества.

Но враг – не только деградирующее общество. «Общество – это такой же страшный механизм, работающий по законам причин и следствий, как и весь физический космос». В христианстве и всей культуре, выросшей в христианской традиции, смерть – это враг (и именно поэтому врагом является власть времени). Преодоление смерти – вот великая победа духа, к которой может причаститься («приобщиться») христианин. По Г. Джемалю, приобщение к Богу невозможно: «Разница между Богом и тварью бездонно велика... Между скульптором и его творением есть связь, общая основа. Между тварью и Творцом нет общей основы». Быть готовым к смерти во имя жизни, жертвовать собой во имя любви к Богу или к его творениям – это понятно. Но как жить и умирать во имя проекта Творца, цели которого принципиально непостижимы и недоступны ни для твоего интеллекта, ни для эстетического чувства? Богу не нужны ни твоя жажда познать его через его творение, ни потребность открыть его красоту и совершенство для тех, кто их не видит. Для «предавшегося (Богу)» («муслима») нужна только одна психологическая способность к безграничной вере. «Пророки напоминают человечеству, что оно есть только глиняное орудие в борьбе духа. И та часть человечества, которая поймет и примет свою глиняную функциональную природу, становится избранной». Человек является только «инструментом Провидения» (рабом Бога). Он создан ради осуществления провиденциальной цели Бога, ведомой лишь ему самому: «Поистине, Я знаю то, чего вы не знаете».

Но такой ли нужен Богу инструмент, который «не имеет права давать волю сомнениям»? Ведь раб может быть не только исполнителем. Гораздо ценнее раб, который знает цель и вдохновлен величием проекта. Скорее всего, именно недостаток самостоятельного мышления и «центров по изучению лжеучений и духовных соблазнов» (это наше предложение) позволил Люциферу – Иблису – Деннице так мощно развить в современном мире технологии манипулирования сознанием – основное оружие сатаны. В современном, таком сложном мире вряд ли могут любые исполнители не делать ошибок при поисках пути. А если они не имеют права на сомнения, то раз уверовав в еретическое учение лжепророка, человек будет уверять себя, что он не должен нарушать верности.

Чтобы человек мог давать оценку и делать самостоятельный выбор, хотя бы в пределах, определенных доктринаами его веры, он должен собственным разумом и сердцем различать добро и зло,

красоту и безобразие. Чтобы действовать, он должен иметь образ цели, желаемого результата своих действий. Радикальная концепция Г. Джемаля содержит только «образ врага» – т.е. современного процесса глобализации, подавляющего заложенные в человеке искры духовности и превращающего его в бесформенную «субстанцию, «протоплазму», «глину, из которой он слеплен». Она не предусматривает таких пособий и опор для самостоятельного различения, выстраивания стратегий и тому подобного воинами Аллаха. Награда и оценка их усилий ждут их только после воскресения в день Страшного суда. Целью ислама является «установление закона Аллаха, высшей религиозной и политической власти на земле». Для пассионариев армии Духа эта концепция предусматривает как главную психологическую составляющую их деятельности волю к власти: «Воля к смерти, которая является жертвенной, пассионарной моделью высшего религиозного типа, является и волей к власти».

Такой взгляд резко противоречит лежащей в основе моей статьи гипотезе о том, что человечество входит в эпоху многополярного мира. Концепция Г. Джемаля ведет к продолжению двухполюсного антагонистического мира, под знаком которого прошел XX в. Не случайно он пишет, что в действительности существуют только две партии – «партия Бога и партия сатаны».

Несомненна заслуга автора в том, что он поднимает экономические и политические проблемы на метафизическую, религиозную высоту, дает им смысловое измерение, от которого отвык и о котором стосковался наш pragматичный и рациональный мир. Вот как он трактует разрыв богатства и бедности. «Человек, который принадлежит к полюсу “абсолютного богатства” в современном мире, не просто имеет деньги – он включен в смысловой луч истории, является участником проекта, определяет содержание и назначение человеческой жизни. Тот же, кто принадлежит к полюсу “бедности”, не просто ограничен в средствах, но лишен смысла как человеческое существо и не имеет доли в истории».

Отрицанию жизни как борьбы со смертью соответствует и отвержение Г. Джемалем основных исторически сложившихся социальных институтов. В «Манифесте нового Интернационала» он пишет: «Во все времена истории по отношению ко всем народам Земли существует один и тот же тианический субъект – организатор социальной мацропирамиды. Это единый хозяин исторического процесса, который через все меняющиеся экономические формы, цивилизационные обличья, сословные модификации

порождает одну и ту же несвободу и является онтологически преемственной корпорацией власть имущих...

Бюрократически-силовая структура государств, международная бюрократия, пестрая палитра государственных и частных спецслужб, масс-медиа – весь этот огромный аппарат защищает право нового “корпоративного фараона” на проектирование и воплощение судьбы всего человечества, как его собственной “фараонической” судьбы».

Эту же тему продолжает и «Освобождение ислама». Несомненное достоинство книги – яркое и квалифицированное описание мировой существующей элиты с ее открытыми и секретными обществами и идеологиями, опасностями для мира, которые несет сложившийся процесс глобализации. Но одновременно столь же уничтожающей оценке Г. Джемаль подвергает и любые организации, которые реально противостоят гибельным мировым процессам. Прежде всего это относится к институтам государства и церкви. Свою теологию автор называет «революционным исламом». Достоинством его позиции является трактовка революции как духовного события: «революция – это действие Святого Духа, религиозная мистерия, которая невозможна вне религиозного контекста авраамизма». В первую очередь это относится к большевистской революции 1917 г., значение которой он поднимает на по праву ей принадлежащую метафизическую высоту. К этой революции и к Ленину он относится положительно. И в то же время утверждает, что как победа Коммунистической партии в революции и Гражданской войне, так и развитие Советского государства – все это лишь один из проектов мондиалистских (глобалистских) сил. Советское общество «не только не противостояло мондиализму, но функционально обслуживало его». И сама партия большевиков была «мондиалистской и безусловно управляемой». По Г. Джемалю, «призывы к мировой революции, идея “всемирной советской республики” типологически ничем не отличаются от установки на новый мировой порядок»: это все – «пароли, позывные современного мондиализма». С начала 30-х годов советская власть в СССР превращается в «антисоветскую власть». За период с начала 30-х до 1991 г. «скрытое сотрудничество тоталитарной советской империи с империалистическим лагерем... погубило тысячи борцов, многие партии и боевые организации антиимпериалистического сопротивления». Ну что ж, раз ни одна из противоборствующих исторических сил в принципе не может привести человечество к приемлемому общественному устройству,

это, по крайней мере, делает более понятным превознесение автором смерти как единственной достойной цели.

Г. Джемаль фактически отвергает все реализовавшиеся в истории социально-политические организации, поскольку они порождают бюрократию и иерархию (которую он называет не иначе как «пирамидой»), т.е. систему угнетения и несвободы. Это относится как к транснациональным корпорациям, так и к противостоящим им национальным государствам. Любая клерикальная иерархия является для него «иерархией попов» или «муллократией». Даже самая революционная партия – большевистская – не смогла избежать превращения в великоледжавную партию бюрократов. По Г. Джемалю, носителями пассионарного нонконформизма остаются теперь только «одинокие герои», а наследниками воинской касты кшатриев – подпольные группы сопротивления Системе и полевые командиры. Его «Манифест нового Интернационала» заканчивается стратегией «управляемой мировой революции, в ходе которой новый Интернационал берет власть в мировом масштабе, оказываясь впервые в истории человечества штабом управления миром со стороны униженных и обездоленных, не используя больше бюрократические государства как инструмент планетарной политики». А в качестве первого этапа революции (или предварительного условия для ее начала) предполагается, что Интернационал нового типа должен добиться «влиятельности в мире, сравнимой с влиятельностью Коминтерна середины 20-х годов», чтобы «разрушить контроль со стороны Системы над общим ходом мировой истории». Это приведет к глобальному кризису, экономическому и социальному хаосу.

Возникает законный вопрос: если ни один из реализовавшихся в истории типов организации общества не избежал бюрократизации, клерикализации, угнетения, несвободы, то почему можно надеяться, что новая революция приведет к иному результату? И главное: что это за результат, какой тип общества достоин того, чтобы ради него создавать новую «армию Духа» и новый Интернационал и подвергать мир разрушительному кризису и хаосу? Как стал бы управлять новый Интернационал – «штаб управления миром», если бы «возрожденная героическая элита» воинов Аллаха (по выражению Г. Джемаля, «костяк будущего управляющего класса») взяла власть? Разве этот новый класс избежал бы участия любого правящего класса и любой властвующей элиты и не стал бы «корпорацией власть имущих», т.е. «субъектом угнетения»? Верь Г. Джемаля, что они приведут мир к обществу без бю-

рекратии, без несвободы, можно было бы назвать наивным нигилизмом. Но это не так. Похоже, что эти вопросы его не заботят. Почему? Потому, что он смотрит на человечество «с точки зрения чистого финализма, оппозиции всякому возможному бытию... Человек поставлен Богом... в роли конца всех вещей, в центре которых он поставлен».

И тут же встает вопрос о самом понятии революции. Чем отличается позиция революционеров от позиций непримиримых борцов-одиночек или разрозненных групп сопротивления существующему режиму? К таким группам относились группы бомбистов-народников в России, сейчас – группы террористов в арабских странах, если они действуют не под руководством спецслужб или иных тайных руководящих центров. Их идеологии могут быть различны: от ликвидации наиболее ненавистных народу чиновников до идейно-религиозного отрицания любых бюрократических и клерикальных структур. По-видимому, главное отличие – в более глубокой проработанности целей борьбы, всей идеологии и как результат – в четкой и совершенствующейся организации партии. Г. Джемаль называет свою теологию «революционным исламом».

Исторический нигилизм Г. Джемаля, не желающего разлицать советскую власть 30–80-х годов и мировой империалистический лагерь, приводит его к вопросу о субъекте оппозиции, субъекте сопротивления Системе. Когда бросаешь вызов всему миру, этот вопрос становится очень непростым. Кто те угнетенные и обездоленные, которые должны управлять миром после победы мировой революции? Пролетариат мечтает только об улучшении своей экономической ситуации и делегирует свои политические полномочия профессиональным революционерам. Массы «люмпенизированы», и марксистский проект солидарности обездоленных становится химерой. С точно такой же трудностью столкнулся в 60-е годы идеолог «новых левых» Г. Маркузе. В своей наиболее известной работе «Одномерный человек» он писал: «Самый слабый пункт Критической теории (так он называл свою теорию. – В. В.). – ее неспособность указать освободительные тенденции внутри существующего общества» (т.е. внутри развитых стран «мирового сообщества»), иными словами, в развитых странах трудно найти те социально-политические силы, которые хотели бы «освобождаться от Системы. Единственный резерв сопротивления, который он может указать, – «под покровом консервативно настроенной основной массы народа скрыта прослойка отверженных

и аутсайдеров, эксплуатируемых и преследуемых представителей других рас и цвета кожи, безработных и нетрудоспособных».

Г. Джемалю в 2004 г. удается уже определить более политически значимую силу в качестве субъекта сопротивления Системе. Это диаспора – те люди, которые, «с одной стороны, противопоставлены среде, а с другой – не изолированы от нее, принуждены с враждебной средой взаимодействовать, конкурировать». Для автора важно, что они вырваны из всех «почвенных, этнических, клановых и даже семейных связей». Диаспора – это наследник цивилизации кочевников. Вот как характеризует Г. Джемаль роль этой цивилизации. «В земледельческой оседлой культуре человек фиксирован на земле, двигаясь во времени. Для него существует история, существуют перемены... Кочевник, будучи человеческим перекати-поле, свободно перемещается в пространстве, но, наоборот, фиксирован во времени. Оно для него не движется. Кочевые племена находятся вне истории». Что же, автор готов приветствовать победу диаспоры, несмотря на то, что она чужда истории, что она не знает и не хочет знать культуры и традиций того народа, куда заскинула ее поиск несметных богатств (как конкистадоров в Америку или мигрантов на Запад в XX в.)? Да, именно так. По его мнению, диаспора – идеальный субъект для существования конца истории, «конца всех вещей». (Правда, никак уж нельзя согласиться, что монотеизм – это «перестройка сознания, в которой в качестве приоритетного центра, смысловой оси, выбрана оппозиция всякому бытию».) «Преимуществом диаспорного варианта (мировой революции) является отсутствие угрозы перерождения партийной государственной бюрократии из революционеров в национал-большевиков». Очевидно, сильнее кошки зверя нет.

Можно предположить, что на идею назвать диаспоры лучшей силой для революции навела автора известная роль диаспоры в российских революциях 1905 и 1917 гг. Однако и в создании современной финансово-империалистической системы – главного врага джемалевского Интернационала XXI в. – роль диаспоры в Европе и Америке огромна. На наш взгляд, исторический опыт свидетельствует, что местные (Г. Джемаль предпочитает термин «автохтонные») элиты оказываются более последовательными субъектами сопротивления, в то время как представители диаспоры гораздо более активно начинают искать возможность приблизиться к «центру силы и богатства» и обслуживать Систему.

Как уже было сказано выше, по нашему мнению, теология Г. Джемаля и его социально-политическая идеология базируются

на радикальном противостоянии «миру и всему, что в мире». Он и Ленина ценит только за то, что для него (по мнению Г. Джемаля) «сущее есть ложь, а единственная истина – это революция против лжи», он – «духовная линза, в фокусе которой горит луч всей русской культуры и истории», прожигающий «свинцовую мерзость» любой жизни в любую эпоху. Вопрос о том, отвергнуть ли мир как порождение злого Бога или принять земную жизнь, несмотря на все «свинцовые мерзости», как Божий дар, как великую возможность видеть, чувствовать, бороться, участвовать в его сотворении, – это главный духовный вопрос, который так современно поставил Ф.М. Достоевский в образе Ивана Карамазова: принять ли мир как дар Божий или гордо отказаться от него и «почтительно вернуть билет»? Я верю, что будущее за теми, кто мир принимает.

Что можно ответить в целом на «тотальный исторический нигилизм» в отношении таких социальных институтов, как государство, церковь, а также господствующие теперь в мире глобальные финансово-политические группы (ФПГ) и корпорации? Представитель марксистско-ленинского социализма скорее всего скажет, что как государства на протяжении тысячелетий человеческой истории, так и крупные промышленные и финансовые организации, появившиеся в период индустриального общества, являются необходимой формой, в рамках которой развивались наука, экономика и культура. Они создавались и создаются трудом (а часто и жертвами) в течение десятилетий или даже столетий, аккумулирующих бесценный опыт поколений. Их рост обычно связан с определенной системой ценностей и с возникновением иерархии – иерархии ответственности, влияния, знаний и опыта, харизмы и власти. ХХ век прошел под знаком борьбы за статус и роль государства. Будет ли государство реальным представителем народа, выразителем интересов страны или станет лишь инструментом в руках крупных ФПГ и мировой финансовой олигархии? Представитель православной традиции, вероятно, согласился бы, что государство может играть важную, необходимую роль в человеческой истории и играло ее, когда государство освящалось и одухотворялось Священным Духом. Для России сильное централизованное государство – одно из ценнейших богатств, буквально выстраданное народом в периодически возникавших смутах и междоусобиях. И дальше добавил бы, что в человеческом обществе любые, самые высокие социальные идеи, самые рациональные структуры и самые справедливые институты – не совершенны и не вечны.

Со временем идеи перестают соответствовать своему назначению и фальсифицируются, пассионарный революционный подъем сменяется временем циничных практиков, «привилегированных плебеев, которые всплывают на исходе революции, когда над огнем затвердевает лава...» (это цитата из романа «Полдень века» В. Сержа о событиях в России конца 20-х – начала 30-х годов, которую приводит Г. Джемаль). Но весь опыт истории свидетельствует, что человечество не может обойтись без крупных организаций и их бюрократии. Без них оно вернулось бы в эпоху, когда разрозненные группы наших предков тряслись от холода и страха в пещерах. Выход состоит в том, чтобы терпеливо и последовательно совершенствовать такие институты, как государство и церковь, преображать и просветлять их изнутри, внося в их устройство рационализм и духовность. Помните, как говорил Маленький принц у Антуана де Сент-Экзюпери: баобабы надо выпальвать каждое утро на всей планете!

Это, конечно, не революционная идеология. Но это не означает, что я отрицаю революции в принципе. Просто сейчас нет идеологии: нет концепции, определяющей, к какой цели может и должна привести социально-политическая революция. Предстоит период теоретической и духовной работы, который, возможно, приведет к очевидности для многих, что такая революция человечеству необходима. Но, возможно, период затянется надолго, даже если эти поиски будут проходить в общественно-политической и экономической ситуации в мире, которую значительная часть человечества будет оценивать как противоречащую достоинству и призванию человека. Многие верующие считают, что ответы на все вопросы заложены в Священных книгах. Но ведь в них не говорится об устройстве общества в современном мире, о необходимой его структуре. Какая экономика, какое государство угодны Богу? Чтобы получить ответ на этот вопрос, необходимы, по крайней мере, объяснения, комментарии к текстам Корана и Евангелий (комментарии, столь презираемые Г. Джемалем).

Ведь с тех пор, как были даны Откровения пророков, очень много воды утекло. В тысячи раз увеличилось число верующих и число неверующих. А такие понятия, как демократия (в том числе и столь важная для Г. Джемаля военная демократия), олигархия, единство народа – это, как известно, понятия арифметические. Если в древнегреческом полисе все взрослое население могло собраться на главной площади и решить все главные вопросы власти, то в современном обществе народ может узнать что-либо о

своих правителях только через газеты и телевидение. А сколько их, непубличных политиков, чиновников, финансистов, а главное – советников, которые готовят и принимают важнейшие для страны решения. Народ не знает даже имен!

Разве не очевидно, что нас, людей, стало «слишком много», чтобы можно было обойтись без хорошей организации, структурирования общества, политической и хозяйственной иерархии? А крупная организация не существует без бюрократии и без иерархии.

Теология «разделяющая» и теология «объединяющая»

Г. Джемаль, как уже отмечалось, подчеркивает задачу разделения верных и неверных, поляризацию сил ислама и сил инерции, фальши бездуховности. В недавно вышедших книгах Айрата Бахтиярова «Путь восприятия Сердца: От Сердца к Сердцу» и «Размышления о вере. Зачем верующему Коран?» раскрывается другая сторона, другая ипостась ислама. Это «объединяющая» идеология и теология. В этих книгах дана общая концепция развития и совершенствования человечества как единого сообщества, как процесса «обучения объединяющему способу мировосприятия» для поддержания «гармонии всех частей Единого, Единой жизни». Концепция физического и метафизического космоса в их взаимодействии проецируется на проблемы мировосприятия и поведение отдельного человека. Подробно описан путь развития у себя восприятия и осознания любви, даны даже методики, «технологии» такого самовоспитания на основе Корана и других священных текстов.

А. Бахтияров пишет: «Мы поначалу не видим разницы между целостным самоосознающим существом, каковым по сути является, и выделением нашего самосознания в виде разделенного “я”. Рассудку кажется, что если мы откажемся от разделяющего взгляда на мир, то погибнем, исчезнем как самоосознающее существо. В этом проявляется фундаментальная особенность разделяющего человеческого эго... Для того чтобы знать реакцию частичек Единого по отношению к нам, мы должны научиться ощущать их изнутри, воспринимать как бы “их взглядом”, постараться понять, почему, каким образом они с нами взаимодействуют». Осознание ценности и эффективности духовного единства, отождествление

своих интересов с интересами Целого – этот путь открывают и проповедуют в своих Откровениях все монотеистические религии.

А. Бахтияров верит, что «наступит миг, когда наши “жертвы” будут приняты – Он откроет наши сердца и поселит в них свою Любовь. Тогда мы в единстве Любви сможем дарить Ему, предлагая всего себя, любовь своих сердец и быть благодарными, не забывая просить у Него прощение за всю ту боль, которую мы Ему причинили». Общение с Богом, к которому стремится верующий человек, учит глядеть на любой конфликт с точки зрения Творца, который отвечает за все мироздание. Если ты любишь Господа, ты должен подумать: «А каково Ему управляться со всем этим сложным миром, со всеми нами – часто такими глупыми и злыми? Неужели я доставлю Ему еще дополнительную печаль и трудности своим своеволием и нарушением Его учения?»

Г. Джемаль, конечно, понимает необходимость единства мировой исламской общины как теолого-политического субъекта, а затем и всего протестного движения. Однако трудно представить такое единство на основе его «разделяющей» финалистской теологии. Гораздо более вероятно, что такой основой станет принцип любви, к которому призывает и которому верит А. Бахтияров. Во всяком случае, к единению мусульман с христианами его установка гораздо ближе: «Милосердный взыщет любовью всех верующих и делающих добро» (Коран, 19:96).

Ряд культурологов (в частности, Освальд Шпенглер), характеризуя особенность западной цивилизации, указывают на тип ее духовной экспансии: стремление устанавливать свой порядок, те принципы и правила жизни, которые обитателям западных «развитых» стран представляются нормальными, а обычно и единственными разумными, и само собой разумеющимися. Этот тип отношения к иным культурам вовсе не является обязательно характерным для всех здоровых и «растущих» цивилизаций. В частности, для православной российской цивилизации в гораздо большей мере характерны способность и стремление к сосуществованию с иными культурами с постепенным, все более глубоким пониманием, «вживанием» в их образы и смыслы, «впитыванием» и усвоением их. Православию свойственна анонимность, способность взглянуть на противостояние двух с точки зрения целого, учитывающего интересы обоих.

В интерпретации Г. Джемаля подлинный «чистый» ислам должен быть наделен тем же типом духовной экспансии, который характерен для Запада. На вопрос, должна ли быть вера духовно

агрессивной, он отвечает: «Бессспорно»... Она должна стремиться к власти. Вопрос: «Но тогда уверовавший должен находиться если не в конфликте, то в антагонизме с другими?»... Ответ: «Обязательно должен находиться в антагонизме».

Сошлюсь на Андрея Девятова, который в своих книгах и статьях для изложения политических теорий и идеологических позиций с успехом использует магию символов, чисел и иных «признаков тайны замысла». Обратимся и мы с его подачи к символике «двоичности» и «троичности» как доминирующих «фигур» мышления в цивилизациях Запада и Востока. Согласно А.П. Девятову, для Запада характерна «двоичность» мышления, для российской и китайской культур – «троичность» (символ православной Троицы, «Бог любит троицу», китайские описания перемены стихий и космических начал в циклах времени – не как борьбы противоположностей, а как связки трех сил). Попробуем предложить свою гипотетическую (возможно, излишне «рациональную») логику этого признака различия цивилизационных кодов. Гегелевская диалектическая триада «тезис – антитезис – синтез» более характерна для азиатского Востока, чем для Запада. Недаром К. Маркс сказал, что для него смысл жизни – борьба. Духу Запада важнее первая фаза диалектического движения – борьба тезиса и антитезиса. Заповедь формальной логики – «третьего не дано». Для Востока борьба антагонистических начал – только момент, этап движется, важен результат, синтез. Осознание ценности и эффективности духовного единства, отождествление своих интересов с интересами целого, взгляда на каждое противоречие тезиса и антитезиса с позиции их синтеза – этот путь открывают и проповедуют в своих Откровениях все монотеистические религии.

В западной культуре доминирует приоритет будущего, даже если это будущее неизвестно и неопределенно. «Новое» имеет магическую власть над человеком Запада. Как говорится в образной украинской шутке: «Нехай гирше, да иньше». Идея прогресса возникла в Европе не раньше XVII в. Для восточной философии, как и для мифологического мышления, обычно золотой век находится в прошлом, для них характерны циклические схемы истории. Идея Ф. Ницше о «вечном возвращении» – это не западная идея, так же как его попытка обожествить «мгновение» это поиск спасения от разрушительности «вечного боя» и «бега времени», поиск выхода из сферы временного и ничтожного в сферу Вечности и Духа.

Для духа Востока немыслима вечная конфронтация. В «Вечности» – только Великая Гармония и Великий Покой. Лозунг

«Разрушим до основания, а затем...» – этот лозунг мог возникнуть лишь в молодой (по сравнению с Востоком) западной цивилизации. Запад ушел от предпочтения стабильности, покоя, сохранения прошлого, характерного для традиционных обществ.

В концепции А. Бахтиярова символом идеального, «целевого» состояния служит не прошлое, или покой, но гармония, гармоничное единство Жизни. Радикальная концепция Г. Джемаля не вписывается в нарисованный выше образ духа Востока. Она гораздо ближе к западной «двоичности».

Хочу в заключение подытожить отношение к теологии Г. Джемаля, которое возникает у меня, человека христианского мировоззрения и христианской культуры. Я высоко ценю тот героический пассионарный пафос, который несет своими работами Г. Джемаль. На мой взгляд, этот героический дух в большой мере присутствует в изначальном христианстве. Но в последнее время из-за доминирования практически-материалистического мировоззрения и буржуазной морали этот героический дух в христианских обществах во все большей степени утрачивается. Однако у Г. Джемаля отсутствует то, без чего теряют смысл человеческая жизнь и героическое противостояние злу, что дает возможность принять земную жизнь как великий дар Бога. Это Любовь, о которой апостол Павел говорит: «Если имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдаю тело мое на сожжение, а любви не имею, – нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13: 2, 3).

«Дружба народов», М., 2010 г., № 6, с. 161–176.

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2011 – 1 (223)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Технический редактор Н.И. Романова
Корректор О.В. Шамова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 12/1-2011 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 12,0 Уч.-изд. л. 11,2
Тираж 500 экз. Заказ № 1

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел/ Факс (499) 120-4514
E-mail: market@INION.ru

E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в типографии ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)

